

Брайан Олдисс

СУПЕРИГРУШЕК ХВАТАЕТ НА ВСЕ ЛЕТО

Рассказы, которые легли в основу сценария «Искусственного разума» Стивена Спилберга!

АЛЬТЕРНАТИВА ФАНТАСТИКА

Суперигрушек хватает на все лето

Брайан Олдисс

Аннотация
Брайан Олдисс. Суперигрушек хватает на все лето
Вступление: попытка понравиться
Суперигрушек хватает на все лето
Суперигрушки с приходом зимы
Суперигрушки в другие времена года
Апогей
ИИИ
Старый миф
Без головы
Говядина
Ничто не лишне в жизни этой…
Вопрос математики
Кнопка «Пауза»
Три вида одиночества
Steppenpferd
Когнитивная способность и электрическая лампочка
Мрачное общество
Галактика Зет

Чудеса Утопии
Стать полной бабочкой
Самый белый Марс

Аннотация

Рассказы, которые легли в основу сценария «Искусственного разума» Стивена Спилберга… История общества, в котором секс становится единственным средством выживания… Ироничные и увлекательные летописи первых попыток человечества принести блага земной цивилизации на далекие планеты… Жесткие и насмешливые мини-антиутопии, в каждой из которых людям будущего приходится пожертвовать какой-то из простых ценностей… Новая коллекция рассказов писателя, которого критики называют «самым ярким голосом британской научной фантастики нашего времени»!

Брайан Олдисс
Суперигрушек хватает на все лето

Вступление: попытка понравиться

«Суперигрушек хватает на все лето» — история о маленьком мальчике, который, что бы он ни делал, никак не может угодить матери. Мальчик не знает, что он андроид — хитроумное устройство с искусственным интеллектом. Такое же, как и его единственный друг — плюшевый мишка.

Рассказ этот очень впечатлил Стэнли Кубрика, и он решил снять по нему фильм. Кубрик настаивал, и в конце концов я продал ему права на экранизацию. Какое-то время мы даже работали над сценарием.

Стэнли был гениален, но ужасно придирчив. Что ж, собственная независимость далась ему нелегко. Он был чрезвычайно требователен не только к себе, но и к другим.

Что до независимости, однажды я был свидетелем случая, когда с Кубриком пожелало встретиться руководство студии «Уорнер бразерс». Стэнли ненавидел летать на самолетах, а потому заставил директоров, от которых напрямую зависело его финансовое благосостояние,

прибыть в Лондон. Там они попытались пригласить Кубрика к себе в отель, однако он отказался, сославшись на занятость.

Так что руководителям «Уорнер бразерс» пришлось самим отправиться к нему в Сент-Олбанс.

Кубрик лелеял не только свою независимость, но и миф о себе как об эксцентричном гении-затворнике.

Наши отношения были дружескими. В своей книге об истории научной фантастики я сказал, что три его фильма — «Доктор Стрейнджлав», «2001: Космическая одиссея» и «Заводной апельсин» — сделали Кубрика «великим научным фантастом нашего времени». Книга попала Кубрику в руки, и он был весьма польщен.

В середине семидесятых он неожиданно позвонил мне и разразился длиннющим монологом, видимо, имевшим целью проверить мою способность терпеливо слушать. Как бы там ни было, я, судя по всему, выдержал экзамен: Кубрик предложил мне пообедать вместе. Мы встретились в 1976-м, в ресторане в Борхам-Вуд.

В те времена Стэнли напоминал Че Гевару — тяжелые башмаки, камуфляж, борода, курчавые волосы, берет. Мы выпили и поговорили о кино и научной фантастике. Беседа была приятной, хотя

и довольно долгой.

Годом раньше вышел его фильм «Барри Линдон»; хотя операторская работа была великолепной, ледяная холодность ленты не пришлась по вкусу широкой публике. Возможно, Кубрик не знал, что снимать дальше. У нас сложились сердечные отношения, и мы встречались раз-два в год и непременно обсуждали вопрос, какой фильм мог бы стать успешным.

Я рекомендовал Стэнли написанный Филипом К. Диком в шестидесятых роман «Сдвиг времени по-марсиански». Стэнли книга не заинтересовала. Позже я посвятил два года жизни попыткам протолкнуть эту книгу на экран — мы с моим тогдашним агентом Фрэнком Хатерли даже написали сценарий.

Пару раз я и моя жена Маргарет приезжали в Кубрик-Касл и обедали со Стэнли и его женой, художницей Кристианой, чьи светлые холсты висели повсюду в доме. Стэнли любил актеров и восхищался ими. Он считал Питера Селларса гением, обожал Стерлинга Хейдена, Филипа Стоуна и Нормана Росситера. «Диалоги вообще не нужны, — однажды сказал он. — Вышвырните их прочь. Хороший актер способен передать все одним только взглядом».

Во время съемок «Сияния» по роману Стивена Кинга Стэнли был совершенно неуловим. Вновь он объявился только в августе 1982-го, прислав мне письмо, в котором вспоминал о том, как в прошлую нашу встречу мы замечательно обсудили тему «Звездных войн», и то, как иной раз банальнейшие истории становятся великолепными фильмами. Мы тогда действительно пытались просчитать элементы, необходимые для того, чтобы снять успешный фантастический фильм в сказочном ключе. Среди необходимых элементов присутствовали: скромный парень простого происхождения, вынужденный вступить в битву со вселенским злом, группка его разношерстных друзей, зло в конце концов непременно повержено, несмотря на все трудности. А парень получает руку и сердце прекрасной принцессы. Тут мы оба расхохотались: ведь мы почти один в один описали «Звездные войны».

Разговор перешел к моему рассказу «Суперигрушек хватает на все лето». По просьбе Стэнли я послал ему некоторые из моих книг. Среди них «Малайсийский гобелен» и «Время затмения» — сборник рассказов, изданных издательством «Фабер и Фабер», в котором были напечатаны «Суперигрушки». Стэнли писал: «Я уверен, что

этот короткий рассказ являет собой прекрасное начало для длинной истории; к несчастью, у меня нет ни малейшего представления о том, как события будут развиваться дальше. Похоже, подсознание просто отказывается работать над тем, что ему не принадлежит…»

Рассказ — точнее, краткий эпизод — впервые был опубликован в «Харперс базар» в декабре 1969-го; в 1982-м у меня были проблемы с уплатой подоходного налога, так что я охотно продал Кубрику права. Помню, в контракте весьма часто встречались слова «неограниченный срок». Впрочем, теперь ясно, что владение правами не ускорило креативный процесс Стэнли — он по-прежнему не знал, как сделать из рассказа фильм.

Так или иначе, в ноябре 1982-го контракт был подписан, и мы со Стэнли приступили к работе над сценарием.

Каждый день к дверям моего дома на Боарс-Хилл подъезжал лимузин, и я отправлялся в Кубрик-Касл, домишко на окраине Сент-Олбанса размером с город Бленем в Новой Зеландии. Стэнли плохо спал и часто ночами бродил по пустым комнатам с ингалятором в руке. Меня он обычно встречал словами: «Не подышать ли нам свежим

воздухом, Брайан?»

Мы открывали заднюю дверь, за которой простирались бесконечные акры полей, и Стэнли закуривал сигарету, после чего заявлял: «Пожалуй, на сегодня свежего воздуха достаточно». Мы возвращались в дом и больше за весь день не высовывали оттуда нос. Это была своего рода шутка. Наши отношения тоже были своего рода шуткой.

Однажды, когда мы только-только ввели в сценарий новый персонаж, Стэнли поинтересовался: «Брайан, а чем занимаются люди, которые не снимают фильмы и не пишут научно-фантастических книг?»

Кубрик отдавался работе целиком и полностью. К сожалению, он был очень нетерпелив и с ходу отвергал любые не приглянувшиеся предложения.

Поначалу я тоже не мог понять, как можно сделать полноценный фильм из крошечного рассказа. И вдруг однажды утром до меня дошло, что нужно делать, и я тут же позвонил Кубрику. «Приезжай», — сказал он.

Я приехал. Я рассказал. Ему не понравилось.

Вопрос был закрыт. Кубрик никогда не принимал что бы то ни было частично. Не рассматривал

предложение со всех сторон, не пытался извлечь из него хоть какую-нибудь пользу.

Когда мы только начали работать вместе, Стэнли дал мне прекрасно иллюстрированное издание «Пиноккио». Я не видел параллелей между Дэвидом, моим пятилетним андроидом, и деревянным созданием, которое в конце концов стало человеком. Получалось, Стэнли хотел, чтобы Дэвид стал человеком, а еще хотел, чтобы материализовалась Голубая фея. По мне, так не стоит сознательно переписывать старые сказки.

Работа со Стэнли была весьма поучительной. Моя беда в том, что я в течение тридцати лет наслаждался независимостью и не слишком хотел работать с, а если точнее, под кем-то. И все же наши отношения были дружескими. Если мы заходили в тупик, то вставали из-за стола и отправлялись поздороваться с Кристианой. Обычно она занималась живописью в большой пустой комнате с огромными окнами, открывающими вид на Кубриковы владения. Стэнли предпочитал сам готовить обед, который, как правило, состоял из стейка с бобами.

Я не видел свой коротенький рассказ полноценным фильмом, однако Стэнли говорил, что гораздо легче сделать кино из рассказа, чем из

большого романа. В фильме примерно шестьдесят сцен, тогда как в романе их сотни, и каждая плавно переходит в другую.

Кроме того, сказал Стэнли, он же взял рассказ Артура Кларка «Часовой» — две тысячи слов, как и в «Суперигрушках» — и сотворил из него отличное кино. То же самое нужно сделать и с моим рассказом.

Лишь позже я осознал лукавство в его словах — рассказ Кларка направлен вовне, в Солнечную систему, тогда как моя история смотрит внутрь разумного создания.

Мы вновь принялись за работу. Каждый день я фиксировал все наши успехи в большой красной тетради. Вечером после возвращения домой мы с Маргарет обсуждали происходящее за бокалом вина, а после ужина я отправлялся в кабинет переписывать заметки из красной тетради в сценарий, выпуская диалоги, на чем настаивал Стэнли. Затем отправлял материалы по факсу. В те времена владеть факсом было круто, и этот аппарат здорово помог нам в работе. Выполнив обязательную часть, я описывал в своем личном дневнике события дня.

Однажды, когда, казалось, все финансовые рынки мира испытывали небывалый спад, Стэнли на

полном серьезе заявил мне: «Брайан, срочно продавай свои акции и купи на вырученные деньги золотые слитки». Ему, видно, было невдомек, что мой золотой слиток получился бы размером с упаковку жевательной резинки.

Иной раз, когда мы садились работать, Стэнли, не раздумывая, отправлял в корзину все результаты вчерашних трудов. Неудивительно, что он дымил как паровоз и поглощал кофе литрами.

И все же мало-помалу дело шло. В феврале 1983-го я написал важный эпизод и отправил его Кубрику по факсу. Он позвонил мне, полный энтузиазма: «Великолепно! Я потрясен! О фантастических вещах следует говорить именно так, как будто это самое обычное дело. Ничего не нужно объяснять!»

Я: «Другими словами, надо обходиться с читателем/зрителем так, как будто он тоже часть будущего, которое вы описываете».

Стэнли: «Думаю, да. Не нужно перегружать его фантастическими деталями».

Я: «Чем больше вы объясняете, тем это менее убедительно».

Стэнли: «Похоже, у вас два стиля письма: один великолепный, а другой вовсе не настолько хорош».

Каждый остался при своем мнении. Больше мне не удалось угодить Стэнли так, как в случае с тем отрывком. И хотя во время работы мы не раз взрывались от хохота, прогресса было немного.

Стэнли оставлял от моего рассказа все меньше и меньше. Указывая, что, хотя фильм и должен содержать по меньшей мере шестьдесят сцен, ему необходимо по крайней мере восемь, как он называл их, «непотопляемых единиц». Три мы уже смастерили, переделав два моих ранних рассказа — «Все слезы мира» и «Гибельный профиль».

Метод непотопляемых единиц хорошо виден в фильме «2001: Космическая одиссея». Во многом тайна фильма кроется в контрасте между совершенно несопоставимыми сценами. Прекрасно этот способ работает и в «Сиянии». Простые надписи вроде «Месяцем позже» или «Вторник, 4 часа пополудни» ясно дают понять трепещущей аудитории, что вот-вот должно произойти что-то ужасное, и Джеку Николсону придется тяжелее, чем до этого момента.

Человек скрытный, Стэнли никогда не говорил, над чем еще работает. Лучше всех об этом сказал Аллен Нельсон в книге «Кубрик: в лабиринте кинохудожника». Нельсон приводит убедительные объяснения того, что многие восприняли как

нестыковки (речь идет о «Сиянии») — он доказывает, что речь идет об обязательных приемах хоррора. И все-таки фильм был бы лучше, если бы Кубрик как следует проработал Венди Торренс — персонаж, сыгранный Шелли Дюваль. По мне, так леди слишком много тараторит без толку.

Неожиданно для себя я обнаружил, что Стэнли не знает точно, что делать дальше. Однажды он спросил меня, какого рода кино нужно снять, чтобы оно было таким же масштабным, как «Звездные войны», и в то же время поддержало его репутацию режиссера, занимающегося социальными проблемами.

Однажды, когда я приехал к Кубрику домой, он говорил только о спилберговском «Инопланетянине». Возможно, его впечатлило то, что весь фильм снят с бедра, чтобы имитировать взгляд на окружающее ребенка, — он делал то же самое в «Сиянии», когда хотел, чтобы зритель увидел мир глазами Дэнни Торренса. Кубрик любил фантастическое кино. Вместе с ним мы посмотрели «Бегущего по лезвию» Ридли Скотта.

Стэнли был убежден, что однажды искусственный интеллект одержит верх и заменит собой человечество. Люди недостаточно надежны, недостаточно умны.

Как-то раз мы попытались представить, что будет, когда Советский Союз рухнет и Запад пошлет танки-роботы и андроидов спасать то, что еще можно спасти. Дело было в 1982-м, и мы уже могли представить себе, что СССР когда-нибудь падет — но как это произойдет? При каких обстоятельствах?

Вскоре мы оставили мысли об этом. Но давайте предположим, что у нас получилось бы более-менее точно спрогнозировать события 1989 года за семь лет до того, как они произошли в действительности. Предположим, что мы вывели бы фигуру Горбачева в качестве президента СССР, и то, как Венгрия открыла возможность для восточных немцев выезжать в Западную Германию и вообще на Запад, то, как рушатся коммунистические режимы, как казнят диктаторов, как заканчивается «холодная война»… Уникальный момент истории человечества.

А если бы мы сняли на эту тему фильм в 1982-м? Да нам просто-напросто никто бы не поверил! Даже научная фантастика должна быть правдоподобной, и в этом, по словам критиков, ее слабость. Ничто не сравнится по фантастичности с реальной жизнью — примером как раз и служит конец восьмидесятых. А нам еще предстоит

увидеть распад Европейского Союза.

Шли годы, а мы так и не могли сдвинуться с места. Стэнли проявлял все большее нетерпение. Из небытия опять всплыла Голубая фея. Процесс настолько засосал меня, что приходилось прилагать недюжинные усилия, чтобы оставаться примерным мужем и отцом.

Ключевая проблема крылась для Стэнли в Дэвиде, мальчике-андроиде. Его вполне мог бы сыграть реальный мальчик, но стремление Стэнли к совершенству требовало, чтобы для фильма был построен настоящий андроид. Это влекло за собой немалые технологические проблемы: робот должен был двигаться как маленький мальчик, правильно ходить и все такое прочее. Нынче вес гораздо проще — подобные трудности канули в прошлое с приходом компьютерной графики.

В 1987 году на экраны вышел «Цельнометаллический жилет». Эта лента о Вьетнамской войне стала хитом в Японии, хотя в остальных странах добилась куда меньшего успеха. При помощи тридцати шести привезенных из Испании пальм Стэнли воссоздал Вьетнам на разрушенной стройплощадке в лондонском Ист-Энде. «Настоящие руины построить практически невозможно, — говорил Стэнли, — да и зимние закаты в Англии

очень похожи на вьетнамские». Полураздетые актеры страшно мерзли, и перед съемками их обдували специальными тепловентиляторами, чтобы избавиться от гусиной кожи. Ах, магия кинематографа!

В 1990-м все усложнилось. Агенты и адвокаты обменивались письмами. Мы со Стэнли работали над идеей затопления Нью-Йорка — лишь бы заставить Голубую фею вынырнуть из пучины. Я пытался убедить Стэнли, что он должен создать не волшебную сказку, а великий современный миф, который мог бы соперничать с «Космической одиссеей» и «Доктором Стрейнджлавом».

Глупый поступок. Он привел к тому, что я лишился возможности работать над картиной.

Стэнли не сказал «до свидания», не поблагодарил. Просто прикурил очередную сигарету и повернулся спиной. А «Суперигрушки» были переименованы в «ИИ».

Стэнли обладал двумя гениальными навыками: умел снимать отличное кино и умел и близко никого не подпускать к своему творческому процессу. Он культивировал образ затворника.

Гениев не заботят правила вежливости — их мозг занят другим. На их дурные манеры лучше всего не обращать внимания. Даже Артур

Кларк, с которым Стэнли работал над сценарием «Космической одиссеи», не мог представить, как превратить мой коротенький рассказ в полноценный фильм. Наверное, нам всем стоило извлечь из происходящего урок, хотя я толком и не знаю какой.

В любом случае для меня возврат к сладкой свободе был освобождением. В течение нескольких лет я работал одним из многих щупалец Кубрика. Однажды, когда мы боролись над концепцией использования настоящего андроида, Стэнли воскликнул, что американцы видят в роботах угрозу, боятся их. Только японцы по-настоящему любят роботов, а потому растят электронных гениев, способных создать первых настоящих андроидов. Он тут же позвонил своему помощнику Тони Фрюину:

— Соедини-ка меня с «Мицубиси». (Представим, что именно с «Мицубиси», хотя я точно не помню, о какой компании идет речь.)

— С кем вы хотите поговорить в «Мицубиси», Стэнли?

— С мистером Мицубиси.

Чуть позже раздался телефонный звонок. Стэнли снял трубку, и голос на другом конце провода произнес:

— О, мистер Стэнли Кубрик? У аппарата мистер Мицубиси. Чем могу быть вам полезен?

Каждый на планете знал имя Стэнли Кубрика, чего же удивляться, что он не такой, как все.

Итак, почему же «Суперигрушки» так и не были экранизированы? Я уверен, что Стэнли допустил фундаментальную ошибку. Впечатленный научно-фантастическими блокбастерами того времени, он хотел перенести мой грустный, домашний рассказ на просторы галактики. У него ведь получилось провернуть этот фокус с рассказом Кларка. Однако нельзя забывать, что рассказ Кларка изначально направлен вовне, а не внутрь. В «Суперигрушках» Дэвид страдает, потому что не догадывается, что он машина. Вот в чем истинная драма. Как сказала Мери Шелли в своем «Франкенштейне», она «рассказывает о таинственных страхах человеческой природы».

В фильме можно было бы показать, как Дэвид оказывается лицом клицу со своей истинной природой. Страшное потрясение — мальчик осознает, что он машина. В его программе происходит сбой. Возможно, отец отвозит Дэвида на фабрику, где с конвейера сходят тысячи точно таких же, как он, андроидов. Может быть, он самоуничтожится? Зритель должен погрузиться в

тревожную драму клаустрофобии, должен выйти из кинозала с вопросами: «Дэвид — машина. Но разве это имеет какое-то значение? И до какой степени все мы тоже машины?»

За метафизическими головоломками по-прежнему лежит простая история — история, которая привлекла Стэнли Кубрика — о мальчике, который никак не мог угодить своей матери. История отвергнутой любви.

Стэнли Кубрик умер в 1999 году. Печальное известие прозвучало во всех новостях. Я устал давать интервью. В то время я был занят написанием романа. Мне захотелось перечитать «Суперигрушки», и вдруг я понял, что рассказываю себе, что же произошло дальше. Через тридцать лет после написания того, первого, рассказа я написал второй, продолжающий повествование о Дэвиде и Тедди.

Ко мне зашел гость. Очень приятный гость — Ян Харлан, зять и деловой партнер Стэнли. Ян хотел, чтобы я принял участие в документальном фильме о жизни Кубрика. В конце беседы я дал ему свой новый рассказ — «Суперигрушки с приходом зимы».

Ян послал рассказ Стивену Спилбергу, который унаследовал незаконченные работы Кубрика.

Чуть позже я написал Спилбергу. В письме я говорил, что Дэвид должен встретиться с тысячами своих копий. Спилбергу идея понравилась, и вскоре Ян предложил мне продать фразу, содержащую эту идею. Несомненно, предложение продать фразу — всего лишь одну фразу — выглядит волшебно заманчивым. И тут я вдруг увидел, как должна закончиться история о Дэвиде, и написал третий рассказ. Все три рассказа вместе включили в себя все необходимое для создания кинофильма. Никакого затопленного Нью-Йорка, никакой Голубой феи. Просто яркая, мощная драма о любви и разуме.

Рассказ «Суперигрушки в другие времена года» был отправлен Спилбергу. В нем была и та самая волшебная фраза.

По договоренности с «Уорнер бразерс» Спилберг приобрел права на экранизацию всех трех рассказов.

А я счастлив, что смог продать рассказы двум великолепным режиссерам — Кубрику и Спилбергу. Теперь Спилберг снимает «Суперигрушки» — под названием «ИИ», как хотел Кубрик. Съемки начались на Лонг-Айленде в июне 2000 года. Выйдет фильм, как ожидается, в 2001-м.

Суперигрушек хватает на все лето

В саду миссис Суинтон царило вечное лето. Прелестные миндальные деревца никогда не сбрасывали листву.

Моника Суинтон сорвала шафранного цвета розу и показала Дэвиду.

— Правда, красивая?

Дэвид поднял на нее глаза и молча улыбнулся. Схватив цветок, он бегом пересек лужайку и скрылся за конурой, в которой бормотала косилка, готовая в любую минуту начать косить, убирать и подметать.

Миссис Суинтон осталась стоять одна на безупречной дорожке из пластикового гравия, глядя ему вслед.

Она старалась любить его.

Решив наконец последовать за мальчиком, миссис Суинтон обнаружила его посреди пруда. Он стоял там, не сняв даже сандалий, и смотрел, как роза плавает в воде.

— Дэвид, дорогой, ну нельзя же быть таким ужасным ребенком. Немедленно переодень сан-

далии и носки.

Он пошел с ней не сопротивляясь, темная головка на уровне ее талии. В свои пять лет он совершенно не боялся ультразвуковой сушилки на кухне. Однако прежде чем мать успела подать ему пару сухой обуви, Дэвид вырвал руку и скрылся в глубине дома.

Наверное, отправился искать Тедди.

Моника Суинтон, двадцати девяти лет, красавица с сияющими глазами, пошла в гостиную и присела там, изящно сложив руки. Она сидела и думала, а вскоре уже просто сидела, не думая ни о чем. Время дарило ей маниакальную праздность, которая достается детям, безумцам и женам, чьи мужья занимаются улучшением мира. Почти рефлекторно миссис Суинтон потянулась и изменила длину волны окон. Сад растаял, вместо него появился центр города с толпами людей, летающим транспортом и небоскребами. Звук она включать не стала, толпа — идеальное место, где можно побыть в одиночестве.

Директора «Синтанка» отмечали запуск нового продукта гигантским ленчем. Некоторые из них носили модные пластиковые маски. И все без исключения были стройны и худощавы, несмотря на поглощаемое количество еды. Их жены тоже

были стройны и худощавы, хотя и съедали не меньше своих благоверных. Предыдущее, менее искушенное поколение сочло бы их чудесными людьми, если бы не глаза. Глаза у них были жесткие и расчетливые.

Генри Суинтон, управляющий директор «Синтанка», собирался произнести речь.

— Жаль, что ваша супруга отсутствует, — заметил его сосед.

— Моника предпочитает сидеть дома и размышлять о прекрасных вещах. — Суинтон принужденно улыбнулся.

— У такой прекрасной женщины и мысли должны быть прекрасными, — сказал сосед.

Оставь мою жену в покое, ублюдок, подумал Суинтон, продолжая улыбаться.

Он поднялся и под аплодисменты начал свою речь. После пары дежурных шуток Суинтон сказал:

— Сегодняшний день ознаменован для нашей компании настоящим прорывом. Прошло почти десять лет с тех пор, как мы выбросили на рынок первые синтетические формы жизни. Все вы помните, каким успехом они пользовались, особенно миниатюрные динозавры. Однако ни одна из этих форм не обладала разумом.

Кажется парадоксом, что в наше время мы способны создавать жизнь, но не разум. Наш первый продукт, ленточники Кроссвелла, продавались лучше всех и при этом тупы как пробка.

Среди присутствующих раздался смех.

— Несмотря на то что три четверти перенаселенного мира голодает, у нас здесь всего вдоволь — спасибо контролю над рождаемостью. У нас проблемы с ожирением, а не с патологической худобой. Полагаю, за этим столом нет человека, в чьем тонком кишечнике не трудились бы кроссвелловские помощники, абсолютно безопасные ленточные черви, позволяющие хозяину съедать на пятьдесят процентов больше пищи и при этом сохранять прекрасную фигуру. Верно?

Все закивали.

— Наши миниатюрные динозавры почти настолько же глупы. Но сегодня мы запускаем в производство разумную синтетическую форму жизни — полноразмерного слугу. Он не просто обладает разумом; он обладает контролируемым количеством разума. Мы уверены, людей испугало бы искусственное существо, равное им по разуму. У нашего слуги в череп встроен крошечный компьютер.

На рынке уже появлялись механоиды с ком-

пьютером в качестве мозга — безжизненные пластиковые штуковины, суперигрушки, — но мы нашли способ соединить компьютерные цепи с синтетической плотью.

Дэвид сидел у длинного окна детской, борясь с бумагой и карандашом. В конце концов он бросил попытки и принялся катать карандаш по крышке стола.

— Тедди!

Тедди лежал на кровати у стены под книжкой с движущимися картинками и гигантским пластиковым солдатиком. Голосовая матрица хозяина активизировала его, и Тедди сел.

— Тедди, я никак не придумаю, что написать!

Медвежонок сполз с кровати, вразвалку подошел к Дэвиду и уцепился за его ногу. Дэвид поднял его и посадил на стол.

— А что ты уже написал?

— Я написал… — Дэвид поднял листок и пристально всмотрелся в написанное. — Я написал: «Дорогая мамочка, надеюсь, у тебя сейчас все хорошо. Я люблю тебя».

Наступило долгое молчание, наконец медвежонок заговорил:

— Неплохо. Спустись вниз и отдай ей.

Вновь долгое молчание.

— Это не совсем правильно. Она не поймет.

Внутри медвежонка крошечный компьютер принялся перебирать варианты.

— Может, написать цветными карандашами?

Дэвид смотрел в окно.

— Тедди, знаешь, о чем я думаю? Как отличить, какие вещи настоящие, а какие ненастоящие?

Медвежонок поразмыслил.

— Настоящие вещи — хорошие.

— Я вот думаю, а время, оно хорошее? Мне кажется, мамочка не очень любит время. Однажды, много дней назад, она сказала, что время проходит мимо нее. Время настоящее, Тедди?

— Часы показывают время. Часы — настоящие. У мамочки есть часы, значит, она должна любить их. У нее на запястье часы, рядом с коммуникатором.

Дэвид принялся рисовать на обороте письма самолет.

— Мы с тобой настоящие, Тедди, правда ведь?

Медвежонок уставился на мальчика неморгающими глазами.

— Мы с тобой настоящие, Дэвид. — Программа требовала, чтобы он поддерживал у хозяина хорошее настроение.

Моника медленно бродила по дому. Вот-вот

должна прийти дневная почта. Она набрала на коммуникаторе номер — ничего. Нужно подождать еще несколько минут.

Можно взяться за рисование. Или позвонить кому-нибудь из подруг. Или просто подождать, пока вернется Генри. Или пойти поиграть с Дэвидом…

— Дэвид!

Нет ответа. Она позвала снова. И еще раз.

— Тедди! — окликнула она строгим голосом.

— Да, мамочка! — Через мгновение мохнатая голова Тедди появилась наверху лестницы.

— Тедди, Дэвид в своей комнате?

— Дэвид пошел в сад, мамочка.

— Спускайся сюда, Тедди.

Она нетерпеливо ждала, пока мохнатое тельце спустится со ступеньки на ступеньку на коротких неуклюжих лапах. Когда Тедди наконец подбежал к ней, Моника подняла его и отнесла в гостиную. Медвежонок в ее руках был совершенно неподвижен, он не сводил с нее глаз. Моника ощущала легкую вибрацию моторчика.

— Встань здесь, Тедди, я хочу поговорить с тобой.

Моника опустила медвежонка на стол, и он встал, как она просила, передние лапы вытянуты

в вечном приглашении к объятию.

— Тедди, Дэвид просил тебя сказать мне, что он пошел в сад?

Цепи в мозгу медвежонка были слишком незатейливы, чтобы лукавить.

— Да, мамочка.

— Выходит, ты соврал мне.

— Да, мамочка.

— И прекрати называть меня мамочкой! Почему Дэвид избегает меня? Он ведь не боится меня?

— Нет, он любит тебя.

— Почему мы не можем общаться?

— Потому что Дэвид наверху, а мы здесь.

Ответ ошарашил ее. Какой смысл тратить время на разговоры с этой машиной? Почему бы просто не пойти наверх, не взять Дэвида на руки и не поговорить с ним, как любящая мать с любимым сыном? Тишина дома давила на Монику, в каждой комнате царила своя, особая тишина. На верхнем этаже что-то мягко двигалось. Дэвид… он пытается спрятаться от нее, не попасться ей на глаза…

Речь понемногу приближалась к концу. Гости слушали внимательно, то же и пресса, занявшая два ряда стульев у стены. Репортеры записывали каждое слово Генри и время от времени фотогра-

фировали его.

— Наш синтетический слуга будет, во многих смыслах, компьютерным продуктом. Без знания генома мы никогда бы не разработали сложной биохимии синтетической плоти. А в его черепе скрыт компьютер, микроминиатюризированный компьютер, способный справиться практически с любой ситуацией в доме. С некоторыми оговорками, конечно.

Снова раздался смех — многие из присутствующих помнили жаркие дебаты, разгоревшиеся в руководстве «Синтанка», прежде чем было принято решение не снабжать слугу признаками пола.

— Наряду с триумфами нашей цивилизации — ну и, конечно, наряду с острой проблемой перенаселения, — печально видеть, что все больше и больше людей страдают от одиночества и изоляции. Наш механический слуга станет спасением для них: он всегда ответит, и даже самая бессмысленная беседа никогда не наскучит ему.

А в будущем мы планируем новые модели — мужского и женского пола, лишенные ограничений первого образца. Это я вам обещаю. Модели улучшенного дизайна, настоящие биоэлектронные существа.

У них будут не только собственные компьюте-

ры, способные к индивидуальному программированию; они будут подключены к Пространству — так мы называем Всемирную компьютерную сеть. У каждого в доме может появиться воистину эквивалент Эйнштейна. С личной изоляцией будет покончено раз и навсегда.

Генри сел под бурные аплодисменты. Даже синтетический слуга, сидящий за столом в скромном, не бросающемся в глаза костюме, с энтузиазмом хлопал в ладоши.

* * *

Прижимая к себе ранец, Дэвид осторожно обогнул дом, вскарабкался на вычурную скамейку под окном гостиной и осторожно заглянул внутрь.

Мать стояла посреди комнаты. Лицо ее было каким-то пустым — отсутствие на нем какого-либо выражения испугало Дэвида. Он смотрел не отрываясь. Она не шевелилась, Дэвид тоже. Тедди покрутил головой по сторонам, заметил Дэвида, сполз со стола и направился к окну. При помощи своих неуклюжих лап он в конце концов кое-как открыл его.

Они посмотрели друг на друга.

— Я плохой, Тедди. Давай убежим!

— Ты очень хороший мальчик, Дэвид. Мамочка любит тебя.

Дэвид медленно покачал головой.

— Если она меня любит, то почему я не могу поговорить с ней?

— Дэвид, какой же ты глупый. Мамочка одинока. Вот почему у нее есть ты.

— У нее есть папа. А у меня нет никого, кроме тебя. Это я одинок.

Тедди дружески потрепал его по голове.

— Если ты так плохо себя чувствуешь, наверное, надо снова сходить к психиатру.

— Ненавижу этого противного старого психиатра — с ним мне кажется, что я ненастоящий!

Дэвид бросился прочь. Медвежонок перевалился через подоконник и побежал за ним, насколько позволяли его короткие лапы.

Моника Суинтон поднялась в детскую. Окликнула Дэвида по имени и в нерешительности замерла. Тишина.

На столе лежали цветные карандаши. Повинуясь безотчетному импульсу, она подошла к столу и открыла его. Там оказался целый ворох бумажных листков. Многие из них были исписаны цветными карандашами нескладным детским почерком Дэвида, каждая буква изобра-

жена своим цветом. Ни одна из надписей не была завершена.

ДОРОГАЯ МАМОЧКА, КАК ТВОИ ДЕЛА, ЛЮБИШЬ ЛИ ТЫ МЕНЯ ТАК ЖЕ, КАК…

ДОРОГАЯ МАМОЧКА, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ И ПАПУ, И СОЛНЦЕ СВЕТИТ…

МИЛАЯ, МИЛАЯ МАМОЧКА, ТЕДДИ ПОМОГАЕТ МНЕ НАПИСАТЬТЕБЕ. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ И ТЕДДИ…

МАМОЧКА, ДОРОГАЯ, Я ТВОЙ ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ СЫНОК, И Я ТАК СИЛЬНО ТЕБЯ ЛЮБЛЮ, ЧТО ИНОГДА-ДОРОГАЯ МАМОЧКА. ТЫ НА САМОМ ДЕЛЕ МОЯ МАМОЧКА, И Я НЕНАВИЖУ ТЕДДИ-МИЛАЯ МАМОЧКА, ТОЛЬКО ПРЕДСТАВЬ, КАК СИЛЬНО Я…

ДОРОГАЯ
МАМОЧКА,
Я ТВОЙ МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК, А НЕ ТЕДДИ, И Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, А НЕ ТЕДДИ-ДОРОГАЯ МАМОЧКА, ЭТО ПИСЬМО ДЛЯ ТЕБЯ, ЧТОБЫ ТЫ ЗНАЛА, КАК СИЛЬНО, КАК ОЧЕНЬ СИЛЬНО…

Моника разразилась рыданиями. Разноцветные листочки выпали из рук и разлетелись по

полу.

Генри Суинтон сел в экспресс в прекрасном расположении духа и даже перемолвился словечком с синтетическим слугой, которого вез с собой. Слуга отвечал вежливо и сдержанно, хотя ответы его и не всегда соответствовали стандартам человеческого мышления.

Суинтоны жили в одном из самых шикарных сити-блоков. Их квартира располагалась внутри гигантского жилищного конгломерата. Окна наружу в апартаментах отсутствовали — кому захочется смотреть на перенаселенный внешний мир. Красным лучиком блеснул в глаза сканер сетчатки, и дверь открылась. Сопровождаемый синтетическим слугой, Генри вошел внутрь.

И сразу его окружил сад, лето в котором никогда не кончалось. Удивительно, как при помощи полнограммы удавалось создать в тесном пространстве иллюзию простора. Среди роз и глициний стоял их дом — воссозданный до мельчайших подробностей георгианский особняк.

— Тебе нравится? — спросил он слугу.

— На розах кое-где черные точки, — ответил тот.

— Фирма гарантирует отсутствие на цветах любых изъянов.

— Конечно, всегда рекомендуется приобретать вещи с гарантией, даже если они стоят немного дороже.

— Спасибо за информацию, — сухо поблагодарил Генри.

Синтетические формы жизни появились меньше десятилетия назад, а механические андроиды — не больше шестнадцати. Работа их систем совершенствовалась год от года.

Генри открыл двери дома и окликнул Монику.

Она тут же появилась из гостиной и бросилась в его объятия, покрывая поцелуями.

Генри был крайне удивлен. Отстранившись, он пристально взглянул на нас. Моника словно излучала свет и красоту. Такой он не видел жену уже много месяцев. Инстинктивно он прижал ее к себе.

— Дорогая, что случилось?

— Генри, Генри… о мой дорогой!.. Я была просто в отчаянии… и тут я получила послеобеденную почту и… ты не поверишь! О, это чудесно!..

— Ради всего святого, женщина, о чем ты?

Тут он заметил в ее руке еще теплый, только что из принтера листок — Министерство населения. Кровь отхлынула от лица, голова закружилась от потрясения и надежды.

— Моника… о… Только не говори, что выпал наш номер!

— Да, милый, да, мы выиграли в еженедельной родительской лотерее! Мы можем прямо сейчас зачать ребенка!

Генри издал восторженный крик, и они закружились по комнате. Окончательное перенаселение сдерживалось только лишь строгим контролем над рождаемостью. Чтобы родить ребенка, требовалось разрешение правительства. Суинтоны ждали этого дня четыре года.

Заливаясь счастливыми слезами, они наконец прекратили свой безумный танец. Моника повернула регулятор окон, и за ними вновь показался сад. Золотой свет искусственного солнца освещал лужайку, на которой стояли Дэвид и Тедди, глядя сквозь стекло на Генри и Монику.

Увидев их лица, супруги посерьезнели.

— А что будем делать с ними? — спросил Генри.

— С Тедди проблем нет, он работает нормально.

— А Дэвид? Он что, барахлит?

— По-прежнему проблемы с вербальным коммуникационным центром. Боюсь, его надо будет вернуть на фабрику.

— Ладно, посмотрим, как у него будут дела, пока не родится ребенок. Да, вспомнил, у меня же для тебя сюрприз! Пойди-ка в холл и посмотри, что там.

Когда взрослые скрылись из виду, Дэвид и Тедди опустились на землю между одинаковых роз.

— Тедди, я думаю, мамочка и папа — настоящие, правда?

— Какие глупые вопросы ты задаешь, Дэвид. Никто не знает, что на самом деле значит «настоящие». Пойдем лучше домой.

— Сначала я сорву еще одну розу!

С ярким розовым цветком в руках Дэвид вошел в дом. Когда ляжет спать, он положит розу рядом с собой на подушку. Своей красотой и нежностью она так напоминала ему мамочку.

Суперигрушки с приходом зимы

В саду миссис Суинтон не всегда было лето. Моника выбралась в запруженный толпами центр с Дэвидом и Тедди и купила ВРД с «Еврозимой». Теперь миндальные деревца были лишены листьев, на их ветвях лежал снег. Снег не растает, покуда работает диск.

Снег будет всегда лежать на подоконниках иллюзорных окон дома Суинтонов. Сосульки будут свисать с водосточных труб, покуда работает диск.

Морозное синее зимнее небо всегда будет морозным и синим, покуда работает диск.

Дэвид и Тедди играли у замерзшего декоративного пруда. Игра их была проста — они скользили по льду навстречу друг другу, едва успевая разминуться. И каждый раз хохотали от восторга.

— Я почти столкнулся с тобой, Тедди! — закричал Дэвид.

Моника наблюдала за ними из окна гостиной. Наконец, устав от бесконечного повторения, она выключила окно и отвернулась. Синтетический слуга выглянул из своего алькова и поинтересо-

вался, не нужно ли ей чего-нибудь.

— Нет, спасибо, Жюль.

— Больно видеть, как вы горюете, мэм.

— Все в порядке, Жюль, я справлюсь.

— Может, позвать вашу подругу, Дорабель?

— В этом нет необходимости.

Генри Суинтон совсем недавно обновил слуге программное обеспечение. Андроид стал по-другому двигаться — не так уверенно, как раньше. Так он больше напоминал настоящего старика. Говорить он тоже стал лучше, и Монике это нравилось.

Она набрала номер Генри, и вскоре в воздухе перед ней возникло его улыбающееся лицо.

— Моника, привет! Как дела? У нас тут намечаются большие перемены. Через девять минут у меня встреча с Авергейлом Бронцвиком. Если мы договоримся, «Синтмания» станет самой крупной компанией на планете, круче, чем что бы то ни было в Японии или Штатах!

Моника внимательно слушала, хотя и понимала, что, по сути, ее муж репетирует свою речь перед Бронцвиком.

— Стоит мне только подумать о том, что нас ждет, Моника… Если все состоится, я… мы станем богаче на три миллиона мондо. У меня такие пла-

ны! Мы переедем в другой дом, продадим Дэвида и Тедди, купим новых синтов, да что там — мы купим себе целый остров…

— Ты скоро домой?

Вопрос прервал бурные излияния Генри на полуслове.

— Ну, ты же знаешь, на этой неделе я очень занят. Надеюсь вернуться к понедельнику…

Моника отключилась.

Она сидела в кресле, руки сложены на груди, потом активировала окно. Дэвид и Тедди по-прежнему катались по льду, издавая радостные крики. Моника открыла ставни и окликнула:

— Дети, хватит гулять! Поиграйте у себя в комнате.

— Хорошо, мамочка! — крикнул Дэвид. Он выбрался из замерзшего пруда и повернулся помочь медвежонку перелезть через бортик.

— Что-то я потолстел, Дэвид, — засмеялся Тедди.

— Ты всегда был толстым, Тедди. За это я тебя и люблю — ты такой приятный.

Они вбежали в дом, и дверь мягко закрылась за ними. Мальчик и плюшевый медвежонок принялись взбираться по ступенькам наверх, притворяясь, что им очень весело.

— Я быстрее! — кричал Дэвид.

Это было так по-детски. Монике даже взгрустнулось, когда они скрылись из виду.

Настенный коммуникатор отбил пять часов и включился. Моника повернулась к нему и начала странствия по Сети. По всей планете люди, в основном женщины, обсуждали религиозные проблемы. Кто-то писал статьи, некоторые придумывали фотоколлажи.

— Бог нужен мне, потому что я так часто чувствую себя одинокой, — сказала аудитории Моника. — Мой ребенок умер. Но я не знаю, где Бог. Может, он не любит посещать наши города?

Посыпались отклики.

— Ты что, настолько безумна, что полагаешь, будто Бог живет в деревне? Забудь об этом — Бог везде.

— Бог это просто наши молитвы, где бы мы ни были. Я помолюсь за тебя.

— Само собой, ты одинока. Бог — не больше чем концепция, придуманная несчастными мужчинами. Вернись к жизни, дорогая. Обратись к нейронауке.

— Именно потому, что ты думаешь, будто ты одинока, Бог и не может достучаться до тебя.

Два часа она просматривала и записывала

отклики. Потом выключила коммуникатор и просто сидела в тишине. Наверху тоже было тихо.

Однажды, решила Моника, она проведет анализ всех полученных ответов. Оформит должным образом результаты. Выложит их на суд публики. И станет знаменитой. Она вновь отважится выйти на городские улицы — с охраной, разумеется, — и люди будут говорить: «Смотрите, это же Моника Суинтон!»

Она стряхнула оцепенение — почему в комнате Дэвида так тихо?

Дэвид и Тедди лежали на полу и рассматривали книжку с живыми картинками, хихикая над проделками изображенных в ней животных. Неуклюжий слоненок в клетчатых штанах спотыкался о барабан, который катился по улице к реке.

— Он упадет в речку, когда-нибудь обязательно упадет! — воскликнул Тедди сквозь сдавленный смех.

Когда в дверях появилась Моника, оба замерли. Она подошла, подняла с пола книгу и захлопнула ее.

— Неужели вы не устали от этой игрушки? Она у вас уже три года. Вы должны совершенно точно знать, что произойдет с глупым маленьким

слоненком!

Дэвид понурился, хотя уже давно привык к неодобрительному тону матери.

— Нам просто нравится то, что будет дальше. Если смотреть долго-долго, Элли когда-нибудь обязательно свалится в речку. Это так смешно.

— Но если ты не хочешь, мы не будем смотреть, — добавил Тедди.

Монике вдруг стало стыдно. Положив книгу на ковер, она со вздохом проговорила:

— Вы никогда не повзрослеете…

— Я стараюсь повзрослеть, мамочка. Сегодня утром я смотрел по ДТВ научную программу по естественной истории.

Моника сказала, что это хорошо, и спросила Дэвида, что он узнал из программы. Он ответил, что узнал о дельфинах.

— Мы ведь тоже часть естественной природы, правда, мамочка?

Дэвид протянул к ней руки, чтобы обнять, и Моника отшатнулась в ужасе от мысли, каково это — пребывать в тюрьме вечного детства, сбежать из которой невозможно…

— Мамочка всегда так занята, — сказал Дэвид Тедди, когда Моника ушла.

Они сидели на полу, мальчик и плюшевый

мишка. И улыбались.

Генри Суинтон обедал в ресторане с Петрушкой Бронцвик. Компанию им составляла парочка ярких блондинок. Неподалеку играл анахроничный квартет живых музыкантов. Процесс слияния «Синтмании» с компанией «Авергейл Бронцвик ПЛС» шел полным ходом — все документы должны быть готовы уже к завтрашнему дню.

Место действия: ресторан для богатых.

Предмет гордости: настоящее окно на потолке, пропускающее солнечный свет.

Петрушка и Генри вместе с блондинками отрезали щедрые куски от двух молочных поросят, жарящихся на вертеле в очаге рядом со столом. Поросята жизнерадостно шкворчали и пузырились. Запивали этот деликатес настоящим винтажным шампанским.

— О-о, как хорошо! — воскликнула та из блондинок, что называла себя Пузыряшкой, — она принадлежала Петрушке Бронцвик. Промокнув подбородок, Пузыряшка вздохнула: — Я могла бы есть бесконечно…

Перегнувшись через стол, Генри сказал:

— Мы должны держаться впереди, Пет. Каждый квадратный сантиметр коры головного мозга содержит пятьдесят миллионов нервных

клеток. Вот в чем главная проблема. Времена синтетического мозга закончились. Забудь о них. Со вчерашнего дня мы производим настоящие мозги!

— Точно, — согласилась Петрушка, отрезая еще кусок подчеревка, и махнула рукой официанту. — Эти официанты такие ленивцы. — Смех Петрушки напоминал звон серебряных колокольчиков, и в то же время было в нем что-то путающее. В свои двадцать с небольшим она уже сидела на «Презерванексе» и потому была чрезвычайно худа. Голубые глаза под разноцветными волосами светились умом. — Мы говорим о сотнях миллионов нервных клеток. Научившись обходиться без кремния, мы вышли на финишную прямую. Вопрос, Генри, только в финансировании.

Расправившись с очередным куском поросенка, Генри перевел дух.

— Об этом позаботятся ленточники Кроссвелла. Ты же видела цифры. Да по сравнению с ними валовой национальный продукт Курдистана — сущие гроши! И производство каждый год растет на четырнадцать процентов. Ленточники кормили нас, когда мы еще были «Синтанком». Они покорили западный мир. Хваленая «Таблетка»

— ничто по сравнению с ними.

— Точно, во мне тоже сидит ленточник, — сказала блондинка по имени Розовый Ангел и показала на свой живот. И многозначительно добавила, искоса взглянув на Генри: — Он во мне все время…

Генри подмигнул ей.

— Три четверти нашего перенаселенного мира голодают. Нам крупно повезло: благодаря контролю над рождаемостью у нас есть все. Наша проблема — как бы не набрать лишний вес.

— Это точно! — закивала Пузыряшка.

— Нынче у каждого в тонком кишечнике живет ленточник Кроссвелла, — продолжал Генри. — Джим Кроссвелл был гениальным нанобиологом. Я нашел его, я дал ему работу. Абсолютно безопасный червь-паразит позволяет съедать вдвое больше пищи и при этом не бояться испортить фигуру, разве нет?

— Согласна, это одно из великих изобретений прошлого, — буркнула Петрушка. — Наша «Сенорама» почти так же выгодна.

— Только куда дороже, — заметила Пузыряшка. Розовый Ангел хлопнула в ладоши.

— Сейчас мы кого-то пришибем! — Она подняла бокал. — За вас, вы такие умные!

Подняв бокал, Генри подумал, откуда у блондинки взялось это «мы». Придется ей заплатить за ошибку.

Моника собралась покататься на лыжах. Синтетический слуга сопроводил ее к кабинке, установленной в подвале дома. Слуга предложил ей руку, и Моника приняла ее. Ей нравилась старомодность Жюля. Она напоминала о временах полузабытого детства, когда… Моника не могла вспомнить, что было тогда. Может, любящий отец?

В кабинке она сняла одежду, повесила на крючок и выбрала режим «Снег в горах». Через мгновение Моника уже оказалась посреди метели. Видимость была отвратительная. Моника, перебарывая страх, медленно поднималась в гору. Она была совершенно одна. В белой мгле проглядывали редкие деревья.

Добравшись до избушки наверху, Моника немного передохнула, потом нацепила лыжи. Она справилась с холодом, победила его! Снег пошел на убыль. Моника надела маску и резким толчком бросила себя вниз с горы, навстречу свистящему ледяному ветру. Рот ее под маской открылся в крике радости. Наконец-то свобода — свобода в объятиях гравитации!

И вот все кончено. Обнаженная, все еще дрожа от возбуждения, Моника стояла в пустой кабинке. Наконец она медленно оделась и вышла. Самое время для глотка спиртного. Она предпочитала водку «Юнайтед дайариз», которую продавали уже смешанной с молоком.

Перед ней стояли Дэвид и Тедди, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

— Мы просто играли, мамочка, — проговорил Дэвид.

— Мы не шумели, — добавил Тедди. — Это Жюль. Это он шумел, когда упал.

Моника повернулась и увидела, что Жюль лежит на полу. Левая нога его слегка подергивалась. Падая, он умудрился разбить репродукцию Куссинского, которой Моника очень гордилась и которая была предметом зависти ее подруги Дорабель. Осколки репродукции валялись рядом с головой слуги. Расколовшийся череп Жюля являл присутствующим слухо-речевую матрицу.

Моника опустилась на колени рядом с синтетическим слугой, и тут Дэвид сказал:

— Ничего страшного, мамочка. Мы просто играли, и он упал. Он же просто андроид.

— Да, он просто андроид, мамочка, — поддержал Тедди. — Ты можешь купить себе нового.

— Господи! Это же Жюль! Бедный Жюль! Он был моим другом.

Моника закрыла лицо руками и разразилась рыданиями.

— Ты купишь себе нового, мамочка. — Дэвид погладил ее по плечу.

Моника резко обернулась.

— А сам ты кто? Ты сам всего лишь маленький андроид!

Едва слова эти слетели с ее языка, Моника поняла, что не стоило говорить их.

Дэвид как-то странно вскрикнул и продолжал кричать, так что едва можно было разобрать слова:

— Нет… не андроид… я настоящий… настоящий, как Тедди… как ты, мамочка… просто ты не любишь меня… моя программа… ты никогда… не любила меня…

Он бегал и бегал кругами и наконец бросился вверх по лестнице, не переставая кричать.

Тедди заковылял следом, и оба скрылись из виду. Моника поднялась на ноги и теперь стояла, дрожа, над телом синтетического слуги, закрыв глаза руками. Она была в отчаянии.

Наверху раздался какой-то треск и грохот, и Моника решила выяснить, что происходит.

На ковре детской, раскинув лапы, лежал Тедди, Дэвид стоял рядом на коленях. Он вскрыл брюхо медвежонка и теперь рассматривал сложные механизмы внутри.

Тедди заметил, что Моника в ужасе наблюдает за ними.

— Все в порядке, мамочка. Я разрешил Дэвиду. Мы хотели выяснить, настоящие мы или просто… хрррррр…

Дэвид выдернул перемычку из той части груди медвежонка, где должно было быть сердце.

— Бедный Тедди! Он умер! Он и в самом деле оказался машиной. А значит…

Выдыхая эти слова, Дэвид беспорядочно размахивал руками. Рухнул на пол, разбив лицо. Раздался треск, показалось пластиковое нутро.

— Дэвид! Дэвид! Успокойся! Мы починим…

— Замолчи! — выкрикнул он, вскочил на ноги, выбежал из комнаты и бросился вниз по ступенькам.

Моника стояла над безжизненным медвежонком и слушала, как Дэвид крушит все внизу. Ну конечно, подумала она, он не может сфокусировать зрение, ведь его лицо разбито.

С опаской Моника ступила на лестницу. Нужно позвонить Генри. Пусть он приедет и все испра-

вит.

Раздался громкий треск. Выплеск свободного электричества. Замерцал свет. И наступила темнота.

— Дэвид! — успела крикнуть она, падая.

Дэвид сломал пульт управления домом, в ярости и отчаянии вырвав его из стены. Все прекратило работать.

Дом исчез, а вместе сними сад. Дэвид стоял посредине скелетообразной структуры, увитой проводами, с какими-то приборами в сочленениях. Кругом резина, снизу поднимается едкий дым.

Он долго стоял неподвижно, потом осторожно двинулся вперед, пытаясь понять, куда же подевался дом, где сад, в котором они так часто играли с верным другом Тедди.

Он был совсем один в чужом, незнакомом мире. Старая мостовая под ногами потрескалась, в щели прорастали какие-то стебельки. Кругом обломки прежних времен. Дэвид пнул смятую жестянку с надписью «окакол». Опускались сумерки, летний день шел к концу. Дэвид плохо видел, и все-таки его правый глаз заметил розу, растущую у искрошившейся кирпичной стены.

Подойдя к цветку, Дэвид выдернул его из земли.

Красотой и нежностью роза вновь напомнила ему мать.

Стоя над телом Моники, он сказал:

— Я настоящий, мамочка. Я люблю тебя, и я печалюсь также, как другие люди. Значит, я настоящий… разве нет?

Суперигрушки в другие времена года

Гетто Одноразовых Вещей располагалось неподалеку от города, и Дэвид добрался туда в сопровождении огромного Фиксера-Миксера. У Фиксера-Миксера было множество рук самых разных размеров. Все эти руки Фиксер-Миксер держал сложенными на ржавом нагрудном щитке, тогда как сам он возвышался над Дэвидом на длинных паучьих ногах.

— Отчего ты такой большой? — спросил Дэвид.

— Мир большой, Дэвид. Поэтому и я большой.

Помолчав минуту, мальчик произнес:

— Мир стал большим, после того как умерла мамочка.

— У машин не бывает мамочек.

— Я хочу, чтобы ты знал: я не машина!

Внизу, под холмом, частично скрытое от мира людей, раскинулось Гетто Одноразовых Вещей. Дорога в этот город ненужного хлама была широкая и ровная. Внутри Гетто все было каким-то неправильным, несимметричным. Населяли Гетто создания странной формы, многие из них

двигались, или могли двигаться, или могли бы двигаться. Создания когда-то были разных цветов, на некоторых еще остались гигантские буквы или цифры. Сейчас самым популярным был цвет ржавчины. На многих созданиях красовались царапины, глубокие вмятины, видны были разбитые стекла и сломанные панели. Многие стояли в лужах и сочились ржавчиной.

Это была обитель устаревших раритетов. В Гетто отправлялись все старые модели автоматов, роботов, андроидов и других машин, ставших бесполезными для занятого человечества. Здесь было все, что когда-либо так или иначе работало, — от тостеров и электрических ножей до мачтовых кранов и компьютеров, которые могли считать лишь до бесконечности минус единица. Бедный Фиксер-Миксер потерял одну из своих клешней и теперь был не в состоянии перетащить тонну цемента.

Это был еще тот городок. Каждый сломанный объект так или иначе помогал другому сломанному объекту. Каждый древний калькулятор мог скалькулировать что-то полезное — ну хотя бы какова должна быть ширина улицы между кварталами, чтобы по ней могли проехать газонокосилки и прочие колесные агрегаты.

Усталый старый служитель супермаркета взял Дэвида под свою опеку. Он жил в выгоревшем нутре древнего рефрижератора.

— Со мной не пропадешь, пока транзисторы не погорят, — сказал служитель.

— Вы очень добры. Но я так хотел, чтобы со мной был Тедди, — сказал Дэвид.

— А что такого особенного в Тедди?

— Мы играли вместе, Тедди и я.

— Он был человек?

— Он был такой же, как я.

— Всего лишь машина? В таком случае лучше забыть о нем.

«Забыть Тедди? — подумал про себя Дэвид. — Но я же так любил Тедди».

Впрочем, в рефрижераторе оказалось уютно. Однажды служитель спросил:

— Кто был твоим хозяином?

— У меня был папа по имени Генри Суинтон. Но он всегда был занят делами.

Генри Суинтон, как всегда, был занят делами. Вместе с тремя компаньонами он пребывал в отеле на одном из островов южных морей. Из номера, где они собрались, открывался роскошный вид на золотые пески пляжа и океанскую ширь. Под окном росли тамариски, их листья слегка

покачивались под легким бризом, уносящим прочь тропическую жару.

Ворчанье волн, накатывающих на пляж, не проникало через тройное остекление.

Генри и его коллеги развалились в креслах с бутылками минеральной воды в руках и ноутфайлами на коленях.

Генри сидел к чудному пейзажу спиной. Теперь он был уже генеральным директором «Уорлдсинт-Клоз» — старшим по должности среди остальных присутствующих. Что касается этих остальных, то один из них, точнее, одна — Асда Долоросария, взяла на себя смелость высказаться от оппозиции.

— Ты видел цифры, Генри. Вложения в Марс, которые ты предлагаешь, не окупятся и за сто лет. Будь же благоразумным, оставь свою сумасшедшую затею.

Генри покачал головой.

— Благоразумие это одно, Асда, а чутье — совсем другое. Ты же прекрасно знаешь масштабы нашего бизнеса в Центральной Азии. По площади это почти тот же Марс. Мы же смогли сделать так, что от конкурентов туда не поступает ни единого синта. Я начал бороться за Центральную Азию, когда никто и не думал соваться туда. Вы должны

доверять мне!

— Самсаввн против, — сухо проговорила Мори Шилверстайн. Самсавви назывался суперсофт-пьютер МК-5, который весьма эффективно осуществлял управление корпорацией «Уорлдсинт-Клоз». — Извини. Ты умница, но ты же знаешь, что сказал Самсавви. — Она изобразила что-то вроде улыбки. — Он сказал, что об этом лучше забыть.

Генри сцепил руки перед собой.

— Пусть так. Но у Самсавви нет моей интуиции. А я чувствую, что, если мы вложимся в Марс, с нашей помощью можно будет запустить там процесс производства атмосферы. Совсем скоро — скажем, лет через пятьдесят — «Уорлдсинт» будет владеть атмосферой. А это то же самое, что владеть всем Марсом. Любая человеческая деятельность вторична по отношению к дыханию, разве нет? — Он забарабанил пальцами по столу. — Нужно иметь нюх. Я на этом весь бизнес создал!

Старый Эйнсворт Клозински все это время молчал. Микронаушник в его ухе позволял Клозински поддерживать постоянную связь с Самсавви. Теперь Эйнсворт заговорил:

— Да насрать на твой нюх, Генри.

Остальные шумно поддержали его.

— Акционеры не думают в таких масштабах, Генри, — сказала Мори Шилверстайн.

— Марс не представляет никакой ценности для инвестиций, — подхватила Асда Долоросария. — Там дешевле использовать рабочую силу откуда-нибудь с Тибета. Забудь о других планетах, Генри, и сконцентрируйся лучше на том, что в прошлом году наши прибыли на этой планете упали на два процента.

Генри побагровел.

— Хватит жить прошлым! Вам бы только плестись нога за ногу. Марс — это будущее! Эйнсворт, при всем уважении к тебе, ты слишком стар, чтобы думать о будущем. Сейчас расходимся. Соберемся здесь же в половине четвертого. И помните: я знаю, что делаю. Я хочу, чтобы Марс лежал передо мной на блюдечке.

Схватив под мышку свой ноутфайл, Генри твердым шагом покинул номер.

В Гетто Одноразовых Вещей Дэвид обнаружил мастерскую под вывеской «Мы тебя подлатаем», затерявшуюся в лабиринте ржавых улочек. Мастерская располагалась в поставленной на попа цистерне с прорезанной газовым резаком дверью. В гулкой пустоте цистерны трудолюбивые

маленькие машины паяли, пилили, разбирали и собирали. Они использовали рабочие цепи одних механизмов для ремонта других, перебирали неисправные двигатели, делали старые вещи чуть моложе, а древние — просто старыми.

И они починили разбитое лицо Дэвида.

Там же он встретился с Танцующими Девлинами. Они пришли в мастерскую заменить муфту в ноге Девлина-мужчины. Потребителю Девлины больше не были нужны. Их танцевальное представление вышло из моды, и Девлины не могли приносить достаточно прибыли. Так что их просто вышвырнули на свалку.

Муфту заменили, аккумуляторы зарядили. Теперь Девлин (М) мог снова танцевать с Девлин (Ж). Они привели Дэвида в свой жалкий закуток и там снова и снова принялись исполнять свой бесконечный танец. Дэвид смотрел и смотрел, повторение никогда не надоедало ему.

— Правда мы великолепны, дорогой? — спросила Девлин (Ж).

— Да, но мне бы понравилось еще больше, если бы Тедди мог посмотреть вместе со мной.

— Танец один и тот же, дружок, и не важно, есть тут Тедди или нет.

— Но вы не понимаете…

— Я понимаю только то, что наш танец не становится хуже, даже если вообще никто на нас не смотрит. Ах, а когда-то на нас смотрели сотни людей. Но тогда все было по-другому.

— Теперь все по-другому, — сказал Дэвид.

Под ногами поскрипывал песок. Генри Суинтон сбросил шорты и побрел по берегу океана. Генри Суинтон был в отчаянии — ведь он сверзился с самой вершины успеха.

После бурного утреннего совещания он отправился в бар, чтобы насладиться водкамилком — Напитком года. «Водкамилк — водка с молоком, приехал на авто — домой пойдешь пешком». Потом Генри поднялся в свой роскошный пентхаус на крыше отеля.

Его подружки по прозвищу Персик не было. Не было и ее чемоданов. На зеркале красной помадой накорябано:

ПРОЧЛА ТВОЮ ПОЧТУ!!! ПРОСТИ И ПРОЩАЙ! П.

— Какая забавная, — подумал Генри вслух. На самом деле Персик никогда не была забавной.

Генри включил коммуникатор.

Сообщение для Генри Суинтона:

Ваша затея с Марсом неприемлема для акционеров компании. Ваш проект не вписывается в наши будущие планы.

Примите наши благодарности и уведомление о Вашей отставке. Готовы обсудить размер выходного пособия.

См. Акт о найме № 21066Л, Статьи 16–21.

Всего хорошего.

Океан, который казался таким чистым и красивым из окна отеля, выбрасывал на берег пустые пластиковые бутылки и дохлых рыбешек. Обессиленный, Генри опустился на песок. Несмотря на ленточников Кроссвелла, в последнее время он набрал вес да к тому же давно отвык ходить пешком.

На островке не было ни одной чайки, зато его населяло множество ласточек. Они кружили над головой, время от времени кто-то из птиц ухватывал налету какое-то насекомое и уносился под крышу отеля накормить птенцов. Создавалось впечатление, что ласточкам неведомо понятие отдыха.

Отсюда, снизу, Генри видел отель совсем по-

другому. Здание было построено на песке, и один край его слегка осел. Отель напоминал тонущий в песках корабль.

Как же Генри ненавидел всех, кого знал, всех, кто с самого начала старался перебежать ему дорожку. Стук ударяющихся друг о друга пластиковых бутылок являл собой прекрасный аккомпанемент его злости.

Генри поразмыслил о том, как прекрасно было бы прикончить Эйсворта Клозински, но постепенно злость его обратилась на самого себя.

«Что я сделал? Кем я был? О чем думал? О большом успехе! О пустом успехе… Да, пустом. Я просто продавал вещи. Я торговец и ничего больше. Точнее, был торговцем. Господи, я хотел купить Марс! Целую планету… Я свихнулся от жадности. Я безумен. Я болен, смертельно болен. Что заботило меня всю мою жизнь?

Я никогда не был творцом. Я только думал, что я творец. Я никогда не был ученым. Я просто-напросто хитер и изворотлив. Что я на самом деле понимал в механизмах, которыми торговал… О боже, какой же я неудачник. Я зашел слишком далеко. Как же я мог не увидеть этого? Как я относился к Монике… Моника, я же любил тебя. И оставил одну с роботом-ребенком.

Дети. Дэвид и Тедди.

Ха! По крайней мере Дэвид любил тебя. Бедная маленькая игрушка, Дэвид, единственное твое утешение.

Господи, а что же случилось с Дэвидом? Может быть…»

А ласточки кричали и кричали над головой.

Грузовик компании медленно спускался по дороге в Гетто Одноразовых Вещей. Въехав в ворота, он повернул свой массивный нос туда, где располагалось место, известное как Свалка.

Кузов начал медленно подниматься, и оттуда на землю с грохотом посыпались роботы, много лет проработавшие в системе подземки и теперь устаревшие. Вот из кузова выпал последний робот, грузовик развернулся и пополз прочь.

Некоторые роботы упали неудачно. Один из них лежал лицом вниз и судорожно дергал рукой. Наконец другой поспешил ему на помощь, поднял товарища по несчастью, и вместе они поковыляли в поисках пристанища.

Дэвид был здесь, он прибежал посмотреть. Прервав свой бесконечный танец, за ним последовали и Танцующие Девлины.

Наконец все вновь прибывшие роботы разбрелись кто куда. Остался только один. Он сидел в

грязи и производил руками странные ритмические движения.

Подойдя к роботу поближе, Дэвид спросил, что это он делает.

— Я по-прежнему работаю, разве нет? Разве я не работаю? Я могу работать даже в темноте, но мой фонарь разбился. Мой фонарь не работает. Я разбил фонарь о потолочную балку. Там на потолке была балка. И я разбил об нее фонарь. Главный компьютер отправил меня сюда. Я по-прежнему работаю.

— А чем ты занимался раньше? Ты работал в подземке?

— Я работал. Я работал с тех пор, как меня собрали. Я и сейчас работаю.

— А я никогда не работал. Я играл с Тедди. Тедди был моим другом.

— Какие у тебя инструкции. Я вот работаю. Разве нет?

Пока происходила эта содержательная беседа, в гетто въехал черный блестящий лимузин. Мужчина за рулем опустил окно, выглянул наружу и что-то сказал. Он сказал:

— Дэвид? Ты Дэвид Суинтон?

Дэвид подбежал к машине.

— Папа? О папа, ты правда приехал за мной?

Мне плохо здесь, в Гетто Одноразовых Вещей!

— Залезай в машину, Дэвид. Ради Моники мы приведем тебя в порядок.

Дэвид оглянулся. Неподалеку стояли Танцующие Девлины. Они не танцевали. Дэвид крикнул им «до свидания». Танцующие Дэвлины продолжали стоять. Говорить «до свидания» не было заложено в их программу. Вот если бы надо было поклониться…

Когда Дэвид садился в машину, Девлины начали свой танец. Это был их любимый танец. Танец, который они исполняли тысячи раз.

Генри Суинтон больше не был богат. У него больше не было карьеры. У него больше не было женщин. У него больше не было амбиций.

Зато у Генри Суинтона было в достатке времени.

Он сидел в дешевой квартирке в Риверсайде и беседовал с Дэвидом. Квартирка была старая и обветшалая. Одна из стен барахлила. Иногда она показывала голубую реку, по которой двигались старомодные колесные пароходики с развевающимися флагами, и вдруг картинка прерывалась, и на ее месте появлялась реклама «Презерванекса» — дергающееся совокупление пары пожилых людей, едва переваливших за первую сотню лет.

— Как может быть, что я не человек, папа? Я совсем не такой, как Танцующие Девлины или другие, кого я встретил в Гетто Одноразовых Вещей. Я радуюсь и печалюсь. Я люблю людей. Значит, я человек, разве нет?

— Тебе не понять этого, Дэвид, но я сломлен. Я испоганил всю свою жизнь. Такое часто случается с людьми.

— У меня была хорошая жизнь, когда мы жили в нашем доме с мамочкой.

— Я же сказал — тебе не понять.

— Я понимаю, папа. Мы можем вернуться назад?

Генри бросил на Дэвида печальный взгляд. На исковерканном лице мальчика появилось подобие улыбки.

— Назад вернуться никак нельзя.

— А если поехать на лимузине?

Генри поднял мальчика и прижал его к себе.

— Дэвид, ты одна из ранних моделей моей первой компании, «Синтанка». Тебе просто кажется, что ты радуешься или печалишься. Тебе только кажется, что ты любил Тедди и Монику.

— А ты любил Монику, папа?

Генри тяжело вздохнул.

— Мне казалось, что я любил.

Генри посадил Дэвида в машину и сказал ему, что если бы он был человеком, то его навязчивая идея, что он человек, уже давно привела бы к нервному срыву. Некоторые больные люди, сказал Генри, воображают, что они машины.

— Я покажу тебе, — сказал он.

От разрушенной карьеры Генри Суинтона все же кое-что осталось. Во всяком случае, одна вещь осталась точно. В пригороде, почти на границе цивилизации, осталась в неприкосновенности небольшая фабрика, первое предприятие Генри, не пострадавшее от его мегаломаниакальных мечтаний.

Генри по-прежнему владел «Синтанком», а «Синтанк» по-прежнему производил устаревших андроидов. Производили их не слишком много, и за порядком на фабрике следил старый приятель Генри — Иван Шигл. Шигл экспортировал продукцию фабрики в слаборазвитые страны, где ими с удовольствием пользовались в качестве дешевой рабочей силы.

— Мы могли бы снабжать их более современным мозгом, но зачем тратить лишние деньги? — говорил Генри, когда они с мальчиком входили в ворота.

— Наверное, им бы понравилось иметь новый

мозг, — сказал Дэвид, и Генри расхохотался.

Шигл вышел встретить их, пожал Генри руку и посмотрел на Дэвида.

— Старая модель, — заметил он. — Что о нем думала Моника?

Генри какое-то время раздумывал, потом проговорил:

— Видишь ли, Моника была довольно холодной женщиной.

Бросив на него сочувственный взгляд, Шигл сказал:

— Но ты ведь женился на ней. Ты любил ее?

Они шли подлинному коридору в направлении большой стеклянной двери, Дэвид семенил следом.

— О да, я любил Монику. Но, видимо, недостаточно. А может, она недостаточно любила меня. Не знаю. Карьера занимала все мое время — наверное, я не слишком подходил для семейной жизни. А теперь она мертва, и все из-за моего равнодушия. Моя жизнь — полное дерьмо, Иван.

— Ты не одинок. А что я сотворил со своей жизнью? Я часто спрашиваю себя об этом.

Генри похлопал приятеля по плечу.

— Ты всегда был хорошим другом. Никогда не пытался подставить меня.

— Еще не вечер, — заметил Шигл, и оба рассмеялись.

Они вошли в большой цех, где стояла готовая к упаковке продукция. Дэвид сделал шаг вперед и замер с широко раскрытыми глазами.

Перед ним стояли тысячи Дэвидов. С одинаковыми лицами. Одинаково одетых. Похожих друг на друга как две капли воды. Бессмысленно глядящих перед собой. Тысячи копий его самого. Неживых копий.

И Дэвид впервые по-настоящему понял.

Вот кто он. Продукт. Всего лишь продукт. Рот его открылся. Дэвид замер. Он не мог пошевелиться. Гироскоп внутри него отказал, и Дэвид рухнул наземь.

К концу следующего дня Генри и Иван стояли в рабочих безрукавках, ухмылялись и трясли друг другу руки.

— Я все еще не разучился работать, Иван! Великолепно! Возможно, для меня еще не все потеряно.

— Ты можешь работать здесь. У нас вместе недурно получается. Посмотри, как мы лихо вставили нейральный мозг в твоего сына!

На скамье между ними, опутанный кабелями, в ожидании оживления лежал Дэвид. Новая

одежда, новое лицо. И мозг последней модели, в который они закачали его воспоминания.

Он был мертв. И теперь настало время проверить, сможет ли он жить и наслаждаться новым, гораздо более мощным мозгом.

Оба мужчины на какое-то время застыли над неподвижным телом.

Генри повернулся к фигуре, стоящей рядом с ними с лапами, распростертыми в вечном жесте любви и утешения.

— Ты готов, Тедди?

— Да, я очень хочу снова поиграть с Дэвидом, — сказал медвежонок. Он только недавно сошел с конвейера, и его тоже снабдили необходимыми воспоминаниями. — Мне очень его не хватало. Нам с Дэвидом всегда было так весело.

— Прекрасно. Что ж, попробуем вернуть Дэвида к жизни.

Он помедлил. Все-таки они с Иваном вручную сделали то, что обычно поручалось автоматам. Тедди просиял.

— Ур-ра-а! Там, где мы жили раньше, всегда было лето. А потом оно кончилось, и наступила зима.

— Что ж, сейчас весна, — проговорил Шигл.

Генри нажал кнопку включения. Фигура Дэ-

вида задрожала, его правая рука автоматически отсоединила кабель питания. Он открыл глаза. Сел. Поднес руки к лицу, на котором отражалось крайнее изумление.

— Папа! Какой я видел странный сон. Я никогда раньше не видел снов…

— Добро пожаловать домой, Дэвид, мальчик мой, — проговорил Генри.

Обняв ребенка, он поднял его со скамьи. Дэвид и Тедди потрясенно смотрели друг на друга. Потом бросились друг другу в объятия.

Почти как люди.

Апогей

Не знаю, поверите ли вы мне, но были времена, когда я жил в другом мире. Почти таком же, как наш, но немного другом.

Одним из отличий было поведение женского пола. Как и положено, женщины имели крылья и могли летать. Их крылья не были похожи на ангельские, скорее напоминали павлиньи хвосты — нежные, разноцветные, отражающие солнечный свет. И они были огромные. О, женщины выглядели бесподобно — обнаженные, они парили в вышине. Некоторые молодые люди даже умирали на месте, не в силах вынести потрясение от их красоты.

Особенности питания женщин были таковы, что почти невесомые выделения их медленно опускались на землю, с неохотой подчиняясь законам гравитации.

Следует упомянуть, что женщины обитали на вершине гигантских пустотелых колонн. Никто не знал точного возраста этих колонн, а если бы кто и знал, ему бы все равно не поверили. Колонны служили подпорками огромных платформ.

Женщины, молодые и старые, перелетали с одной платформы на другую — мужчинам доступ туда был запрещен. Само собой, летающие женщины время от времени опускались до уровня земли. Некоторые из них выходили замуж. В день свадьбы или в тот день, когда они теряли девственность, перья с их крыльев облетали. Структура крыла усыхала и отмирала. С этого момента женщине приходилось передвигаться при помощи ног. И вести себя как обычный человек, который и не помышляет о полете. Во времена, о которых я веду речь, времена, когда мир становился все темнее, поскольку солнце сжималось, у мужчин была поговорка: «Если бы Халлон хотел, чтобы мы летали, он не утяжелил бы нас яйцами».

Мужчины, жившие на поверхности, не имели верований. Даже идею о существовании Халлона они получили от женщин. Мужчины жили одним днем и не видели дальше собственного носа. А вот у женщин была вера, причем весьма забавная, я бы даже сказал, эксцентричная.

Держась за гениталии, женщины скандировали:

— Верую, что наша короткая жизнь — это еще не конец. Верую, что когда наша короткая

жизнь закончится, пребудет жизнь тьмы. Верую, что прилетят драконы и пожрут нас, пожрут полностью, до последнего кусочка, включая те полезные части, за которые я сейчас держусь.

Скандируя эту мантру каждый вечер, женщины дрожали от страха и возбуждения. Они верили и одновременно не верили. Летающие драконы, это звучит так, гм, нелепо.

Само собой, у женщин было полно и других дел. Они распевали песни, что являлось довольно-таки воинственным актом. Немало времени занимала чистка перьев. Каждый день необходимо было тренировать маховые мышцы крыла. Ходили слухи, что иной раз ночью парочка женщин, объединившись, пикировали вниз, нападали на мужчину и утаскивали его на платформу, где все трое предавались любовным утехам. При таком раскладе женщины не лишались крыльев.

Отголоски песен женщин долетали до земли, и многие мужчины с ума сходили от желания слушать их. Поэтому были изобретены огромные жестяные усилители, которыми вовсю торговали Усилительщики.

Огонь никто не изобрел, потому что пламя не могло существовать в сложном составе нашей атмосферы.

На уровне земли процветали так называемые Верхотурщики. Верхотурщики постоянно изобретали новые модели искусственных крыльев, а покупатели нацепляли их на себя в надежде добраться до вожделенных платформ. Мужчины были готовы на все, лишь бы пленить одну из крылатых чаровниц! Впрочем, преуспел в этом один лишь юный Дедлукки. От остальных, кому удалось подняться до уровня платформ, женщины отбивались длинными шестами, и бедолаги падали вниз, где и встречали бесславную смерть.

Итак, женщины наслаждались свободным полетом, паря в восходящих потоках, а мужчины трудились в поте лица, возделывали пашни, выращивали скот. Женщины порхали в бирюзовом небе, которое год от года меняло цвет: оно становилось сначала зловеще серым, а с течением последних месяцев приобрело тускло-красный оттенок. Женщины порхали, а тепло мало-помалу сдавало свои позиции холоду.

Верхотурщик Висслер кое-что понимал в этих вещах. Именно Висслер созвал Совет и объявил, что грядет, как он его назвал, Глобульное Затепление и что скоро настанут времена, когда атмосфера остынет настолько, что… а, собственно, что? Это и обсуждалось на Совете.

В конце концов было решено обратиться к женщинам. Жестяные усилители повернули в другую сторону, и мужчины снизу вверх начали свою речь.

— Прекрасные дамы, мы хотим сообщить вам, что нашему миру грозят ужасные перемены. Солнце уходит все дальше и дальше от Глобулы, и еще до того, как оно удалится на максимальное расстояние, большая часть воздуха превратится в океан. Так говорят мудрецы.

А еще мудрецы говорят о драконах, которые придут пожрать наш мир.

Как нам вернуть тепло? Только при помощи тепла наших тел. А посему мы нижайше просим вас позволить некоторому количеству молодых и красивых мужчин подняться по двум тысячам ступеней внутри колонн и ступить на ваши платформы. Там они воссоединятся с вами и, вложив свои пегосы в ваши роскошные ларосы, совокупятся с вами, а полученное таким образом трение вернет тепло нашему страдающему миру. Умоляем, скажите, что принимаете наше предложение.

Из верхнего мира донесся серебряный смех. Кто-то прокричал:

— Недурная попытка, глупые мужчины! Но вам

не одурачить нас!

Другие голоса подхватили:

— Мы не хотим видеть вас наверху! Ни под каким предлогом!

И мужчинам пришлось вернуться к своим баранцам и быкоровам.

Погода становилась все холоднее. Атмосфера наша состояла из четырех основных газов. Газа, который мы называли аспарго, становилось все больше, и возникли странные бури. Хотя самим аспарго дышать нельзя, он каким-то образом помогал нашему дыханию. А теперь его количество стало увеличиваться, и дышать на уровне земли было все тяжелее и тяжелее. И чем холоднее становилось, тем труднее было дышать.

Что же касается женщин наверху, то они ужасно страдали, поскольку не носили никакой одежды. Их прекрасные крылья утратили свой блеск. Перья выпадали, и многие женщины больше не летали. Наконец, когда небо, казалось, покраснело навеки и все вокруг покрыла странная дымка, одна из старших женщин, которая еще могла летать, спустилась на землю и принялась звать Верхотурщика Висслера и остальных.

Когда все собрались, женщина сказала:

— Я говорю от большинства наших женщин.

Мы видим, что воздух становится все холоднее, что становится все труднее дышать. Мы предлагаем вот что: мы спустимся на землю и предоставим свои ларосы вашим пегосам. Произойдет массовое совокупление, и выделенное при этом тепло вернет нашу планету в счастливое состояние, в котором она пребывала испокон веку.

Мы понимаем, что задача эта нелегка, но не видим другого выхода. Ваши молодые мужчины должны выполнить свой долг ради спасения расы.

Женщина не была удивлена, когда множество молодых мужчин охотно согласились на ее предложение. От добровольцев не было отбоя. Они сообщили, что их пегосы уже готовы выполнить долг по отношению к множеству ларосов.

Событие назначили на самое ближайшее время, поскольку усиливающийся холод грозил погрузить весь мир в летаргию. Солнце теперь напоминало замороженный глаз, выглядывающий из-под века-облачка. Мужчины пребывали в страшном беспокойстве, поскольку некоторые животные, а от них зависело само существование человека, впали в странную каталепсию, от которой их невозможно было пробудить.

В назначенный день женщины спустились по

двум тысячам ступенек своих колонн. Никто из них уже не был в состоянии летать. Бесполезные крылья волочились за ними.

Со ступенек головой вниз свисали странные змееподобные твари. Когда женщины проходили мимо, твари шевелились, некоторые даже выпускали усики-антенны и покачивали ими, словно благословляя спускающуюся на землю процессию.

Женщинам земная поверхность показалась ужасно темной. Некоторые испугались. Мужчины встретили их с наполненными светлячками факелами, хотя и они светили далеко не так ярко, как раньше. И все же факелы позволили мужчинам провести своих гостий в Большой Зал, где уже стояло сорок грубых лежанок, застеленных цветастыми покрывалами — по двадцать с обеих сторон зала. Пространство посредине оставалось пустым.

На многих женщинах были какие-то лохмотья, чтобы сохранить остатки тепла. Пока они снимали их, мужчины быстро освобождались от своей грубой одежды. Наконец они предстали перед партнершами. Некоторые пегосы уже пребывали в рабочем состоянии, другие требовали к себе внимания.

Ударил гонг — звук его показался всем каким-то плоским. Восемьдесят человек забрались на лежанки и легли рядом. Они принялись целоваться и изучать основные органы друг друга, такие как пегосы, ларосы и сисы.

Еще один удар гонга возвестил о начале массового совокупления. Восемьдесят человек задвигались как один. Помещение заполнилось хлюпающими звуками. Было выделено немало тепла. Как говорил изумленный распорядитель: «Выработанного семени хватило бы, чтобы накормить всех быкоров на планете». Логика этого заявления едва ли устоит перед строгим экзаменатором, чего, впрочем, нельзя было сказать об участвующих в процессе пегосах.

К концу этого события, продолжавшегося целый день, мужчины вдруг обнаружили, что больше всего им хочется неподвижности — проявил себя нейролептический эффект. Ягодицы двигались все медленнее, и наконец всякое движение прекратилось. Женщины высвободились из мужских объятий и с трудом сели на лежанках, поскольку сил у них тоже практически не осталось. Наконец они переползли через безжизненные тела своих партнеров и покинули Зал Рекреации и Копуляции.

Странное зрелище предстало их глазам. Густой синий туман покрывал землю. Он был уже по колено и продолжал подниматься. В воздухе кружили снежные хлопья, отовсюду доносились странные звуки — некоторые страшные и грубые, другие можно было назвать даже мелодичными. Атмосфера истончалась на глазах.

Цепляясь друг за друга, в развевающихся на ветру лохмотьях, женщины побрели к своим колоннам.

Они сумели войти внутрь, сумели даже подняться на несколько ступеней, когда странное оцепенение охватило их. Последняя из входящих подняла глаза вверх и в разрыве облаков увидела, что когда-то дружелюбное, теплое солнце превратилось просто в далекую искорку.

— Мы ошиблись, — прошептала она. — Слава Халлону!

Апогей нарастал, ускорялся, и ничто уже не указывало на то, что перигей через несколько тысяч лет все же наступит.

В измученном небе встала луна. Она не давала света, просто катилась и катилась по своей орбите мертвым куском камня. Снег валил стеной. Густой синий туман стал еще гуще, постепенно превращаясь в жидкость, и вот уже Зал Рекреа-

ции и Копуляции скрылся в ее толще. Осталась лишь верхушка крыши, но наконец и ее захлестнул потоп. Ни одного крика не было исторгнуто из глоток мужчин — их любовь и тепло канули в прожорливом безмолвии вечности. А снег все шел, и со снегом шел дождь, и океан поднимался все выше и выше, подбираясь к платформам на вершине колонн.

А что же женщины внутри колонн?

Изменения в атмосфере ввергли их в каталепсию прямо на гигантских ступенях. Скрюченные в некоем подобии странной болезни, они оцепенели. Легкие перестали нагнетать воздух, сердца биться, кровь бежать по венам. Их матки, вместилища далекого будущего, стали фарфоровыми. А внутри этих фарфоровых полостей крошечные, терпеливые сгустки клеток остались ждать долгие столетия холода и тьмы, пока планета и светило вновь не войдут в эру близости.

Тем временем над этим мумифицированным материнством постепенно зашевелились висящие на ступеньках твари. Твари медленно пробуждались от долгого филогенетического сна, в котором день был ночью, а ночь была днем, и новая жизнь ждала своего появления на свет в скорченных мошонках.

Теперь эти создания, все еще в полусне, поднимались все выше и выше в наполненных жидким газом колоннах, все ближе и ближе к желанному, освежающему эспарго. Эспарго вызвал новые ветра над бесконечным океаном, чьи волны теперь с шумом разбивались о колонны. Океан под платформами был океаном старой атмосферы. А над ним сияло величественное звездное покрывало, как будто сама галактика разгорелась разноцветными огнями. Огнями, превратившимися в алмазы…

Усики тварей шевелились, улавливая желанный запах. Тела их растягивались подобно эластичным чулкам, приобретали цвет. Бесчисленные ножки наливались силой. Твари бегали по платформам, крича от радости, наслаждаясь тем, что они вновь живы, вновь в сознании, вновь в полете. Да-да, на спинах тварей гигантскими цветами раскрылись крылья и, будто воздушные змеи, увлекли их хрупкие тела в радостные пучины эспарго.

Их тела воспарили, и воспарил их дух. Эспарго заполнился мельтешением ярких цветов. Они были свободны. Свободны от информации, свободны от знания, свободны от любой мудрости, кроме мудрости парить над океаном — над ат-

мосферой, которая останется океаном на тысячи лет, — мудрости разбрасывать свое семя в ароматные потоки ледяных ветров, пока не наступит солнечный рассвет и возвратившийся свет не предложит свое тепло созданиям, что слепо существуют на дне атмосферного океана.

Ни один из этих видов не знал о существовании другого. Каждый в свой черед получал свою порцию счастья. Для каждого другой вид был не больше чем сон.

Как я уже говорил, этот мир был почти как наш, лишь немного другой.

ИИИ

Добрый вечер. Я говорю с вами как визуальный представитель ИИИ, в прошлом «Сан-Модескантской разжижающей компании» — официальной владелицы спутника Европа, самой ценной собственности в окрестностях Юпитера.

Славная история нашей компании началась давно. Как вам наверняка известно, «Сан-Модескантская разжижающая» была образована на Земле в 1990 году. Компания всегда отличалась честным ведением дел и была приверженцем свободного предпринимательства. Во времена основания компании, когда мы получили контроль над Шанхайской и Восточной банковскими системами, грядущий глобальный кризис, связанный с нехваткой воды, едва ли являлся предметом внимания общественности. Само собой, правительственные агентства развитых стран были в курсе. Мы построили наши планы в соответствии с обстоятельствами.

В те времена НАСА сделало выдающееся открытие. Напомню, что НАСА — это Национальное агентство по аэронавтике и исследованию

космического пространства. Агентство было предшественником ИИИ — Интернациопальной Интерпланетной Индустрии. Итак, разведывательная экспедиция НАСА на Луну обнаружила в районах лунных полюсов миллионы тонн льда.

В рамках ограниченной технологии тех лет не было известно способа использования этих ледяных полей. И тогда в действие вступили гении из «Сан-Модескантской разжижающей». Произведя необходимые инвестиции в различные холдинговые компании, мы создали небольшой флот дистанционно управляемых космических кораблей. Ввиду отсутствия экипажей полеты их обходились недорого, и вскоре необходимое оборудование уже было установлено на полюсах Луны. Бурильные установки принялись вгрызаться в толщу лунного льда на глубину до двадцати трех метров.

Тем временем на Земле уже явственно ощущалась нехватка воды. Районы обитания слаборазвитых народов приходили в упадок, промышленность высокоразвитых государств пребывала в состоянии застоя.

«Сан-Модескантская разжижающая» предложила странам — членам «большой семерки» поставлять для начала два миллиона тонн све-

жей воды в неделю (в твердом состоянии) в обмен на право выкачивания и опреснения воды на всей остальной территории планеты. Постепенно компания приобрела контроль над всеми источниками воды на Земле. Оператором назначили компанию с ограниченной ответственностью «Трудоспособность».

Еще через одну компанию — «Воздушная ирригация инкорпорейтед» — мы реализовали успешную операцию по ионизации облаков, что дало нам девяностодевятипроцентный контроль над выпадением осадков. Сдерживание муссонов низвергло многие страны до состояния пустыни, в то время как, например, такая процветающая держава, как Индия, платила нам символическую сумму в несколько миллионов рупий в год.

Таким образом, используя исключительно принципы демократии и капитализма, к середине прошлого века «Сан-Модескантская разжижающая» получила практически полный контроль над климатом планеты.

Однако планы компании простирались гораздо дальше. Мы всегда гордились нашей дальновидностью. С самого начала разработки залежей лунного льда мы понимали, что это только начало, стартовая площадка для прыжка, имеющего

целью своей освоение Солнечной системы. «Сан-Модескантская разжижающая» всегда была на переднем крае, работая под флагом Интернациональной Интерпланетной Индустрии, и множество молодых мужчин, женщин и андроидов были горды состоять в ее рядах.

В лунных ледяных полях были обнаружены необычные живые организмы, некоторые из них многоклеточные. Все они были уничтожены, чтобы не осталось никаких помех прогрессу и развитию ИИИ. Некоторые ученые компании, однако, полагали, что эти образцы внеземной жизни указывают на возможность существования на других небесных телах форм жизни, которые вполне могут в будущем послужить человечеству источником пищи.

При помощи гидролиза лунную H_20 разлагали на кислород и водород. Водород использовался в качестве основы для ракетного топлива, кислородом дышали экипажи кораблей, которые, используя в качестве стартовой площадки Марс, отправились в путешествие к Юпитеру. Мы очень гордились тем, что корабли «Сан-Модескантской разжижающей» первыми прибыли на спутник Юпитера Европу. С тех самых пор и появился наш лозунг: «Сан-Модескантская — первая везде».

Справедливости ради следует сказать, что один из экипажей мы потеряли вместе с кораблем, но два других сумели преодолеть все трудности и остаться в живых.

Первичное обследование спутника показало, что под ледяной поверхностью Европы лежит планетарный океан, достигающий местами глубины от пятнадцати до восемнадцати километров. Более того, гравитационный эффект газового гиганта, сияющего в небесах Европы, способствовал значительному потеплению океана.

Расколы во льду позволили исследователям увидеть в океанской воде множество крилеобразных созданий примерно двух миллиметров в длину. Будучи правильно приготовлены, они оказались вполне съедобными, хотя и довольно безвкусными. Пока исследователи пробовали эту новую пищу, из-подо льда показалась голова неизвестного животного. Обтекаемая, покрытая толстой белой шерстью, с мягкими розовыми ноздрями и длинными усами. Впечатление было такое, будто дельфина скрестили с котенком.

Исследователи сообщили о том, что странное создание пришлось засекретить, так как они не были подтверждены никакими доказательства-

ми. Существо оставалось на поверхности недолго, так как вряд ли могло позволить себе длительное пребывание в безвоздушном пространстве.

Один из исследователей попытался подойти и поймать странное создание, однако оно скрылось под водой, прежде чем он успел приблизиться к нему.

Животное окрестили котофином, и название так и закрепил ось за ним.

Происшествие послужило началом нашей новой операции, которая повлекла за собой появление новой нашей компании «Консервстадор». Не прошло и пяти лет, как она стала крупнейшей во всей Солнечной системе компанией по производству консервов.

К сожалению, котофинов теперь уже не осталось — они были полностью выловлены, как и многие другие виды животных, из глубин океана Европы. Что ж, зато котофины и криль позволили в течение многих лет обеспечивать наших отважных исследователей, проникших в самые отдаленные уголки Солнечной системы, качественным питанием, а невольников, трудившихся на марсианских консервных фабриках, работой.

В те времена плохо информированная обще-

ственность всячески поносила «Сан-Мондескантскую разжижающую», пороча ее доброе имя. Чтобы избежать ненужных волнений, мы приняли решение сменить название. С тех пор нас знают как ИИИ — Интернациональную Интерпланетную Индустрию.

Новый источник пищи появился, лишь когда мы высадились на Тритоне — спутнике Нептуна, и это тоже целиком и полностью заслуга ИИИ. У флабберов имелось некое подобие языка, на котором они общались, хотя их коэффициент интеллекта наши ученые посчитали довольно низким. Замечательный город флабберов, известный человечеству как Последняя Столица, был обнаружен значительно позже. Что ж, разумные или нет, флабберы оказались весьма вкусны и на славу послужили человечеству с помощью все того же «Консервстадора».

Сегодня первый межзвездный корабль под логотипом ИИИ отправляется с орбиты Плутона. На просторы галактики, к далеким звездам понесет он человеческую цивилизацию, понесет имя и славу ИИИ.

Леди и джентльмены, благодарю за внимание.

Старый миф

Обитатели человеческого муравейника медленно ползли по лабиринтам узких улочек. Сотни, тысячи их вдруг прекратили движение и подняли головы вверх, где на плоских, без единого окна стенах появилось сияющее женское лицо. Отовсюду на них смотрели глаза, розовые десны и безупречные зубы Доры Дин Энгалстон.

Она заговорила:

— Совсем скоро меня будут звать Дэй — просто Дэй! И я так счастлива, мне так невероятно повезло! Сегодня первый день двадцать второго века, и я… да-да, я выиграла главный приз. И теперь меня спроецируют при помощи ТП — чудесного Темпорального Проектора… Ах!

Щелк, щелк — и порхающий вокруг телеглаз едва не влетел Доре Дин в рот, продемонстрировав всему миру ее розовую глотку.

— ТП отправит меня в прошлое — во время и место, которое я сама выберу, и там я попаду в тело выбранного мной персонажа. Ну правда ведь потрясающе?! Темпоральный Проектор начнет работать прямо сейчас.

Дора Дин была актрисой «мыльного» супер-сериала, и в теле ее по милости пластических хирургов не осталось практически ни одной своей собственной косточки. Теперь, по мере того как ТП набирал мощность, тело это начало дрожать и расплываться.

— Бог ты мой, какое странное чувство! Я уже в пути! — Вокруг Доры Дин замелькали картинки прошлого. — О да! Так-так… Британская империя. И… господи, римляне! Греция! А это кто? Скифы? Никогда не слышала ни о каких скифах…

Голос Доры Дин становился все слабее, изображения на стенах уменьшались в размерах.

— Боже, как же я счастлива избежать ужасов нашего времени — вся эта коммерция, стрельба, наркотики, краска для волос… А наша жалкая семейная жизнь! Ах, наконец-то я отправляюсь в… неболит? Неолит? Да, во времена, когда мир был юным, когда не было всего этого сумасшедшего дома!

Я хочу принадлежать обычной семье Каменного века, семье с добрым отцом и множеством любящих соплеменников. Передо мной открываются новые горизонты — я смогу наслаждаться старомодными семейными ценностями…

Голос Доры Дин становился все тише и в конце

концов сошел на нет. Обитатели человеческого муравейника вновь поползли по своим делам.

Вокруг, сколько хватал глаз, простирался могучий лес. Никто не знал, есть ли ему конец. Гигантские деревья покрывали все пространство до океанских берегов.

Там и тут располагались маленькие людские поселения. В одном из таких поселений громко визжали привязанные к воткнутым в землю кольям дикие свиньи. Жизнь свиней немногим отличалась от жизни их хозяев.

На месте этой древней стоянки теперь проходит скоростная автострада, соединяющая между собой гигантские города-муравейники. Бабочек больше нет, как нет и маленьких голубых цветов. Многое изменилось с тех пор — но только не семейная жизнь, которой так жаждала Дора Дин.

Гармон прихорашивался в ожидании праздничной трапезы. Сыновья сказали, что пир будет устроен в его честь. Гармон при помощи ракушки выдернул щетину на щеках. Натер плечи маслом редкого растения. Вставил в волосы яркое перо. Обернул набедренной повязкой живот и чресла. Короче, отправившись к месту трапезы, он выглядел как настоящий лорд.

В небе клубились облака. Солнечный Бог про-

грел землю, и под ногами Гармона струился легкий туман. Бесконечное птичье пение время от времени прерывалось странным трубным звуком.

На поляне возвышался деревянный трон. Рядом в живописных позах стояли три дочери Гармона. Дочери были молоды и практически не одеты. В замысловатых прическах красовались оранжевые цветы, а волосы на венериных холмиках одна украсила маленьким красным цветком, а вторая — маленьким голубым. Третья дочь, Дэй, прикрыла гениталии лавровым листочком.

Шатенку звали Вия, блондинку — Роя. Они приветствовали отца ритуальными движениями рук. Поприветствовала отца и брюнетка, Дэй, хотя и несколько неуверенно, поскольку давным-давно, так давно, что теперь это казалось сном, ее звали Дорой Дин.

Гармон остановился. Почуяв опасность, он крепче сжал дубину, с которой никогда не расставался, и внимательно посмотрел по сторонам. Никакой видимой причины для тревоги не было.

Не спеша, с достоинством, Гармон подошел к трону. Чмокнул в обе щеки сначала Вию, потом Рою, потом Дэй. Девушки не выказали никаких

эмоций, лишь Дэй подумала: «Как круто! Быть здесь, в Каменном веке, со своей новой семьей! Кажется, я уже вошла в роль».

Гармон, придерживая набедренную повязку, взобрался на трон, который совсем недавно еще был обыкновенным бревном.

Вдалеке вновь раздался трубный звук.

Гармон взглянул на дочерей, нахмурился и спросил:

— И где же трапеза, на которую позвали меня мои сыновья?

— Подожди немного, отец, — сказала Роя. — Будь терпеливым.

— Скоро ты получишь все, чего заслуживаешь, — добавила Вия.

«Кажется, что-то должно произойти», — подумала Дэй и непроизвольно хихикнула.

В разных концах поляны из леса появились трое юношей. Словно дары, они несли перед собой в вытянутых руках меч, кинжал и топор.

Юношу с мечом звали Вундрел.

Юношу с кинжалом звали Седред.

Юношу с топором звали Аледреф.

На Вундреле, Седреде и Аледрефе были крошечные набедренные повязки, а на головах — шапочки из черной кожи. Аледреф нес на

плече охотничий рог. Это были сыновья Гармона — юные, свирепые, проворные.

Они подошли к отцу. Опустили оружие на землю у своих ног. Поклонились.

— Итак, сыны мои, сердечно приветствую вас, — прорычал Гармон, и выражение лица его вовсе не соответствовало словам, — хоть вы и припозднились. Что это за странная церемония? Я надеялся вкусить хорошей еды и запить ее добрым вином. Зачем тащить мне оружие, когда все, чего я хочу, — это юная девственница? И что у вас за лица?

— Отец, мы пришли убить тебя, — сказал Аледреф.

— Наше оружие предназначено для убийства, а не для празднования, — сказал Седред.

— Но сначала мы хотим послушать, что ты нам скажешь, — закончил Вундрел.

— Что я скажу? Мне нечего вам сказать! — взревел Гармон. — Да как вы только осмелились говорить об убийстве! Я был вам хорошим отцом! И вашим сестрам. Я кормил вас. Подтирал ваши задницы, когда вы были детьми. Таскал вас за спиной. Позволял вам карабкаться по мне. Я научил вас бегать, научил драться. Рассказывал вам истории из времен моей молодости, ну, когда

я прикончил того дракона.

Седред сказал:

— Не убивал ты никакого дракона. Ты все выдумал.

— Сынок, да откуда тебе знать, что такое истинная храбрость. Клянусь Ярелом, вы же мне всю жизнь поломали. Не давали спать, мешали отдыху, напрочь сгубили мою сексуальную жизнь. Даже когда я наконец-то уложил на спину вашу матушку…

— Мы не желаем слушать об этом! — крикнул Аледреф. Гармон ткнул в него трясущимся пальцем.

— Можешь ухмыляться сколько тебе угодно, Аледреф, но ты был самым никчемным. Тупой, занудный ребенок. Да я годы угробил на то, чтобы из тебя хоть что-то получилось!

Тон Аледрефа стал ледяным:

— Мы недовольны не тем, что ты делал или не делал, отец. Мы недовольны тем, какой ты сейчас.

— Да ну? И какой же я сейчас, скажи мне, ты, тупица!

Ответил Седред, и голос его был так же холоден, как и у старшего брата:

— Ты ничтожество, отец. Вот что нас больше

всего удручает. Вот почему мы пришли убить тебя.

— Я? Ничтожество? Идиот, да я же дал вам жизнь! Я знаменит своими бойцовскими качествами. Да я даже мочусь так, как вам и не снилось. Ничто… в жизни не слышал такого бреда. А кто изобрел летающую машину?

— Она разбилась, отец.

— Только потому, что вы недостаточно быстро махали крыльями, остолопы!

— Ну все, довольно болтовни, — сказал Седред и взглянул на Аледрефа. — Достала твоя похвальба. Пришло время прикончить тебя.

Тут вмешался Вундрел:

— Позволим ему принести последнюю жертву Солнечному Богу.

— Да плевал я на Солнечного Бога! — взревел Гармон. — Только посмейте подойти ко мне, и я размозжу вам головы. — Он повернулся к Вие, Рое и Дэй. — Как думаете, девочки, что бы сказала ваша бедная мать, доведись ей увидеть такое?

Вия рассмеялась.

— Думаю, она сказала бы что-то вроде: «Яблоко от яблони недалеко падает».

— Ты всегда была язвой, маленькая сучка, — пробормотал Гармон и повернулся к Рое. — Не-

ужели у тебя не найдется для меня доброго слова, Роя, дорогуша? Я же всегда любил тебя больше остальных.

— Правда, папа? Ты забывал о моих днях рождения. Тебя никогда не было рядом, когда я нуждалась в тебе, когда я болела.

— Ты всегда была дохлячкой.

— Дохлячкой? Да меня недокармливали. Ты все свое внимание уделял этим свиньям — нашим братьям. Заставлял меня убирать за ними, хотя я втрое умнее всех троих, вместе взятых. Кто первый додумался добавлять в мясо пряные травы? Конечно же, я!

— Матушка тоже думала о травах, — заметила Дэй и поздравила себя с тем, что ей все-таки удалось вставить хоть словечко.

— Матушка? — воскликнула Роя. — Да что она вообще думала? По-моему, отец и выбрал ее за беспросветную тупость. Правда, папа, тебе же наверняка требовался кто-то еще более тупой, чем ты. Неудивительно, что сыновья твои — полные дебилы.

— Глянь-ка, кто это у нас тут! — воскликнул Аледреф. — А кто нечаянно уселся на питона? Кто придумал эту дурацкую одежду? Кого пришлось вытаскивать из ручья?

— Я упала в ручей, — сердито возразила Роя, — потому что ты выпустил мою руку. А что я делала над ручьем? Да просто-напросто пыталась научить тебя бить форель острогой! Так нет же, ни ты, ни твои недоумки-братья так и не сообразили, как это делается. Впрочем, они и на удочку-то ловить не научились. А что до того…

— Прекратите! — рявкнул Гармон. — Заткните свои пасти, все до единого! Довольно ругани! Вы всегда ругались, всегда ругаетесь и всегда будете ругаться. Как же вы меня достали! Вы испоганили всю мою жизнь. Из-за того что вы все время ошивались поблизости, я даже не смог во второй раз жениться!

Дискуссия продолжалась. Прошла ночь, над горизонтом поднялся бледный, в дымке Солнечный Бог, а семейство вновь и вновь высказывало друг другу старые обиды. Тишина наступила лишь единожды, когда дети Гармона без сил попадали на траву, мучительно пытаясь вспомнить, какие еще претензии они упустили из виду.

Наконец Гармон, опираясь на дубину, поднялся на ноги и отряхнул грязь с набедренной повязки.

— Что ж, я стар, и я решил отойти от дел. Отныне я оставляю вас без моего попечительства. На закате лет я наконец-то смогу насладиться

настоящей жизнью.

Аледреф схватил топор, который всю ночь провалялся у его ног.

— Ну нет, отец, тебе так легко не отделаться. Ты вечно будешь ошиваться поблизости и не дашь нам жить спокойно. Нет уж. Парни, вы готовы?

Вундрел поднял руку.

— Да не спеши ты так, Аледреф. Я хочу сказать, в этом что-то есть. Ну, насчет того, что мы все время ссоримся. Я вот подумал…

— Но мы же не всегда ругаемся, — воскликнул Седред. — Это ты всегда ругаешься. Я-то предпочитаю держать варежку закрытой, чтобы лишний раз не схлопотать от Аледрефа.

— Да я уже сколько лет пальцем тебя не тронул!

— И все равно ты бандит еще тот, посмотри правде в глаза.

— Неправда, я твой защитник. Кто победил на прошлой неделе того бабуина?

— Ну да, того самого, которого я хотел сделать своей домашней зверушкой.

— О боги, да вы просто пара идиотов! — застонал Вундрел. — Роя права. Мы ведем себя как придурки. Роя куда умнее… да и симпатичнее.

Роя послала Вундрелу воздушный поцелуй.

— Приходи сегодня ночью в мою постель, дорогой братишка, — позвала она.

— Ну все, хватит! — сказал Гармон. — Объявляю собрание закрытым. Пойдем отсюда. Вия, приготовь нам что-нибудь незатейливое, слишком не старайся. Не нужно никаких игуан с жаворонком в пасти. Давайте хоть день проведем как люди. Вы могли бы все вместе, дружно, без ругани отправиться на пляж.

При этих словах Аледреф немедленно схватил свой топор, а Седред — кинжал.

— Тебе так просто не отделаться. Ничтожество, мы пришли убить тебя! И сделаем это прямо сейчас.

Размахивая руками, вперед выскочила Вия и встала между отцом и братьями.

— Погодите! Я понимаю, возможно, отец и заслужил смерть за все те ужасные вещи, которые он сделал в жизни, и за все то хорошее, чего не сделал… ну, к примеру, не дал мне образования. Но убить его нужно честно. Забудьте вы всю эту болтовню насчет ничтожеств. Мы все ничтожества. Да-да, Аледреф, а разве иначе мы продолжали бы жить в этом кошмарном лесу? Здесь даже цветов нормальных нет, в волосы нечего вставить!

— Мы несколько примитивны, — с нервным

смешком вставила Дэй.

На нее не обратили внимания.

— Ты глянь-ка на эту красавицу! — зарычал Аледреф на Вию. — Отойди-ка, сестренка, а то за компанию и тебя пришибем.

— Если бы надеялся попасть нынче ночью в мою постель, то внимательнее слушал бы, о чем я толкую.

Покачивая бедрами, она подошла к отцу и положила ему руку на плечо.

— Отец, эти глупые мальчишки никак не могут объяснить, почему собираются убить тебя. Они же вообще не способны мыслить аналитически. Так что придется мне сказать тебе. Правда в том, что в твоем присутствии они не могут почувствовать себя взрослыми. Ничтожество ты или нет, пока ты ходишь по земле, они остаются пустым местом, ты подавляешь их.

Гармон оперся на свой импровизированный трон, собрался с мыслями. Наконец спокойным голосом он проговорил:

— Нет, дело вовсе не в этом. Я вовсе не подавляю их. Говоря о подавлении, они имеют в виду собственную ущербность. Я тут ни при чем. На самом деле я их единственная надежда. Ваша надежда — надежда Аледрефа, Седреда, Рои,

Дэй и твоя, моя дорогая Вия. Потому что когда стрелы Солнечного Бога пронзят меня, когда в объятия Солнечного Бога уйду я из этого мира, окажется, что теперь его взгляд направлен на вас. Вы станете тем поколением, чей черед уходить настанет первым. Пока я здесь, среди вас, пью, потею, волочусь за женщинами, сквернословлю, испражняюсь — что вам там еще не нравится во мне? — вы в безопасности. Как только меня не станет… что ж, золотые стрелы будут нацелены в ваши ничтожные, эгоистичные сердца.

Наступило молчание. Даже Аледреф опустил голову в попытке поразмыслить над сказанным. Чувство было такое, словно золотой лук Солнечного Бога уже нацелен на него.

Первой набралась храбрости заговорить Дэй.

— Мы не можем просто взять и убить папу. Должен быть суд. И потом, что бы сказала ма? Знаете, может, она сейчас наблюдает за нами из… из другой сферы. Может, она превратилась в оленя и теперь наблюдает за нами из чащи.

Роя расхохоталась.

— Скорее уж в гиппопотама!

Дэй оказалось не так просто сбить с толку. Она объяснила родственникам духовный аспект того, что Дэй назвала «глупой болтовней об убийстве».

Сказала им, что отец, если его убить, станет приходить к ним в виде привидения и таким образом доставит куда больше беспокойства. А что, если привидение отравит колодец или напустит в хижину тараканов?

Вундрел заметил, что тараканам еще только предстоит эволюционировать из других, более безобидных насекомых. Пока что вокруг ползали сплошь одни трилобиты. Он даже наступил на одного.

Тут Дэй решила, что есть смысл поделиться с братьями некоторыми идеями насчет устройства быта. Она объяснила им, что устраивать очаг посреди хижины не очень удобно, поскольку всем приходится дышать дымом. Не лучше ли построить печку с трубой? Дэй спросила братьев, почему, вместо того чтобы строить печь, они целыми днями валяются без дела.

— Мы устали, — сказал Седред. — Мы плохо питаемся.

— Я не представляю, как выглядит печь, — сказал Вундрел.

— А я подумываю о том, что пора жениться, — не к месту добавил Аледреф.

Гармон задумчиво изучал ногти на пальцах ног.

— Я так больше и не женился. Вы вечно ошивались поблизости со своими глупыми разговорами. Ссоры, ругань — вечные ссоры и ругань. Наконец-то я освобожусь от вас и проведу остаток лет в независимости.

— Господи, боже ты мой! — воскликнула Дэй. — Ну почему вы так жестоки друг к другу? На вас посмотреть, так двадцать второй век раем покажется. Как бы я хотела снова оказаться там.

Вия крикнула Дэй, чтобы та перестала болтать ерунду, Дэй разразилась рыданиями, что вызвало всеобщий смех.

— Ну ладно, я все сказал, — закончил Гармон. — Я ухожу. — Со вздохом он вновь поднялся со своего трона.

Аледреф преградил ему дорогу, заметив, что, пока отец жив, он всегда будет болтаться поблизости и подавлять их. Он обернулся к братьям и выразительно провел ребром ладони по горлу.

— Погоди, — сказал Вундрел, — все-таки в отцовских рассуждениях есть здравое зерно. Мы ведь все время ругаемся.

— Неправда, — сказал Седред, — это вы двое все время ругаетесь.

— Когда это я ругался? — сердито поинтересовался Вундрел. — Стоит мне рот раскрыть, я тут

же получаю от Аледрефа оплеуху.

Аледреф сказал, что уже много лет и пальцем не трогал Вундрела. Седред сказал, что все равно он еще тот бандит.

Аледреф отрицал это. Разве он не защищал Вундрела? Разве он не победил того бабуина, который на прошлой неделе напал на Седреда?

— Да, ты прогнал его, — сказал Седред, — а я хотел сделать из него домашнюю зверушку. Ты вечно вмешиваешься в мою жизнь.

Вундрел лежал на спине, пытаясь при помощи пальцев ног сплести венок из маргариток. Он бросил на братьев презрительный взгляд.

— Вечно вы, два болвана, пререкаетесь. Права Роя, мы все полные придурки. И ведем себя как придурки. Роя куда умнее, чем мы все, вместе взятые. А кроме того, она лучше выглядит и приятнее пахнет.

Роя послала Вундрелу воздушный поцелуй и пригласила его прийти в ее постель, как только стемнеет.

— Вам не кажется, что мы повторяемся? — тревожно спросила Дэй. Судя по всему, подумала она, у ее родственников очень короткая память.

Гармон хлопнул в ладоши и объявил собрание закрытым. Повернувшись к Дэй, он велел ей

приготовить что-нибудь вкусненькое. Например, запеченную ящерицу с дроздом в пасти. Дэй едва не стошнило, и она тайком высморкалась в лист какого-то дерева.

Гармон, пошатываясь, поднялся на ноги, Аледреф схватил свой топор, а Седред — кинжал. Они подступили к отцу, обзывая его ничтожеством. Вия преградила им дорогу.

— Погодите! Я понимаю, возможно, отец и заслужил смерть за все те ужасные вещи, которые он сделал в жизни, и за все то хорошее, чего не сделал… ну, к примеру, не научил меня астрономии и вообще не дал мне образования. Я даже сколько будет дважды два не знаю. Но, в конце концов, мы все ничтожества. Отбросы эволюции.

— Ну, это не совсем правда, — возразила Дэй. — По крайней мере я так думаю. По моему мнению, вы хомо эректус. Возможно, конечно, это тупиковая ветвь…

— Хватит болтать чушь! — оттолкнул ее Аледреф. — Не знаю, девушки, как насчет вас, а я произошел от обезьяны — от высшей обезьяны. С дороги, а не то всех перебью!

Вия пнула его в колено.

— Лучше бы ты послушал меня, если собираешься сегодня ночью оказаться в моей посте-

ли. — Она обернулась к отцу, размахивая руками, чтобы привлечь его внимание. — Отец, эти глупые мальчишки никак не могут объяснить, почему собираются убить тебя. Они же вообще не способны мыслить аналитически. Так что придется мне сказать тебе. Правда в том, что в твоем присутствии они не могут почувствовать себя взрослыми. Ничтожество ты или нет, пока ты ходишь по земле, они остаются пустым местом, ты подавляешь их. Они не могут начать взрослую жизнь.

Гармон вскипел. Не часто ему доводилось слышать столь вопиющую чушь, вскричал он. Да он в жизни своей никого не подавлял — тогда как его-то отец, вот тот действительно жить никому не давал. Нет, его дети и в самом деле ущербны. Да ведь он — их единственная надежда.

— Что? — встрепенулась Дэй. — А как же религия? У вас же должна быть какая-то религия!

Гармон велел ей оставить Солнечного Бога в покое.

— А теперь я покидаю вас, — проговорил он и двинулся прочь.

— Погоди, отец, — сказал Вундрел, выходя вперед, и положил руку ему на плечо. — Я смотрю на вещи не совсем так, как Вия. Но она девушка, а у

девушек все гораздо проще.

— Ах ты свинья! — взвизгнула Роя. Вундрел продолжал:

— Видишь ли, пока ты здесь, мы все — Аледреф, Седред, я — мы всего лишь сыновья, не более.

— Мои сыновья! — гордо произнес Гармон.

— В том-то и проблема. Мы хотим быть мужчинами, а не сыновьями.

— Вы мужчины. Никчемные, слабосильные мужчины. И о чем вы только тут толкуете? — Он ткнул Вундрела пальцем в грудь. — Бог ты мой, ну почему никто до сих пор не изобрел психиатрию?

— Я хочу сказать, что пока ты ходишь по земле, мы не можем почувствовать себя настоящими мужчинами. Убить тебя просто необходимо, чтобы мы могли стать взрослыми, свободными, могли сами контролировать свои желания.

— Другими словами, твое убийство для нас что-то вроде обряда инициации, — объяснил Аледреф. — Вот смотри.

С этими словами он обрушил топор на плечо отца, едва не отхватив ему ухо.

Вскрикнув, Гармон попытался замахнуться дубиной, но тут подскочил Седред и вонзил ему в живот кинжал. Гармон упал навзничь, и дубина

выпала у него из рук. Роя быстро подобрала ее, подбежала к отцу и размозжила ему череп.

— Вот тебе за все зло, что ты нам причинил! — крикнула она.

Втроем Аледреф, Седред и Роя принялись осыпать Гармона ударами. Он попытался встать на колени, а его все били и били топором, дубиной и кинжалом. С хэканьем и придыханием Гармона били еще долго после того, как душа его отлетела в объятия Солнечного Бога.

— Ну все, хватит, — наконец произнес обессилевший Аледреф. — Теперь мы все трое мужчины. — Пожав руки Рое и Седреду, он уселся на труп отца и утер вспотевший лоб.

— Да не сиди ты тут, вымажешься весь в кровище, кто будет стирать твою набедренную повязку?

Выступив вперед, Вундрел предложил:

— Ну ладно, ты сделал дело. Давай уж тогда соблюдем все правила и съедим его прямо сейчас.

— Забудь об этом. Что хорошего мы от него видели? — Аледреф поднялся с трупа, оттолкнув Вундрела в сторону.

— Ужас, какой ужас! — зарыдала Дэй. — А мои прошлые родственники были всего лишь баптистами!

Они отделили от тела голову и гениталии и похоронили их на поляне. Вытащили из живота кишки и развесили их на деревьях в лесу.

Бледный Вундрел молча наблюдал за происходящим.

Вия разразилась слезами и бросилась прочь с поляны. Позже вечером, готовя ужин, по-прежнему вся в слезах, она нечаянно бросила в пищу вместе с пряными травами одно ядовитое растение.

Когда Солнечный Бог распахнул над миром свое золотое покрывало, все дети Гармона лежали бездыханными.

Из головы Гармона выросло древо познания добра и зла, а из гениталий возникли два человека — мужчина и женщина, из кишок же, развешанных по лесу, родился змей.

И мужчина и женщина, невинные в своей наготе, осмотрели вокруг, на мир, и увидели, что он прекрасен. По крайней мере был прекрасен, пока не появился змей.

И тогда родился новый миф.

Без головы

Полюбоваться на то, как Фламмерион обезглавит себя, собралась огромная толпа. Телевизионщики вместе с Фламмерионом отрепетировали практически каждое движение, чтобы все произошло без сучка без задоринки. Предполагалось, что наблюдать за происходящим будут около 1,8 миллиарда человек — самая большая телеаудитория со времен ядерной бомбардировки Северной Кореи.

Многие, однако, предпочли насладиться зрелищем вживую. Весьма недешевые места на стадионе были раскуплены за месяцы.

Среди счастливчиков были и Алан Иброкс Кумар и его жена Доротея Кумар, известная больше как леди Якафрения. В самолете на пути в Дюссельдорф Алан воскликнул:

— Почему он передает все вырученные деньги детям Туркменистана?

— Ну ты разве не помнишь… ужасное землетрясение…

— Да-да, помню, конечно. Но ведь Фламмерион европеец, разве нет?

— Передай мне еще джин, — ответила леди Якафрения. Сразу после обезглавливания она собиралась сказать мужу, что уходит от него.

Шведская королевская семья забронировала два кресла в заднем ряду. Решено было, что Швеция непременно должна быть представлена на столь, по уверениям прессы, знаменательном событии, хотя правительство Швеции и пребывало в ярости по причине того, что Фламмерион отказался от предложения обезглавить себя в Стокгольме.

К счастью, вскоре шесть шведов, среди них две женщины, вызвались в ближайшем будущем пройти процедуру обезглавливания в Стокгольме, а еще лучше — в Упсале. Они уже даже объявили, на какие благотворительные цели хотят предназначить сборы за билеты.

Доктор Ева Бергер забронировала место на стадионе сразу же. Она консультировала Фламмериона, пытаясь убедить его отказаться от процедуры по причине ее крайнего вреда для здоровья. Попытки ее не увенчались успехом, и тогда доктор Бергер попыталась уговорить Фламмериона пожертвовать хотя бы часть средств Институту психоанализа.

Фламмерион ответил:

— Я предлагаю вам свой собственный пример психиатрии. Чего же еще вы хотите? Не надо жадничать.

Позже доктор Бергер продала свое место на стадионе с девятнадцатикратной прибылью и таким образом хоть немного окупила свои усилия.

Ли, никчемный племянник доктора Бергер, работал уборщиком на Дюссельдорфском стадионе.

— Слава богу, сегодня вечером я сменяюсь, — заметил он. — Тут же все будет в кровище.

— За это публика и платит деньги, — сказал его начальник. — Кровь имеет важное символическое значение, это не просто красная жидкость. Ты наверняка слышал о дурной крови, о принцах крови, о хладнокровных поступках, о том, как кипит в жилах кровь. В наших руках сегодня будет вся мифология, связанная с кровью. А потому я прошу тебя остаться на вторую смену.

С видом побитой собаки Ли поинтересовался, а что нужно будет сделать с головой, когда Фламмерион покончит со всем этим делом. Босс сказал ему, что голову выставят на продажу на аукционе Сотбис в Лондоне.

Синтия Саладин была в числе тех кто собирался неплохо заработать на обезглавливании Фламмериона. Она продала историю своих постельных

дел с Фламмерионом средствам массмедиа по всему свету. Синтия очень хотела преуспеть и теперь была замужем за японским бизнесменом. Ее книга «Не из-за обрезания ли Фламми решил, что не хочет быть с нами?» продавалась на каждом углу.

Фламмерион был весьма хорош собой, и теперь комментаторы развлекались тем, что подсчитывали число куда более уродливых людей на трибунах. Среди этой категории зрителей выделялся Монти Уилдинг, британский кинорежиссер с лицом, похожим на сморщенный пластиковый пакет. Монти говорил, что его фильм о разработке природных ресурсов уже монтируется.

Партия Зеленых протестовала против фильма, как протестовала и против самообезглавливания, утверждая, что оно даже хуже, чем кровавый спорт, и наверняка повлечет за собой последователей. Британские спортсмены тоже выражали недовольство. Обезглавливание попадало как раз на розыгрыш финала кубка. «Футбольная ассоциация не хочет терять голову» — гласил заголовок «Сан».

Да и вообще многим в Британии не слишком нравилось происходящее на континенте. Среди них хватало и таких, кто понятия не имел о детях

Туркменистана. Как обычно бывает в тяжелые времена, люди обратились к своим заступникам — архиепископу Кентерберийскому и Гору Видалу… ну, необязательно в таком порядке.

Архиепископ прочитала по этому поводу замечательную проповедь, в которой напомнила пастве о том, что Иисус тоже отдал за нас жизнь и что, говоря о «нас», она имела в виду не только партию Тори, но и простой народ Англии. А теперь другой молодой человек, Борго Фламмерион, готов отдать жизнь за голодающих детей Центральной Азии — ну конечно, если Туркменистан находится в Центральной Азии.

Конечно, продолжала архиепископ, Христос не дал распять себя перед объективами телекамер, но все дело в том, что он выбрал не самую удачную историческую эпоху. Горстку свидетелей распятия, чьи рассказы дошли до нас, никак нельзя назвать надежными источниками. Более того, не исключено, что все это вообще выдумка. Отложи Христос свое распятие на пару тысяч лет, и оно было бы надежно задокументировано и тогда, возможно, в Него поверили бы все жители Британии, а не какие-то паршивые девять процентов.

И все равно, добавила архиепископ, мы должны

молиться о том, чтобы Фламмерион Исполнил то, что задумал, по возможности безболезненно.

Будучи никак не упомянутой в проповеди, британский премьер-министр на следующий же день сделала весьма резкое выступление в Палате Общин. Уж она-то не собирается терять голову, под всеобщий смех заметила премьер-министр и добавила, что архиепископу лучше бы не Европу обсуждать, а посмотреть, что делается у нее самой под носом, в ее собственной епархии. Ведь не далее как в прошлом месяце в Кентербери произошло убийство. Что бы там ни происходило в Дюссельдорфе, одно ясно наверняка: в Великобритании с верой далеко не все гладко.

Встреченную бурными аплодисментами речь премьер-министр произнесла всего за несколько часов до того, как Фламмерион предстал перед публикой.

По мере того как стадион начал заполняться, разные оркестры принялись играть торжественную музыку и старые битловские хиты. На церемонию прибыло множество французов обоего пола. Из всех европейцев французов особенно интересовал L'Evenement Flammerion,[1] они уве-

---

[1] Примечания: 1
Случай Фламмериона (фр.).

ряли, что герой дня имеет французские корни, хотя и родился в Санкт-Петербурге от русской матери. Это заявление вызвало раздражение американской прессы, которая напомнила, что в штате Флорида тоже есть Санкт-Петербург.

Тут же возникло движение, призывающее произвести экстрадицию Фламмериона во Флориду, где его можно было бы в соответствии с законом подвергнуть смертной казни за попытку самоубийства, что во Флориде считается серьезным преступлением.

Во французской прессе появились длинные аналитические статьи под заголовками вроде «Фламми педераст?», футболки, изображающие героя дня с отрезанными головой и пенисом, шли нарасхват.

Наибольшую пользу из предстоящего события извлекла Германия. По телевидению успешно шел сериал под названием «Kopf Kaput», рассказывающий о замечательной баварской семье, где все только и делали, что покупали бензопилы с намерением отрезать друг другу головы. Некоторые усматривали в «Kopf Kaput» политическую подоплеку.

Вокруг стадиона курсировали представители Красного Креста и Зеленого Полумесяца. Для них

это была отличная реклама. За каретами «скорой помощи» Зеленого Полумесяца ехали грузовики, в которых лежали пострадавшие от землетрясения юные туркмены в окровавленных бинтах. Их встречали приветственными возгласами. Короче, в воздухе царило фестивальное настроение.

Толпы охотников за автографами пытались пробраться к нашему герою. Другие толпы не оставляли надежду отговорить Фламмериона от рокового поступка. В качестве аргументов приводились неэстетичность самого акта, его отрицательное воздействие на детей, опасение, что клинок Фламмериона не попадет в отмеченное на шее место, сомнение в том, что человек вообще способен сам обезглавить себя. Нашлись люди, готовые предложить собственноручно заточенное лезвие.

Никого из этих людей — ни священников, ни любителей сенсаций, ни хирургов, предлагающих немедленно пришить голову на место, — не пускали в тщательно охраняемые апартаменты Фламмериона.

* * *

Борго Фламмерион сидел в офисном кресле, читая русский ежемесячный журнал «Птицевод-

ство». Подростком он жил на птицеферме. Потом какое-то время работал на бойне, после чего эмигрировал в Голландию, где ограбил кондитерскую. Позже Фламмерион был лидер-вокалистом группы «Шлюзовые ворота».

На Фламмерионе был золотистый парчовый блузон, обтягивающие штаны и блестящие туфли. Голова его была обрита — так ему посоветовали.

На столе перед Фламмерионом лежал новенький мясницкий нож, специально заточенный в Женеве представителем швейцарской компании, изготовившей инструмент. Читая статью об увеличении яйценоскости кур, Фламмерион то и дело поглядывал на нож. Стрелки электронных часов Фламмериона постепенно двигались к восьми.

За спиной Фламмериона стояла монашка — сестра Мадонна, его единственный компаньон в последние дни. Сестру Мадонну выбрали, потому что однажды она по ошибке совершила паломничество в Ашхабад, столицу Туркменистана.

По сигналу сестры Фламмерион закрыл журнал. Поднялся, взял мясницкий нож. Твердым шагом прошел к дверям и вышел в сияние прожекторов.

Американский телерепортер в кроваво-крас-

ном одеянии сладким голосом говорил в камеру:

— Если в ваши планы на ближайшие минуты не входит наблюдение за обезглавливанием, мы советуем вам на некоторое время отвернуться от экранов телевизоров.

Когда смолкли аплодисменты, Фламмерион занял позицию между двумя отметками мелом. С невозмутимым лицом поклонился. Когда он поднял в правой руке нож, лезвие блеснуло в свете софитов. Толпа замерла в молчании.

Фламмерион уверенным быстрым движением полоснул ножом по горлу. Лезвие легко рассекло позвонки. Голова чисто отделилась от тела и упала рядом.

Тело Фламмериона постояло немного, потом нож выпал из его руки.

Стадион разразился аплодисментами не сразу. Что ни говори, представление прошло на высшем уровне, особенно если учесть, что у Фламмериона не было ни одной полноценной репетиции.

Говядина

— Слава всевышнему, коровы наконец-то вымерли! — заявил Кориандер Эйворри в последний год нынешнего тысячелетия.

Эйворри выступал в Петерборо на Конференции по управлению экологическим кризисом. Его только-только избрали президентом УЭК. Хотя его заявление и вызвало бурные аплодисменты, многие делегаты конференции полагали, что вымирание коров — равно как и девяноста девяти процентов овец — произошло слишком поздно.

— Слишком долго, — продолжал Эйворри, — в сельском хозяйстве господствовали принципы выгоды и высоких урожаев. Биотехника взяла верх над состраданием. Практика индустриализации сельского хозяйства медленно уничтожала так называемые развивающиеся, а на деле — загнивающие страны. Сегодня наша жадность привела Первый мир к катастрофе.

Как раз в этот момент и взорвалась заложенная под трибуну бомба. Многие в зале были ранены, некоторые, в их числе и Эйворри, смертельно.

Его дочь, тоже получившая легкое ранение,

бросилась к отцу на помощь. Она опустилась рядом с Эйворри на колени и зарыдала при виде его ужасных ран.

Кто заложил бомбу? С одной стороны, это могли быть Мясоеды, с другой — Немертвецы.

Давайте попробуем рассмотреть это дело по возможности бесстрастно. Целью Немертвецов являлось уничтожение Первого мира. Незадолго до этого на крепость под названием Европа были сброшены водородные бомбы, изготовленные в Индии и Пакистане. Хотя движение Немертвецов было не слишком обширным, нельзя забывать, что фанатизм не знает компромисса, здравый смысл для него — ничто. Тем более что Немертвецы получали постоянное пополнение из Третьего мира.

Несмотря на то что долги стран Третьего мира были списаны, что им были выданы займы на наивыгоднейших условиях, из глоток Африки беспрестанно слышался клич: «Требуем компенсации!»

Немертвецы пришли из ненормального, свихнувшегося мира. Мира, в котором миллионы людей пребывали на грани голодной смерти. У них не было земли, поскольку крупные компании выкупили ее, а теперь разрабатывали — точнее,

насиловали, — используя удобрения, пестициды и неподходящие для данных районов монокультуры. Безземельные и бездомные могли получить пищу только за деньги. А когда деньги у них закончились… что ж, недальновидность бедняков ни для кого не новость. От этой недальновидности они и вымирали — ненужные и необмытые.

А куда же девалось продовольствие, выращенное на их землях?

Возьмем, к примеру, Индию. По статистике Немертвецов, сорок процентов пахотных земель отводилось для выращивания корма для скота, который, в свою очередь, забивался и экспортировался. На остальных площадях выращивали соевые бобы, которые экспортировали на корм скоту в странах Первого мира. Древняя Индия, несмотря на всю неприхотливость ее обитателей, вымерла. Когда-то ее крестьяне использовали скот для удобрения земель и как тягловую силу. Сегодня цены на скот стали для них недоступными. Крестьяне вместе со своими семьями вымерли, а оставшиеся в живых занялись изготовлением бомб.

Такова была подоплека появления Немертвецов.

Теперь рассмотрим случай с Мясоедами. Они

полагали, что если прекратить производство говядины — мировая экономика рухнет. В их рассуждениях имелось здравое зерно хотя бы в том смысле, что мировая экономика в любом случае была обречена.

В представлении Мясоедов идеальным являлся мир, в котором на сочных лугах пасутся тучные стада коров. Чистой воды фантастика, ибо правда состояла в том, что любые живые создания — не только крупный рогатый скот, но и овцы, свиньи и домашняя птица — давно уже стали не животными, а всего лишь продовольственными единицами, коим должно по возможности быстро и дешево попасть в жадное брюхо Запада.

Чтобы эти продовольственные единицы в течение своих коротких жизней не болели, их накачивали пенициллином. В результате антибиотики стали бесполезными и для людей, среди которых распространялись разнообразные хвори. Чем больше люди ели мяса, тем больше болезней сваливалось на них.

Итак, на сцену, где разворачивалось действо мировой катастрофы, наряду с Немертвецами вышли Мясоеды.

Что же в конце концов нарушило хрупкое равновесие? Опасность вторжения Немертвецов

заставила сельское население Европы перебраться в перенаселенные мегаполисы. В заброшенных лесах и полях резко возросла численность диких свиней. В одних только Франции, Германии и Польше их насчитывалось два-три миллиона. Участились случаи КСЛ — классической свиной лихорадки, которая перекинулась и на домашних свиней. Стало ясно, что оставлять диких животных без должного контроля больше нельзя.

Правительства Германии и Франции взяли на себя разработку генетически модифицированного вируса, который был запущен в дикую природу подобно тому, как столетием ранее среди популяции кроликов был распространен миксоматоз. Соседние государства пробовали протестовать, но безуспешно.

Дикие свиньи погибали сотнями тысяч. Их трупы усеивали леса и поля. Вирус мутировал и перекинулся на овец. А уже после принял форму, опасную для человека.

Подобному опустошению человеческая раса не подвергалась со времен Черной смерти. Вместе с людьми гибли собаки, кошки и другие домашние животные. Перенаселенные города превратились в гигантские кладбища.

Третий мир недолго наслаждался триумфом,

ибо настал и его черед — КСЛ распространялась там невиданными темпами.

Подобно беззубому старцу, мировая экономика рассыпалась в прах.

Немногим выжившим пришлось жить в совершенно новом мире. И этот мир был куда более жестоким. Всем до единого предстояло стать вегетарианцами. Просто потому, что, кроме вегетарианской пищи, есть было больше нечего.

Кориандер Эйворри был вегетарианцем всю свою жизнь.

Кто же несет ответственность за его смерть? Мясоеды, пытающиеся восстановить былое положение вещей? Немертвецы, добивающиеся окончательного падения западной цивилизации?

Царящий в мире хаос не позволил раскрыть это преступление.

Не было сомнения лишь в одном: Эйворри был мертв. Как и коровы.

Вывод: мясо крайне вредно — ведь от него погибла целая планета.

Ничто не лишне в жизни этой...

Моя жизнь несет в себе отзвук старинной театральной пьесы. Было раннее утро, когда я впервые ступил на этот волшебный остров, волшебный остров, на котором я полюбил прежде, чем узнал, что это называется любовью. Всходившее поздно солнце слепило глаза и отбрасывало в мою сторону длинные тени. Я брел по лабиринту полосок солнечного света, и тень моя скользила по петлявшей среди деревьев тропинке. Я все больше удалялся от маленькой бухты в направлении единственного на этом острове пригодного для жилья дома — дома или замка, прилепившегося к возвышенности и все же защищенного от северных ветров еще одной, чуть большего размера возвышенностью, что сгорбила свое плечо над массивными крышами и башенками этого строения.

Неожиданно раздался звук, перекрывший шлепанье волн, разбивавшихся о берег. Я сделал еще несколько шагов и остановился, прислушиваясь. Мимо дома проходила какая-то юная женщина. Он пела, причем пела исключительно

ради собственного удовольствия, пребывая в хорошем настроении. Но как же восхитило меня ее пение! Ее фигурка то скрывалась в тени, то выскальзывала из нее. Именно тогда я впервые увидел Миранду и впервые услышал ее чарующий голос.

Приблизившись к ней, я ощутил странное покалывание кожи. Душу мою наполнили самые противоречивые предчувствия. Неужто мне суждено узреть некое странное волшебство или же я действительно вернулся домой?

На излете 1960-х годов, точнее, в последний год шестидесятых, тогдашняя жизнь радикально отличалась от жизни нынешней. Я бросил школу и оставил родительский дом. Я был тем, кого позднее стали называть хиппи. Однако главное мое стремление заключалось в том, чтобы жить своей собственной жизнью, насколько это только было возможно. Мне казалось, что я могу стать поэтом.

Странствия привели меня в край вдали от родного дома. В конечном итоге я очутился на севере страны, в местах, где чрезвычайно малолюдно. Там я заболел. Мужчина и женщина, владельцы небольшого ресторанчика, ухаживали за мной, и вскоре я снова встал на ноги. Имя моего благоде-

теля было Фердинанд Робсон, его супругу звали Роберта.

Эта несомненно симпатичная пара рассказала мне, что они бежали от той жизни, которая представлялась им невыносимой, жизни крупного промышленного города. Однако когда я увидел, как упорно они работают, чтобы и ресторан, и крошечная гостиница при нем приносили хотя бы скромный доход, я понял, что Робсоны угодили из одной кабалы в другую.

Робсон представлялся мне человеком философического склада ума. На это указывало его низменно меланхолическое настроение. Он посоветовал мне отправиться на взморье, близ которого располагался малый островок.

Мой спаситель высказал предположение, что там я смогу найти какую-нибудь временную работу.

— А кто живет там, на острове? — поинтересовался я.

— Один писатель, — последовал ответ на мой вопрос. — А больше никого.

Фердинанд поспешно отвернулся, и на лице его я заметил выражение злобы.

Я никак не мог найти объяснения тому, почему его слова и выражение лица так встревожили

меня.

Я укладывал свои немногочисленные пожитки, собираясь в дорогу, когда в мою комнату вошла Роберта. По ее лицу было видно, что она не в духе. Она сообщила мне, что ее муж очень расстроен и хочет дать мне объяснение своего необычного поведения. Я попытался было возразить, но Роберта оставила мои попытки без внимания. Вот что она поведала мне, пристально глядя на меня своими темными загадочными глазами.

— Никогда не увлекайся азартными играми, паренек. Не ставь на карту свое имущество. Деньгами также не рискуй. И, разумеется, людьми. Ну и душой, конечно. Ты меня понял?

Ответ мой был отрицательным, я ничего не понял из ее слов.

— Как же можно играть людьми? — спросил я.

— Если ты достаточно безумен, то можешь проиграть их жизни. В этом ничего нет безрассудного. И никакой это не грех. Хоть это ты понимаешь, юноша?

Я пробормотал в ответ нечто невразумительное, но на самом деле до меня так и не дошел смысл сказанного Робертой, а также та страстность, с которой она пыталась убедить меня.

В комнате повисла тишина. Мне показалось,

что моя собеседница немного успокоилась. Когда Роберта заговорила снова, голос ее звучал ровнее и спокойнее прежнего:

— Посмотрим, какой будет твоя жизнь там, на острове. Ты молод. Возможно, ты пока еще не понимаешь, что, когда мы выбираем одну дорогу в жизни, нам приходится отказываться от другой. Все эти другие дороги больше нам никогда не откроются. Пройдет время, и мы, наверное, взгрустнем о том, что выбрали, но, увы, возможности вернуться в прошлое у нас не будет. Любая попытка сделать это повлечет за собой неминуемое несчастье.

Последнее заявление озадачило меня. Видимо, как она верно сказала, я был действительно слишком молод, чтобы понять это. Я спросил у Роберты, не любовь ли она имеет в виду.

— Не только любовь, но и многое другое, из чего состоит жизнь. — Она на мгновение задумалась, затем пылко продолжила: — Фердинанд, мой муж, когда-то был очень богат. Он заработал кучу денег на биржевых спекуляциях в лондонском Сити. Но совершил ошибку. В свое время он подписал кабальный брачный договор, согласно которому его тогдашняя жена должна была родить ему сына. Тот впоследствии вырос и

превратился в жестокое, лживое создание. Когда я познакомилась с Фердинандом, тот страстно хотел изменить свою жизнь и свои привычки. Развод обошелся ему очень дорого. Его биржевые дела потерпели крах. Когда-то он владел тем островом, на который ты собрался отправиться.

— Понятно, — коротко отозвался я.

— Ничего тебе не понятно. — Роберта отвернулась от меня и, опершись на подоконник, устремила взгляд на пустынную местность, простиравшуюся перед ней. — В конечном итоге ему пришлось продать остров и купить ресторан, к которому он теперь прикован, как каторжник к галере. По правде говоря, он проиграл все, что имел, безмозглый болван. Он все надеялся, что нам удастся заработать денег, чтобы выкупить обратно этот остров, который, как он считает, принадлежит ему. Остров прекрасен, однако неизвестно, будешь ли ты счастлив, живя на нем… Муж надеется, что мы сможем переселиться туда прежде, чем состаримся.

— А вы на что надеетесь, миссис Робсон? Каковы ваши надежды?

Роберта смерила меня тяжелым взглядом, и мне стало ясно, что бездна, разделяющая мой жизненный опыт и ее, слишком велика, чтобы через нее

можно было перекинуть мостик доверия.

— Какое тебе дело но моих надежд? — произнесла она. — Ступай скорее к своим собственным!

С этими словами она потрепала меня по щеке.

Ранним утром, когда я прибыл на остров, небо на востоке все еще было затянуто багрово-золотистыми облаками. Миранда только-только подоила козу и несла ведро с молоком. Когда я приблизился к ней, она замерла на месте, крепко сжав в руке дужку ведра. Она не слишком охотно ответила на мое приветствие и провела меня на кухню через задний ход. Так я впервые оказался в Доме Процветания — именно такое амбициозное название носил он. Однако там оказалось крайне мало материальных свидетельств процветания или современных удобств. К числу обитателей дома относились и монахи, занимавшие замок в стиле семнадцатого века. Они же построили и небольшую, ныне никем не используемую церковь.

Девушка — мне было чрезвычайно сложно определить точный ее возраст, но я полагал, что она еще совершенное дитя — повела меня к отцу. Повела по коридорам, большая часть окон которых была закрыта ставнями. Лишь одно окно было отворено навстречу солнечному све-

ту, призванному скорее усилить таинственную атмосферу дома, нежели освещать длинный коридор. Миранда робко постучала в обшарпанную дверь в дальнем конце коридора. Чей-то глуховатый голос пригласил нас в комнату.

Она подтолкнула меня вперед, оставаясь за моей спиной.

Я вошел в святая святых Дома Процветания — просторную унылую комнату, стены которой, увешанные гобеленами различного вида, зрительно увеличивали ее размеры, а заодно усиливали душную, затхлую атмосферу. В одном углу стоял массивный письменный стол, за которым сидел крупного телосложения человек, бородатый, давно перешагнувший через грань среднего возраста. Перед ним лежала неаккуратно сложенная стопка каких-то бумаг. Человек не удостоил нас приветствием, лишь снова сел и смерил меня достаточно равнодушным взглядом.

Его дочь также не стала размениваться на излишние любезности и, сдвинув в сторону тяжелую ткань на стене, открыла моему взору окно, выходящее на северную сторону. Свет, проникший в комнату, как мне показалось, вместо того чтобы развеять удушающую темноту помещения, еще более ослабил сияние тусклой настольной

лампы.

Приблизившись к столу, я представился, сообщив, что приехал на остров в поисках какой-нибудь временной работы.

Грузный незнакомец встал, перегнулся через стол и протянул мне руку, которую я довольно осторожно пожал.

— Эрик Магистоун, — представился он гулким басом. Прежде чем велеть дочери объяснить мне, чем я буду заниматься, он бросил на меня исподлобья внимательный взгляд. Затем снова тяжело опустился в кресло. Похоже, Миранда была сильно озадачена тем, чем мне предстояло заняться.

— Можете для начала заготовить дров, — сказала она.

Я сделал, что мне было велено. Было непривычно повиноваться приказаниям ребенка, пусть даже и очень красивого, особенно если принять во внимание то, что и сам я не так уж давно расстался с детством.

Дом когда-то был замком, построенным для защиты побережья от хищных и алчных соседей, особенно датчан. Прежний хозяин, Фердинанд Робсон, перестроил его, вернее, пристроил к нему флигель и оранжерею. Ставня, сорванная в сильную бурю несколько лет назад, разбила

стеклянную крышу оранжереи, которой затем перестали пользоваться. Это привело к ее упадку.

Для жилья мне предоставили одну из комнат в башне.

Работа была отнюдь не изнурительной. Раз в неделю к острову причаливала лодка с материка, на которой доставлялись съестные припасы. На меня была возложена обязанность расплачиваться за доставленное и относить ящик с припасами в дом. Мне также доверили доить козу и собирать яйца, которые куры откладывали возле дома или где-то внутри него. К югу от замка располагался небольшой пруд, в котором я мог купаться. На острове я также открыл для себя немало и других развлечений. Монахи, жившие в доме в ту пору, когда он служил монастырем, разбили поблизости несколько фруктовых садов, и деревья в них плодоносили до сих пор. В самых разных, довольно неожиданных местах поблизости от дома росли ягодные кустарники, плодовые деревья и орешник. Семена плодов и ягод, очевидно, разносились повсеместно птицами, коих на острове водилось множество. Казалось, будто они оглашают своими трелями окружающее пространство, сидя на каждой ветке. Помимо перелетных птиц, на острове водились фазаны, куропатки и даже

павлины, оглашавшие ночь своими пронзительными криками. Немало водилось на острове диких кошек, в изобилии населяли его также и кролики.

Остров чрезвычайно пришелся мне по душе. Это был рай, который я всегда тщетно надеялся отыскать. Особенно богат остров был дикими растениями, названия которых я узнал из книги, взятой в библиотеке. Я с огромным удовольствием произносил названия растений, этих барометров бедного человека, расцветающих в мае: белая яснотка с сердцевидными листочками; прекрасная и агрессивная японская гречишка, под высокими, похожими на бамбук стеблями которой находил себе приют нежный ландыш, источавший дивный аромат; поросль вики и чистотела; изящные белые брионии, на которых в надлежащее время года появляются красные ягоды. Было их великое множество. Росли и папоротники, и высокие ромашки, так похожие своими головками на солнце.

Как-то раз я набрел на заброшенную, ветхую хижину, почти полностью скрытую от взгляда зарослями ежевики. Я назвал это место Райским Овражком. В этом месте в свободное от работы время я лежал по много часов подряд, читая

книги, найденные мной в библиотеке. Это были произведения старомодных авторов: романы Дюма и Жюля Верна, Томаса Гарди и Достоевского, а также пьесы Шекспира, одна из которых особенно завладела моим воображением, потому что ее действие также происходило на острове.

Я также узнал кое-что об Эрике Магистоуне, узнал от его дочери. Его настоящее имя было Дерек Стоун. Родился он в зажиточной семье. С ранних лет родители всячески поощряли любовь Дерека к знаниям. Хотя он продолжил семейное дело, ему всегда хотелось стать писателем. Когда ему исполнился двадцать один год, Дерек опубликовал свой первый роман «Боль в некроманте». Это была юмористическая книжка, которая удивительно хорошо продавалась. За ней следом вышла похожая на нее вторая книга — «Понимание в некроманте».

А затем права на первый роман приобрел Голливуд.

Узнав эту историю, факт за фактом, от Миранды, я выразил недоумение. Разве может столь угрюмый человек, ведущий жизнь затворника, писать юмористические романы?

Все было именно так, во всяком случае, в дни его юности. Более того, Эрик Магистоун (теперь

этот псевдоним стал его законным именем) слетал в Голливуд, где написал сценарий фильма по мотивам своего романа. Снятый по его книге комедийный фильм пользовался огромным успехом у зрителей. Более того, он стал основой для новой серии фильмов в жанре волшебных авантюрных комедий. За написание сценариев к ним Дерек получал хорошие деньги. Он стал модным автором и пользовался огромным успехом у женщин. В результате одной такой любовной связи и появилась на свет Миранда.

Это событие в корне изменило всю жизнь Дерека. Он купил себе остров, как мне рассказали, у Фердинанда Робсона, финансовые дела которого пришли в плачевное состояние, и поселился на нем вместе с любовницей и дочерью. Жизнь на острове после роскошной жизни в Голливуде не устроила любовницу писателя. Одним прекрасным утром Магистоун проснулся и понял, что она убежала, оставив ему дочь и скверным почерком написанное прощальное письмо с выспренними, пафосными оправданиями.

— Он по-прежнему сочиняет комедии? — спросил я у Миранды.

Та отрицательно качнула черной кудрявой головой.

— Он пишет большую книгу, очень серьезную. Очень толстую, очень содержательную, которая способна объяснить все на свете. — Миранда даже показала руками объем будущего произведения отца.

Услышанное разожгло мое воображение. Правда, очень многое еще нуждалось в объяснениях. Теперь мне стало понятно, почему Магистоун столь мрачен и одинок — на его плечах лежал груз серьезнейшей ответственности.

— Даст ли он разъяснение о луне? Объяснит ли, почему вода замерзает? Расскажет ли о смене времен года? О том, почему мы умираем? Почему мальчишки и девчонки не похожи друг на друга?

Все эти вопросы мы обсуждали вместе, Миранда и я, устроившись в Райском Овражке, прижавшись друг к другу в зябкие весенние деньки.

Я выяснил, что Миранда так и не удосужилась хорошенько исследовать остров, на котором жила. Действительно, она редко выходила из дома, обычно лишь чтобы наведаться в загон к козам. Отец запретил ей прогулки по острову на том основании, что, дескать, за пределами дома ее могут подстерегать самые непредсказуемые опасности. Поначалу девушка боялась

уходить далеко, ноя крепко держал ее за руку и решительно вел за собой. К вящему моему и ее удовольствию, мне удалось открыть Миранде красоту острова — зеленые пятнышки утесника, заросли вереска, цветущие вишневые деревья, стрекоз, комично покачивающих головками на ветру. Примулы, вытянувшие свои лепестки в направлении южного берега, все радостные красоты природы, а также летние цвета, когда настало лето с жужжанием шмелей и сладостными головокружительными ароматами.

Я научил ее тем навыкам, которые сам приобрел лишь недавно, например, показал, как удить рыбу в пруду. Наш улов мы жарили на очаге, устроенном в Райском Овражке, и поглощали его, освещенные пламенем костра, когда сумерки опускались над миром.

Мы чувствовали себя непринужденно в обществе друг друга, эта милая девочка и я. Исполненные счастья, мы целовались без всяких задних мыслей. Свежий воздух изменил цвет ее лица, оно утратило прежнюю бледность и сделалось румяным. Кроме того, Миранда заметно подросла. Она так же ловко и проворно бегала по скалам, как и я. В бухте на южной оконечности острова мы ловили на мелководье креветок, которых за-

тем варили в консервной банке и жадно поедали. Нам никто не докучал. Никто не говорил нам, что нужно делать и чего делать не следует.

Однажды вечером мы бездельничали у кромки воды на маленьком пляже, подкрепившись креветками и крабами. Сняв одежду, мы плавали в теплом море, шумно плескались в воде и радостно смеялись. Когда мы вышли из воды, то неожиданно посерьезнели, восхищенными, изучающими взглядами рассматривали тела друг друга, чуть розоватые в лучах заходящего солнца. Я осмелился скользнуть пальцем в створки ее изящной раковины, над которой кудрявился пока еще редкий пушок. Миранда взяла в руку мой миниатюрный инструмент, который охотно откликнулся на ее прикосновение. Затем мы поцеловались, обменялись поцелуями, в коих было уже некое знание. Мой язык ощутил нежную ребристую поверхность ее нёба.

В принципе можно сказать, что именно в тот миг мы влюбились друг в друга. Мы не знали тогда слова для обозначения того взаимного чувства, которое испытывали. И я думаю, что всегда любил Миранду, потому что первым наткнулся на нее, стоявшую в тени с ведерком теплого козьего молока, которым она инстинктивно по-

пыталась защититься.

В те дни мы постоянно были вместе и часто занимались любовью, едва только нам это приходило в голову. Я научил ее ловить кроликов и обдирать их, чтобы употребить в пищу, показал, как приручить кошку, которой мы дали имя Абигайль. Абигайль, чей рацион теперь состоял из рыбы и крольчатины, следовала за нами по пятам, послушная и верная, как собачка, однако заходить в дом не осмеливалась. Остановившись у порога, она выгибала дугой спину и испуганно шипела.

Шли дни и недели, а затем и месяцы нашего счастья. Глядя на меня, Миранда пристрастилась к книгам. Я часто читал ей вслух, иногда она делала то же самое. Мы вместе плакали над страницами прекрасной книги Алена Фурнье, потому что понимали, что наше счастье существует в хрупком мире, ненадежном мире бед и печали. Сияй над миром солнце или луна, мы все равно были вместе, лишь изредка разлучаясь, дабы выполнить приказания ее властного отца.

Мне удалось научить ее ценить изящество и музыкальность шекспировской истории об острове, на котором жила другая Миранда. Мы сравнивали меня с неким подобием Калибана,

а ее отца — с Просперо. Наш остров, разумеется, был волшебным островом, над воздушными стихиями которого властвовал проворный Ариэль, покорно повиновавшийся воле Просперо.

Шло ли время? Пожалуй, да. Хозяин острова продолжал работу над своим монументальным трактатом, призванным улучшить род людской, в то время как я с его дочерью вел жизнь вольного духа, наслаждаясь природой… нет, точнее, будучи ее частью. На этом острове мы жили волшебной жизнью.

Затем настало время, когда тишина наших ночей была нарушена. Шум разбудил меня. Я лежал в объятиях Миранды — теперь мы с ней не расставались даже ночью — и осторожно высвободился. Подошел к окну и выглянул наружу. Дождь, ливший до этого, прекратился. Я выглянул из окна моей комнаты, которая располагалась в башне, и посмотрел на луну, отражавшуюся в луже на потертой брусчатке возле дома.

Ее чистое отражение было вмиг разбито ногами, ступившими в лужу.

Откуда-то снизу донесся громкий стук в дверь. Миранда в испуге вскочила в постели. Я поцеловал пушистый бугорок внизу живота, пытаясь успокоить ее. Но она никак не могла прийти в

себя и лишь испуганно повторяла: «О боже, сегодня утро моего тринадцатилетия! Утро моего тринадцатилетия!»

Я торопливо оделся и спустился вниз по винтовой лестнице. Уже предрассветный свет возвращал из ночной тьмы привычные очертания окружающего мира. На первом этаже вспыхивал и гас свет. Эрик Магистоун стоял неподвижно, как статуя, отбрасывая на стену гигантскую тень. Неподалеку от него нетерпеливо расхаживали туда-сюда двое грубого вида мужчин в матросских бушлатах, помахивая фонариками и невнятно переговариваясь с какими-то жалобными интонациями. Огромная дверь была распахнута наружу, впуская в дом холодное дыхание внешнего мира.

— Приведи дочь мою, Миранду! — проговорил Магистоун, увидев меня. — Эти люди пришли за ней.

— Почему? В чем она провинилась? За что?

— Приведи сюда мою дочь! — Голос его сорвался на грозный рык. Я бегом бросился выполнять приказание. На верхней лестничной площадке я увидел Миранду, уже одетую, правда, еще непричесанную. В руках она сжимала какую-то холщовую сумку. В утреннем полумраке лицо

ее было мертвенно-бледным, даже каким-то призрачным. Хотя в глазах не видно было слез, выражение лица Миранды говорило о том, что она испытывает сильные страдания.

— Мы должны расстаться навсегда, любовь моя, — сдавленным голосом произнесла она.

Внизу суровый, брутального вида отец поцеловал Миранду, прежде чем передать ее людям в бушлатах.

— Пойдемте, мисс, — сказал один из них. — Скоро начнется прилив.

После этого, бросив в мою сторону неловкий взгляд, она ушла в сопровождении двух незнакомцев.

Когда я попытался броситься вслед за ней, Магистоун схватил меня за руку.

— Что бы ни ожидало вас двоих в будущем, ты останешься здесь. Она ушла от нас, черт возьми! Будь проклята моя давнишняя причуда!

И только сейчас до моего понимания стала доходить суть происходящего, я понял, что Миранда — жертва запутанной истории. Когда-то Магистоун и Робсон были друзьями, причем оба — азартными игроками. Они жили вместе, когда Магистоун вернулся из Калифорнии. У них двоих была одна женщина, которую Роберта в свое

время назвала мне первой женой Фердинанда. Похоже, Роберта лгала мне, потому что, судя по всему, лгали и все они, лгали изощренно и искусно, как это могут делать взрослые. Мальчик, родившийся у этой женщины, был на самом деле сыном не Робсона, а Магистоуна. Вряд ли он был жестоким и лживым, как уверяла меня Роберта. По иронии судьбы, его также нарекли Фердинандом.

В конце концов Магистоун и Робсон рассорились. Финансовый крах, постигший Робсона, заставил его, чтобы расплатиться с долгами, отдать остров Магистоуну, который из приятеля превратился в заклятого врага. Однако он добился у Магистоуна одной жизненно важной уступки, а именно: Магистоун отдает свою дочь Миранду в день, когда ей исполнится тринадцать лет, замуж за его беспутного, как он уверял, сына, Фердинанда-второго.

Пока я находился в доме Робсонов, мне ни разу не встретился их сын. Он жил и работал в большом городе, неподалеку от этих мест.

Можно было бы сказать, что Магистоун с честью исполнил обещание и передал дочь бывшему другу. Однако он не учел того, какое несчастье это соглашение навлекло на Миранду. Правда,

он, несомненно, понял, наслаждаясь иронией судьбы, что брак этот станет своего рода инцестом, ведь его дочери предстояло стать женой его же сына.

Или все же это тоже была ложь? Мне было не понять, потому что ночь за ночью, до тех пор, пока лето не уступило место осени, я вынужден был прислуживать Магистоуну. Я был его единственным слушателем, пока он, напившись до помутнения рассудка, пытался изливать душу.

Но и у меня была тайна. В день, когда двое мужчин увели Миранду навстречу ее судьбе, я наконец выскользнул из рук Магистоуна и бегом устремился к кромке воды, успев увидеть, как Миранду — мою Миранду! — увозили прочь с острова на катере, стремительно рассекавшем утренние волны. Это был последний раз, когда я видел ее. С тех самых пор что-то во мне надломилось навеки. Из юноши я превратился в старика. Без ее невинного чистого тела мое собственное, как мне казалось, начало увядать. Как все-таки ужасно постижение мудрости!

После того как главный смысл жизни был для меня утрачен, я и думать перестал о том, чтобы покинуть остров, где некогда испытал счастье. В тот день мрачный грузный Магистоун — я увидел

его, заглянув в окно кабинета — сидел во мраке и писал свою бесконечную жутковатую книгу. Я же лежал в Райском Овражке и переписывал шекспировский шедевр, пытаясь приспособить его к своему безутешному горю.

Шекспир совершил великую ошибку. Шекспир ничего не понял. Я говорю это о великом драматурге, рискуя тем самым навлечь на себя насмешки окружающих. Но он, сказавший «зрелость — это все», забыл о своих же собственных словах. Теперь я знал, какой конец должна иметь его знаменитая пьеса.

Это история Калибана. Нескольких человек, потерпевших кораблекрушение, выбросило на берег острова. Среди них Фердинанд, сын неаполитанского короля. Просперо сжег свою книгу и должен покинуть остров. Он забирает с собой Миранду, которой предстоит стать женой напыщенного щеголя Фердинанда. Ее желание никем не принимается в расчет. Отец давно решил, что этот брак обязательно будет заключен.

Все собираются на берегу, где моряки готовят к отплытию корабль, который доставит их к галеону, стоящему на якоре в бухте. Вскоре Калибан останется один на острове, принадлежащем ему по праву.

Но затем — этого великий бард не мог предвидеть! — Миранда вырывает руку, освобождаясь от Фердинанда, и убегает! Спасается бегством! Прячется в овраге среди зарослей гречишки. Солдаты бросаются на ее поиски, однако наступает ночь. Благословенная, все скрывающая ночь. Кроме того, начинается прилив. Фердинанду — без невесты — и его свите приходится покинуть остров. Когда становится совсем темно и мир освещают лишь звезды, Миранда понимает, что лодка отплыла, и выходит из своего убежища. Стоя в дубовой роще, она громко зовет своего Калибана, этого сына природы, сделавшего ее девичьи дни такими счастливыми, познакомившего ее стайными радостями острова, чистыми родниками, в которых они купались обнаженными, показавшего места, где водятся кролики, научившего находить грибы, которые, если их пожевать, превращали их мир в златой чертог наслаждений.

Он откликнулся на зов и пришел к ней, крепкая массивная фигура, окутанная тьмой, и отвел ее в свою пещеру. В ней они и стали жить, свободные от всех запретов и ограничений.

Калибан поет песню своей прекрасной находке.

Вот соловьи опять поют
В садах родного дома.
Пусть раны давние мои
На недруга падут на злого.
Манит лето мнимым сном,
Никто не ведает о том,
Как мы живем здесь.
Нимфы, наше счастье видя,
Эту тайну доверяют лишь волнам.
Трам-там-там и трам-там-там!

Миранда родила ему детей. Так сбылись слова, вложенные Шекспиром в уста Калибана, ибо, когда Просперо обвиняет Калибана в намерении обесчестить его дочь, тот смеется и отвечает: «Не помешай ты мне, я населил бы сей остров Калибанами». Теперь задуманное свершилось — по взаимному согласию и ко всеобщему удовольствию.

Малышня резвилась среди мирных лощин острова или барахталась в воде на берегу. Некоторые из ребятишек научились плавать прежде, чем сделали свой первый шажок по суше. Для Миранды и Калибана это время было Золотым веком на острове, где они оба провели свои младые дни,

где встретились когда-то.

Так прошло десять лет. В один прекрасный день на остров вернулся принц Фердинанд. Годы, что он провел, общаясь с продажными женщинами, нисколько не умалили его страсти к Миранде. Он стал богат, унаследовав корону неаполитанского монарха. Он роскошно одевался. Ценой немалых усилий он сохранил стройность фигуры. Лишь лицо Фердинанда избороздили морщины, свидетельства того, что юность уже почти ушла.

Поэтому в сороковой день рождения он появился, прихватив с собой вместо оружия бриллианты, дабы вернуть свою старую любовь и исполнить давнюю мечту.

Он и она стоят друг против друга. Миранда держит за руку своего самого младшего ребенка, девочку, и с непокорным видом молчит.

Фердинанд приходит в полное замешательство. Его мечта столкнулась с реальностью. Миранда уже больше не та прежняя, стройная девушка, чей образ он хранил в памяти долгие годы.

— Миранда, неужели ты полагаешь, будто твое чело все еще гладко и не изборождено морщинами? Разве твоя дородная плоть сохранила присущую девственности стройность и изящество? Неужели ты думаешь, будто глаза твои

все еще лучатся прежней невинностью? Твоего былого сладостного очарования больше нет, оно исчезло подобно тончайшей, почти невесомой паутине сна, разорванной пробуждением. То, что ты спишь с отступником, вряд ли придаст совершенства твоим формам. К чему тебе мои дары?

На это Миранда кротко отвечает:

— Сударь, посмотрите на меня и порадуйте взор свой картиной совершенства! Теперь я супруга, и жизнь моя — насмешка над тем, что вы так страстно желали вознаградить, — над моей невинностью! Прикосновение Эроса гораздо нежнее прикосновения Времени, он дарит гораздо больше поцелуев. Я сделалась полной от любви, вы же, напротив, значительно осунулись. Что гложет вас, наследного принца короны неаполитанской, прожигателя жизни и мота, сильно от этого отощавшего? Желание, ненависть, честолюбие? В вашем взгляде я вижу мясную муху.

Фердинанд поднимает руку, чтобы закрыть лицо.

Затем нервно спрашивает ее, почему она оставила его в тот день, когда они должны были отплыть в Неаполь и обвенчаться в церкви и поселиться в королевском дворце. Тот горестный день все еще свеж в его памяти.

Ее ответ спокоен, но тверд:

— Я не гонюсь за мишурным блеском, ведь я дитя природы.

Далее Миранда рассказывает Фердинанду о том, как сначала любила его, его импозантную внешность, шикарную одежду, льстивые речи. Ей предстояло стать королевой Неаполя и носить, о, она уже забыла, что ей предстояло носить. Однако когда Миранда подросла и лучше узнала его, то поняла, что одежды, кольца, атрибуты высокого положения — всего лишь мишура и примитивные побрякушки. В тот самый миг, на берегу, когда она готова была покинуть остров, Миранде стало ясно, что она может сделать неверный шаг и ступить на неправильную дорогу жизни.

Она подумала о Калибане…

Потому что именно он, гонимый и измученный, он был ее настоящим, непритворным другом. Это он научил ее смеяться и играть на дудочке. Он приручил для нее зайца, развлекал ее тем, что кувыркался через голову. Он объяснил ей, как называются природные сокровища острова. Показал чистые родники, где они купались нагишом, места, где обитали в изобилии кролики, учил находить грибы, которые, если их пожевать, до неузнаваемости меняли окружающий мир.

— И более того, отыскивал в моей жемчужине такие наслаждения, которых я не ведала раньше. Прежде чем узнать, как называется плотская любовь, мы близко познали друг друга, причем не единожды, а бесчисленное количество раз. Поэтому в тот миг, когда следовало принять решение, я поняла, что мне не нужны ваши обещания. Мое счастье — на этом острове, а не в Неаполе.

Расстроенный, Фердинанд роняет свои подарки на землю. Затем разворачивается и бегом возвращается на берег. Миранда и Калибан бегут вслед за ним, чтобы увидеть, как он покинет остров. Фердинанд садится в лодку и, налегая на весла, отплывает от берега.

Затем он прекращает грести, небрежно встает в полный рост и произносит сдавленным голосом:

— Я любил тебя, Миранда…

И Калибан гордо отвечает ему:

— Тогда этого должно быть достаточно.

До берега доносится крик Фердинанда, еле слышный за плеском волн, врезавшись нам в память до последнего нашего часа.

— Ничто не лишне в жизни этой…

Лодка исчезает из виду.

Но это лишь то, что я написал. А то, как я прожил свою жизнь, — это совсем уже другая история.

Вопрос математики

В Джойс Баргайст было нечто забавное. Питалась она исключительно йогуртом и булкой с вареньем. Она никогда не мыла голову. Не пользовалась Баргайст и особой любовью в своем университете. И все же Кратчайший Путь Баргайст кардинально изменил всю вселенную. Изменил просто, резко, неизбежно и безвозвратно.

Конечно же, это был вопрос математики. Все изменилось.

На заре существования человечества восприятие было заперто в доме с закрытыми ставнями. Затем, одна за другой, ставни начали с треском открываться или, можно сказать, распахиваться под давлением внутренних сил. «Реальный» мир, находившийся снаружи, был воспринят органами чувств. Потому что восприятие — подобно всему прочему — также эволюционирует.

Однако нельзя утверждать с полной уверенностью, что распахнулись все до единого ставни.

Когда-то, «в старые добрые времена», было хорошо известно, что пещеры Альтамиры в Испании обнаружены совершенно случайно и

честь их открытия принадлежит пятилетней девочке. Она ушла от отца и потерялась. Ее отец был археологом. Он был ужасно занят, изучая найденный им древний камень, чтобы заметить исчезновение дочери.

Мы можем без труда представить себе прекрасный день, немолодого мужчину, опустившегося на колени перед камнем. Маленькую девочку, собирающую цветы. Она находит и голубые цветочки, и красные, и желтые. Она бездумно отходит все дальше и дальше. Земля повсюду неровная, растрескавшаяся. Малышка пытается забраться на склон. Под ее ногами осыпается песок подобием лавины в игрушечном городе. Девочка видит расщелину. Ей неведом страх, ею движет исключительно любопытство. Девочка забирается внутрь и преодолевает совсем небольшое пространство. Она в пещере. Там на стене она видит рисунок, изображающий дикого быка.

Картинка пугает девочку. Она выбирается наружу и бегом возвращается к отцу и испуганным криком сообщает о том, что только что видела животное. Археолог оставляет камень и отправляется посмотреть, что там испугало его дочь.

Его взгляду открывается огромная галерея рисунков, оставленных охотниками или шаманами

эпохи палеолита, а может быть, охотниками-колдунами. Степень мастерства, с которой выполнены эти наскальные изображения, изменяет человеческое представление о прошлом. Мы начинаем верить в то, что понимаем эту привлекательную магию, тогда как на самом деле нам не удается постичь ее. Модели нашего мышления изменились, мы оказались не способны к пониманию образа мысли людей эпохи палеолита, как бы ни пытались вникнуть в него. Мы усвоили научную, математическую модель сознания и научились по ней жить.

Ключи к истинному пониманию вселенной можно обнаружить где угодно. Эти ключи отыскиваются один за другим, и, когда приходит время, нам удается понять их истинную суть. Огромные древние рептилии, чьи останки ученые находят в толще горных пород, многие миллионы лет ждали той минуты, когда им дадут объяснение. Они расширили представление людей о возрасте нашей планеты. Часто такие потрясения в понимании окружающего мира ассоциируются с женщинами. Возможно, это происходит из-за магии, присущей их личностям (правда, в Джойс Баргайст такой магии было не слишком много). Например, останки древнего животного, как

было установлено позднее — динозавра, первой обнаружила женщина, миссис Гидеон Мантелл.

Все эти открытия кажутся поначалу едва ли не волшебными, однако позднее воспринимаются нами как должное, совершенно спокойно. То же самое можно сказать и о случае с Кратчайшим Путем Баргайст.

Сейчас он порядком подзабыт, однако этот, подобный открытию пещер Альтамиры случай, связанный с Баргайст, помог понять и объяснить явление северного сияния, также именуемого aurora borealis. Бессчетное количество лет его объясняли как взаимодействие заряженных частичек солнечного света с частицами верхних слоев атмосферы. Все верно, сигнал порождался заряженными частицами, однако никто до Баргайст не додумался до истинной сути этого феномена.

Джойс Баргайст была невысокого роста и не пользовалась особой любовью в университете по причине своей необщительности. Она неспешно разрабатывала и усовершенствовала компьютер, работавший скорее на основе спектра цвета, а не математики. После того как Баргайст сформулировала новые уравнения и создала свой аппарат, она какое-то время занималась исследования-

ми тех последствий, которые могут возникнуть позднее.

В стенах своего уединенного дома Баргайст смастерила для себя некое подобие скафандра на колесиках, оснащенного мощными фарами, с аварийным запасом кислорода и продовольствия. Только после этого она проехала по верхней площадке, забравшись в свой новоявленный передвижной скафандр, по заранее отмеренному расстоянию в два с половиной метра, под аркой сканеров И передатчиков изобретенного ею аппарата.

Оказавшись на другом конце арки и не испытав никакого толчка, который заставил бы ее возвестить о революции человеческого сознания, Баргайст оказалась в кратере Аристарха, расположенном на Луне, спутнике Земли.

В этой связи стоит освежить в памяти тот факт, что великий Аристарх Самосский, в чью честь назвали кратер, был первым астрономом, верно истолковавшим важное небесное явление, о котором мы сейчас редко вспоминаем, — то, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот.

Именно там и оказалась Джойс Баргайст, сильно удивленная и слегка раздосадованная. Согласно ее расчетам, она должна была находиться

в кратере Коперника. Не оставалось никаких сомнений в том, что ее изобретение получилось более примитивным и несовершенным, чем она предполагала.

Поскольку Баргайст не удалось выбраться из кратера, она лишь передвигалась по кругу внутри него, испытывая радость от своего изобретения, которое мы и по сей день называем Кратчайшим Путем Баргайст или просто «баргайстом».

Вернуться на Землю отважная исследовательница никак не могла. Соорудить такую же арку, сделавшую возможным путешествия на Луну, суждено было другим людям. Бедняжка Джойс Баргайст нашла свою неминуемую погибель в жерле кратера Аристарха, с последним в ее жизни бутербродом с вареньем на коленях, возможно, оставшись вполне довольной собой. Он отправила радиосообщение на Землю, которое было благополучно принято. Управление космических исследований отправило на Луну корабль, который прибыл на место слишком поздно для Джойс Баргайст.

Через год после ее смерти через подобные арки-порталы было установлено сообщение с ближайшей соседкой Земли, и вскоре поверхность этого небесного тела была буквально завалена

всевозможными строительными материалами.

Но кто или что оставило спектрально закодированный след в небесах Арктики? Наверное, нам суждено еще долго дожидаться часа, когда кто-то дает нам разгадку этого Принцип действия «баргайста» был, разумеется, изучен самым тщательным образом. Выяснилось, что пространство/время обладает совсем не такой конфигурацией, как предполагалось. Имеет место другая сила, широко известная под названием Сила Сквиджа. Космологи и математики тщетно пытались объяснить ее, потому что она не укладывалась ни в одну из известных математических систем/категорий. Сложные математические системы, на которых зиждется наша глобальная цивилизация, как оказалось, имеют исключительно локальное применение. Они не могли выразить даже гелиопаузы. Поэтому, хотя практические стороны «баргайста» удалось успешно реализовать и люди повсюду на Земле (купив, естественно, билет) совершали кратковременные прогулки по лунной поверхности, лакуны в области математики по-прежнему оставались предметом глубокого научного исследования.

Два века спустя с этой историей оказался связан и я. Попытаюсь попроще объяснить то, что

случилось. Впрочем, в этом происшествии фигурирует не только P-L6344, в нем участвуют также и миссис Стонтон, генерал Томлин Виллетс и подруга жены генерала Молли Леватикус.

Меня, кстати сказать, зовут Терри Мэнсон, L44/56331. Я обитатель Лунар-Сити IV, более известного под названием Айви. Я был старшим по развлечениям и работал на производителей ИЛ, индивидуальных лекарств, этих усовершенствованных снадобий, создаваемых в соответствии с личным индивидуальным кодом потребителя.

До этого я трудился в базировавшейся на Луне СНАМ — Службе надзора за астероидами и метеоритами, где и узнал кое-что о проделках генерала Виллетса. Виллетс оказался активным потребителем ИЛ. Он был начальником СНАМ, которую возглавлял уже три года. Последние три месяца Виллетс был самым серьезным образом увлечен Молли Леватикус, которая работала в подведомственной ему службе в должности младшего оператора. Вскоре ее назначили личным секретарем генерала. Вследствие этого, державшегося в самом строгом секрете любовного романа, о котором, впрочем, на базе знали многие, генерал Виллетс ходил, погруженный в романтические грезы.

Моя еще более серьезная проблема также имела отношение ко сну. Вполне возможно, что в мячике для гольфа, одиноко лежащем на пустынном морском берегу, нет ничего зловещего. Однако когда один и тот же сон повторяется из ночи в ночь, волей-неволей начинаешь испытывать сильное беспокойство. Все тот же мячик для гольфа, все тот же пустынный морской берег. Оба — олицетворения неподвижности и потому внушают подспудное беспокойство.

Со временем сон стал еще более навязчивым. Казалось — иначе я не могу это выразить, — каждую ночь картина становится все более и более реальной. Что не могло не вызвать у меня сильной обеспокоенности.

В конце концов я записался на прием к миссис Стон-тон, миссис Рослин Стонтон, самому известному в Айви ментатописту.

После набора стандартных вопросов, связанных с общим состоянием моего здоровья, особенностями сна и тому подобным, Рослин — мы вскоре стали обращаться друг к другу просто по имени — спросила меня о том, как я сам истолковываю мой сон.

— Это обычный мячик для гольфа. Ну… Впрочем, на нем есть маркировка, типичная для таких

мячиков, стандартная маркировка. Другого объяснения им дать не могу. И он лежит на боку.

Когда я задумался над тем, что только что сказал, то понял, что изрек настоящую глупость. У мячика для гольфа нет боков. Значит, это был не мячик.

— И он лежал на берегу моря? — переспросила моя собеседница.

— Именно.

— Значит, это не на Луне.

— Это не имеет ничего общего с Луной. — Тут я ошибался.

— А что это был за берег? Пляж какого-нибудь курорта?

— Ничего подобного. Бесконечный берег. Какой-то чужой, неласковый. Каменистый. Довольно унылый и неприглядный.

— Вы узнаете этот берег?

— Нет. Место какое-то тревожное. Такое же тревожное, какой бывает бесконечность. Просто огромный отрезок территории, где ничего не растет. Ах да, еще и океан. Океан какой-то угрюмый. Волны тяжелые, свинцовые. И медленные, ленивые. Примерно минуту одна волна набирает силу и соскальзывает на берег. Мне следовало бы засечь время.

— Время в снах — ненадежная субстанция, — ответила моя собеседница. — Соскальзывает на берег, я правильно повторила?

— Волны, похоже, не разбиваются о берег. Они просто опускаются на него. — Я замолчал, на какое-то время задумавшись о преследовавшей меня безжизненной картине, безжизненной и в то же время представлявшейся мне удивительно соблазнительной. — У меня такое ощущение, будто я когда-то был там. Небо. Оно какое-то тяжелое и обволакивающее.

— Вам это показалось неприятным?

Я с удивлением услышал собственный ответ:

— Нет, я чувствовал, что мне это нужно, оно что-то обещает мне. Что-то такое возникает… появляется… наверное, из моря.

— Почему вы больше не хотите видеть этот сон, если испытываете в нем потребность?

Ответить на вопрос я не смог.

Пока я по три раза в неделю встречался с Рослин, генерал проводил сеансы с Молли Леватикус гораздо чаще. А астероид P-L6344 тем временем стремительно приближался к Луне.

Молли была интеллектуалкой, играла на серебристой трубе, говорила на семи языках, была шахматным чемпионом, а также гиперсексуаль-

на и склонна к всевозможным проказам. У нее были темные волосы, дерзко вздернутый симпатичный носик. На таких мужчины слетаются как мухи на мед. Даже такие, как генерал Виллетс.

Жена генерала, Гермиона, была слепа от рождения. Виллетс же не был лишен легкой склонности к садизму. Иначе как бы он стал генералом? Все мы в некотором смысле слепы — или в личной жизни, или разделяем общие заблуждения. Например, миллионы жителей Земли, во всем остальном кажущиеся разумными, до сих пор верят в то, что Солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот. Этого убеждения, несмотря на доказательство прямо противоположного характера, они придерживаются вот уже многие столетия.

Люди такой разновидности обычно защищают свою точку зрения, утверждая, что верят лишь собственным глазам. И все же мы знаем, что наши глаза различают лишь малую часть электромагнитного спектра. Все наши чувства в той или иной степени ограничены. В силу этих ограничений мы часто ошибаемся. Даже «непоколебимому свидетельству», касающемуся сути вселенной, было суждено испытать сильный удар, и все благодаря астероиду P-L6344.

Садистская натура генерала Виллетса привела

его к тому, что он убедил свою любовницу Молли Леватикус, что ей следует расхаживать голой по комнатам дома, принадлежавшего ему и его жене, в присутствии слепой Гермионы. По-моему, ей тоже доставляли удовольствие подобные сексуальные шалости. Рослин разделяла мое мнение. Это была шалость. Однако другие видели в Молли и жертву, и жуткую женщину-хищницу.

Никто не задумался о том, что истина, если только существует единая универсальная истина, находится где-то посредине, что между этими людьми существовало некое сходство, не такое уж и необычное, как может показаться, сходство между пожилым мужчиной и юной женщиной. Молли, несомненно, обладала силой, а для него была характерна слабость. Они прекрасно дополняли друг друга, играя на чувствах друг друга.

А еще они играли в кошки-мышки с несчастной Гермионой Виллетс. Она обычно сидела за обеденным столом. Генерал усаживался рядом. Затем в комнату на цыпочках входила обнаженная Молли и перемигивалась с Виллетсом. Затем она начинала расхаживать вокруг стола в медленном танце, вскидывая над головой руки и открывая взгляду небритые подмышки. Совершая движения в стиле гимнастики тай-чи, она

постепенно приближалась к слепой женщине. Чувствуя колебания воздуха или слыша еле различимый шум, Гермиона спрашивала:

— Томлин, дорогой, в комнате есть еще кто-нибудь?

Генерал неизменно давал отрицательный ответ. Иногда Гермиона простукивала палкой окружавшее ее пространство. Молли каждый раз ловко увертывалась.

— Ты странно себя ведешь, Гермиона, — раздраженно заявлял Виллетс. — Отложи свою палку. Ты же еще не сошла с ума, верно?

Иногда подобное проделывалось в гостиной. Гермиона сидела в кресле и читала книгу, отпечатанную по системе Брайля. Молли выпячивала свой кудрявый лобок едва ли не в дюйме от носа Гермионы. Слепая принюхивалась и переворачивала очередную страницу. Затем Молли приближалась к генералу, расстегивала молнию на его брюках и извлекала наружу его эрегированный пенис, скользя по нему пальцами, как опытный музыкант, умело прикасающийся к флейте. В таких случаях Гермиона могла поднять на супруга незрячий взгляд и поинтересоваться, что он делает.

— Просто пересчитываю мои медали, доро-

гая, — обычно отвечал тот.

Каким же образом бедняжка Гермиона воспринимала окружающий мир? Насколько ошибочным было ее восприятие? Или же она предпочитала ничего не подозревать, чувствуя себя крайне беспомощной?

Однако генерал оказался в той же степени слеп, оставив без внимания сигналы Службы надзора за астероидами и метеоритами, требовавшими немедленного принятия мер, способных сдвинуть с орбиты или просто уничтожить неумолимо приближающийся P-L6344. Виллетс был всецело занят своими личными делами амурного свойства, я же полностью поглощен ментатропическими визитами к Рослин. В то время как наши тела двигались каждое своим курсом, так и тела Солнечной системы двигались своими. Астероиды типа Аполлон регулярно пересекают орбиту Земли/Луны. Из этих девятнадцати небесных тел относительно малого размера самым известным, пожалуй, является Гермес, который один раз прошел возле Луны на расстоянии, всего лишь в два раза превышающем расстояние между Луной и Землей. Астероид P-L6344 — небольшой каменный обломок диаметром всего сто девяносто метров. Во время его прошлого

пересечения лунно-земной орбиты отважный астронавт Флавия да Бельтрау до Балле смогла зацепиться за астероид и установить на его поверхности миниатюрную копию патагонского флага, изготовленного из металла. В то время, о котором я рассказываю, астероид приближался очень быстро, с наклоном в пять градусов относительно плоскости эклиптики. Лучшие прогнозы свидетельствовали о том, что он столкнется с Луной 5 августа 2208 года в 23.03 в нескольких километрах севернее Айви. Однако оборонительные мероприятия запоздали, потому что генерал Виллетс был занят делами иного рода.

Так почему же компьютеры не получили команды от других людей, а ракеты не были приведены в действие подчиненными генерала? Ответ, по всей видимости, состоит в том, что все остальные были заняты абсурдными делами своих собственных крошечных вселенных, из которых они создают свой центр восприятия. Погруженные в развлечения, они никоим образом не желали что-либо делать.

Возможно, мы окружены ненавистной нам реальностью. Она представляется нам слишком холодной. Разновидности восприятия управляются нашим собственным «я». Французский

писатель Гюстав Флобер, когда его спросили, кто послужил прообразом главной героини его романа «Мадам Бовари», ответил: «Эмма Бовари? Эмма — это я!» Разумеется, все свои страхи и комплексы Флобер выплеснул на страницы своей знаменитой книги. «Мадам Бовари» — идеальный образец проторазвлечений.

Даже когда навстречу нам стремительно двигался астероид Аполлон, даже когда мы оказались в смертельной опасности, я пытался — под руководством Рослин — отыскать значение моего странного сна в работах немецкого философа Эдмунда Гуссерля. Гуссерль что-то такое затронул в моей душе, потому что он отвергает все предположения о существовании, всему прочему предпочитая субъективность восприятия индивида в качестве способа познания вселенной.

Умный он был человек, этот Гуссерль. Но слишком мало сказал о том, что на самом деле представлял бы собой окружающий мир, окажись наше восприятие ложным. Или, например, если бы мы недостаточно быстро восприняли кризис, связанный с приближением астероида.

В поверхность Луны астероид P-L6344 врезался почти точно в предсказанный срок. Совершенно случайно это произошло в кратере Коперника, в

том самом, куда намеревалась когда-то попасть Джойс Баргайст. Орбита Луны на миг слегка сдвинулась. Все жители Айви потеряли равновесие и попадали кто куда. Гермиона в поисках своей палки схватила Молли Леватикус за кудрявый лобок и испуганно закричала: «Здесь кошка!»

Немало домов и карьер рухнуло в одночасье, в том числе и карьера генерала Виллетса.

Большинство селенитов поспешило к ближайшим «баргайстам», чтобы поскорее вернуться на Землю. Многих испугало то, что под воздействием удара Луна может сойти с орбиты и улететь во внешний космос. Что до меня — мне разонравились убогие города Земли. Но главным образом я остался на Луне из-за Рослин Стонтон, потому что она никуда не хотела уезжать. Мы с ней твердо решили докопаться до самой сути и выяснить истинную природу моего странного сна. Каким-то удивительным, волшебным образом он стал и ее сном. Наши последующие встречи раз за разом принимали все более интимный, заговорщический характер.

В какой-то момент я даже решил жениться на Рослин, однако не стал ни с кем делиться этой мыслью.

После столкновения с астероидом в течение

двух последующих дней все жители Луны пребывали в бессознательном состоянии. Из спектра исчез красный цвет.

Другим непонятным эффектом было то, что сон о мячике для гольфа перестал посещать меня. Больше я его не видел. Я даже стал скучать по нему. Я перестал приходить к Рослин в прежней роли пациента. Поскольку и она теперь играла в моей жизни другую роль, я смог спокойно пригласить ее отобедать со мной в ресторане «Вид на Землю», где подавали удивительно вкусную рыбу-ангела, а затем отправился вместе с ней осматривать место столкновения с астероидом. К тому времени последствия катаклизма приняли более спокойный характер.

За окном нашего автомобиля, двигавшегося в западном направлении, долго мелькал унылый пейзаж — усыпанная слоем серого пепла поверхность Луны. По обеим сторонам дороги были расставлены пластмассовые сосны — неуклюжая попытка хоть немного оживить унылый лунный ландшафт. Когда мы отъехали от города на километр, возле дорожной развилки их больше не было видно. Далекие палисады улавливали косые лучи солнца, превращая их в шпили чужой веры. Мы с Рослин сидели рядом и молчали,

погруженные в свои мысли. Выключили радио.

— Я скучаю по Гогену, — неожиданно нарушила молчание Рослин. — По его ярким экспрессионистским цветам. Чертова Луна какая-то серая, иногда я так жалею, что меня занесло сюда. «Баргайст» так упростил путешествия. Если бы не ты…

— У меня есть подборка слайдов с картин Гогена. Мне он тоже нравится.

— Правда? Почему же ты раньше никогда не говорил об этом?

— Это мой тайный порок. У меня есть слайды почти всех его картин.

— В самом деле? Я думала, Гоген — давно забытый всеми великий художник.

— Эти восхитительные коренастые женщины, эта шоколадная нагота их кожи. Собаки, идолы, ощущение задумчивого присутствия.

— Неужели ты знаешь картину «Ее зовут Вайраумати»? — мелодично пискнула Рослин. — Женщина сидит на ложе любви и курит. Помнишь?

— А на заднем фоне барельеф — символ любви, верно?

— О господи, да ты действительно знаешь этот шедевр, Терри! Какой там поразительный колорит! Какая сдержанная, чуть угрюмая радость!

Давай-ка на радостях остановимся и потрахаемся как следует!

— Чуть позже. Отлично. Его чувства цвета, линии, композиции. Красные озера, оранжевые леса, зеленые стены…

— Странные у него чувства. Гоген научился видеть мир по-новому. Возможно, он был прав. Может быть, песок действительно розовый.

— Странно, что он ни разу не нарисовал Луну, верно?

— Да, насколько мне известно, ни разу. Он мог нарисовать розовую Луну.

Мы взялись за руки. Наши губы соприкоснулись. Наши языки сплелись. Наши тела бросило друг на друга. Мы вожделели друг друга. Страстно желали цветового разнообразия. Вскоре на дороге стали заметны трещины. Пришлось сбросить скорость.

Мои мысли унеслись в мир, открытый Полем Гогеном, и — другое дело — тот мир, который он открыл для других людей. Его холсты доказали: нет универсального согласия по поводу того, какой должна быть окружающая нас реальность. Гоген стал подтверждением мыслей Гуссерля. Я сообщил о своем открытии моей спутнице.

— Реальность была своего рода заговором, и

образы Гогена заставили людей принять новую, совершенно другую реальность.

— О боже, я так счастлива!

Дальше дорога сделалась настолько разбитой, что автомобиль вынужден был сильно сбросить скорость. Затем киберводитель заявил: «Дальше дороги нет» — и остановился окончательно. Мы проверили герметичность шлемов, вылезли из машины и пошли пешком.

Вокруг не было ни души. Место столкновения было огорожено, но мы пролезли под проволоку. В кратер Коперника мы вошли через искусственный пролом, сделанный несколько лет назад. Ровная поверхность внутри кратера была сильно разбита. От высокой температуры, сопутствующей катаклизму, она оплавилась, превратясь в стекло. Мы зашагали вперед по предательски скользкой почве. Казалось, будто мы движемся по огромному катку. В центре образовался новый кратер, получивший название кратер P-L6344, над ним все еще курился дымок. Мы с Рослин остановились на краю этого нового кратера. Затем осторожно заглянули вниз. В одном месте корка серого пепла была надломлена, открывая взгляду какое-то красноватое свечение.

Когда мы отправились обратно, Рослин по-

скользнулась. Я успел схватить ее за руку, не дав упасть. Досадливо пробормотав что-то себе под нос, она пнула ногой то, что едва не стало причиной ее падения. Тускло блеснул какой-то камешек. Рослин выдвинула вперед манипулятор скафандра. Металлические пальцы схватили камешек и подняли его к глазам. Это был не камень, а предмет ромбоидальный формы, явно искусственного происхождения. По размеру не больше вакуумной фляги. Внимательно осмотрев находку, мы захватили ее с собой.

Ромбоид P-L6344! Благодаря методике радиоуглеродной датировки выяснилось, что возраст нашей находки превышает два с половиной миллиона лет. При замораживании до уровня минус 183,333 градуса по Кельвину он раскрылся.

Из него появилось какая-то сложного устройства штука, которую сначала приняли за миниатюрную машину непонятного назначения. Машина двигалась очень медленно, выпуская наружу немалое количество всевозможных стерженьков и похожих на штопоры приспособлений. Анализ выявил, что она была изготовлена из различных полуметаллических материалов. Нам совершенно незнакомых. Созданных из того, что с нашей точки зрения является искусственны-

ми атомами, в которых точки полупроводников содержали тысячи электронов. Кроме того, наша находка излучала серии световых вспышек.

Странную вещицу сохранили в состоянии заморозки при температуре 183,33 градуса по Кельвину.

В дело вмешалось начальство из ведомства развлечений, потому что исследование финансировалось именно этим ведомством, выставлявшим загадочный предмет из далекого прошлого для всеобщего обозрения как разновидность экспоната. Мне часто приходилось бывать в лабораторном комплексе. Случайно услышав обрывки разговоров тамошних сотрудников, собиравшихся перед односторонним стеклом, я понял, что многие из них не видели в этой штуке ничего выдающегося.

Ночью мы с Рослин одновременно вскрикнули, нам обоим пришло в голову одно и то же слово — «туристы». Мы тосковали о нашей собственной вселенной. Не здесь, не на Луне. Груди Рослин оказались самыми чудесными из всех, которых я когда-либо касался языком и губами.

Во время наших с Рослин бесед о странном, посылающем сигналы устройстве, должен признаться, именно она разгадала его сущность.

— Ты продолжаешь называть ее машиной, — сказала она. — Может, это действительно разновидность машины. Но она может быть и живым существом. Кто знает, вдруг это чудом сохранившийся осколок из того времени, когда во вселенной еще не было такой формы жизни, в основе которой лежит углерод. Может быть, это добиотическое живое существо!

— Как ты сказала?

— Живое существо из той эпохи, когда жизни еще не существовало. Оно живое, потому что никогда не умирало, несмотря на то что оставалось в этой жестянке два миллиона лет. Знаешь, Терри, порой и невозможное случается. Наши жизни тоже невозможны. Эта штука, которую мы нашли, подарила нам как возможное, так и невозможное.

Инстинкт подсказывал, что нужно как можно скорее оповестить всех о сделанном нами выводе. И, в частности, сообщить об этом ученым. Однако Рослин убедила меня пока не делать этого.

— Как знать, может быть, в ней есть что-то такое, что предназначается только для нас с тобой. Может быть, мы раньше остальных узнаем об этом, а через день-два и они поймут, что она — разновидность живого существа. Мы должны

воспользоваться форой во времени.

Настала моя очередь проявить сообразительность.

— Я записал все световые импульсы этой машины. Давай попробуем расшифровать их, посмотрим, что они могут означать. Если эта штучка действительно обладает разумом, нас ждет великое открытие…

Вселенная движется своим загадочным курсом. Люди живут своими загадочными жизнями. Но мы с Рослин почти не спали, забываясь лишь на время, когда ее острые маленькие бедра ударялись о мои. Мы трансформировали световые волны в звук, запись с этим звуком прокручивали в обратном направлении, мы увеличивали скорость воспроизведения, а также замедляли ее. Мы даже приписывали им числовые значения. Все напрасно.

Состояние стресса, в котором мы пребывали, сделало нас вспыльчивыми, в любую минуту готовыми к ссоре. И все же были и краткие периоды спокойствия. Я спросил у Рослин, почему она поселилась на Луне. Образно говоря, мы уже умели читать друг друга, но алфавита практически не знали.

— Потому что оказалось, что пройти через

ближайший «баргайст» гораздо проще, чем представляли себе родители моих родителей. И еще мне хотелось работать. И…

Рослин замолчала. Я терпеливо ждал, когда она закончит предложение.

— Из-за того, что таилось в глубине моей души.

Она посмотрела на меня так, что я не смог ничего сказать в ответ на ее слова. Ей стало ясно, что я понял ее. Несмотря на мою работу, несмотря на карьеру, которая болталась на мне, как одежда на пару размеров больше необходимого, я жил ради далеких горизонтов.

— Говори же! — приказала Рослин. — Прочитай меня!

— Это — далекая перспектива. Это то место, где я живу. Ты скажешь: «Из-за того, что таилось в глубине моей души». Я всем сердцем понимаю тебя. Твое препятствие — это мое препятствие.

Рослин бросилась ко мне, целуя меня в губы и приговаривая:

— Господи, как же я люблю тебя. Я упиваюсь тобой. Только ты один понимаешь…

Я говорил ей в ответ то же самое, спотыкаясь на словах о том мире, который принадлежал нам двоим, который мы сможем постичь при помощи любви и математики. Мы превратились в зверя с

двумя спинами и одним разумом.

Я принимал душ после очередной бессонной ночи, когда меня посетила одна мысль. Эта добиотическая квазижизнь, которую мы обнаружили, испокон веков таилась глубоко под поверхностью Луны, не нуждаясь в кислороде, и являлась чем-то много большим, чем представлялось нам с Рослин. Какое же топливо, если таковое существовало, являлось источником питания ее ментальности? Ответ на это мог быть только один: холод!

Мы снизили температуру, используя лабораторное оборудование, работая в ночные часы, когда все остальные расходились по домам. При температуре 185,332 градуса по Кельвину импульсы оформились в фазу. Один градус ниже, и световые сигналы сделались непрерывными. Мы сфотографировали их с разных углов, прежде чем отключить сверхзаморозку.

То, что мы обнаружили, оказалось совершенно новым математическим методом. Это была математика совершенно иного существования. Она возводила фундамент под фазой той вселенной, которая была отрицанием нашей вселенной, которая отдаляла наш мир от нас и от нашего представления о нем. Дело не в том, что она де-

лала нас архаичными созданиями, напротив, она скорее своей неоспоримой логикой демонстрировала нам, что мы не понимаем, насколько малой частичкой множеств обладаем.

Это была старая информация, значительно плотнее свинца и более прочная, чем гранит.

Неоспоримая информация.

Мы с Рослин, дрожа, взяли ее в руки и — в очередной раз в самый поздний ночной час, когда совершаются самые зловещие преступления — ввели наши вычисления в крейпьютер, контролировавший положение Луны. После ввода в мгновение ока…

Мы со стоном выбрались из дыры. Там стоял «баргайст» еще большего размера. Когда мы вошли в излучаемый им слабый свет, то увидели далекую перспективу, всегда присутствовавшую в нашем сознании, — далекий пустынный океан, свинцовые волны и безлюдный берег, который так часто возникал во сне, отдельные песчинки, которые похрустывали под нашими ногами.

Позади нас лежал мячик, который был Луной, выпавшей из своего обычного окружающего фона, Луной, давно достигнувшей почтенного возраста. Мячик, неподвижно лежавший на боку.

В безумном восторге от нашего невероятного предположения мы схватились за руки и бросились вперед.

Кнопка «Пауза»

Несмотря на успехи, достигнутые в области генной инженерии, человеческое общество, похоже, нисколько не стало лучше. К счастью, появилось нечто такое, что позволит избавить нас от некоторых тягот жизни. Была изобретена Кнопка «Пауза».

Наш физический, материальный мир сейчас уже полностью исследован, автоматические приспособления позволили даже составить карту Марса, и все же наукой открыт еще более сложный мир, и уже больше никто не путается в его лабиринтах.

Топография мозга наконец стала доступна для понимания.

Маленькая бирмингемская фирма решила поставить научное знание на практические рельсы. Конрад Барлоу был владельцем магазина, торговавшего мотоциклами. Раз в неделю он выпивал вместе со своим двоюродным братом Грегори Мэджи. Оба были любителями футбола и болели за местную футбольную команду. Во всем остальном они жили каждый своей, непохожей

на другую жизнью. Конрад прекрасно разбирался во всевозможных моторах, тогда как Грегори был хирургом в местной клинике и специализировался на черепно-мозговых операциях.

Грегори, которого младший медицинский персонал, по причине его некоторой эксцентричности, называл за глаза не иначе как «Безумный Мэдж», как-то раз пришлось оперировать футболиста из команды северного Бирмингема, получившего травму во время матча. У этого футболиста. Регги Пейтона, в правой височной доле большого мозга образовалась гематома. Она была успешно удалена. Однако, когда действие наркоза прекратилось, Пейтон не пришел в сознание. Казалось, что он совершенно здоров физически. Почти два дня Пейтон пребывал в коматозном состоянии. Очнувшись и придя в нормальное состояние, он чувствовал себя прекрасно и вскоре возвратился домой. Но в футбол больше никогда не вернулся.

В этом таилась некая загадка, известная одному лишь Грегори. В тот субботний вечер они с Конрадом обсуждали данный вопрос за пинтой пива.

— Датчики пусковых электродов не сработали, — объяснил Грегори приятелю.

Конрад принялся барабанить пальцами по

стойке бара.

— Так это была правая височная доля? Послушай, Грег, не там произошла галлюцинация Котара? Помнишь, мы с тобой на прошлой неделе говорили о Котаре?

После этой небрежно брошенной фразы они вдруг поняли, что вышли на след некоей очень важной идеи.

Котар, великий французский психиатр, выявил синдром, суть которого состояла в том, что некоторые пациенты верят в то, что они мертвы. Иллюзия эта носит долгосрочный характер, несмотря на такие свидетельства, как нормальный пульс, идеальная работа легких и нормальная температура тела. Правда, со временем, в силу очевидной абсурдности таких представлений, иллюзии настает конец.

Это было тем самым ключом к постижению открытия, которое получило название Кнопка «Пауза». Несмотря на столь популярное наименование, микрофункция, которую открыли Конрад и Грегори, была молекулярной машиной.

Крошечная молекула помещалась на более крупную молекулу, где и происходило их склеивание наподобие энзима. К ним добавлялись другие молекулы, и это продолжалось до тех

пор, пока не возникала некая сложная структура. Таким образом создается наномашина, которая контролируется молекулярными пленками, чувствительными к повышению уровня адреналина в мозге даже до уровня в 0,0001 процента. При правильном размещении в правой височной доле большого мозга Кнопка «Пауза», более точное название которой — Отсроченный Функциональный Рефлекс (ОФР), осуществляет следующую функцию. В кризисной ситуации человек с таким рефлексом приходит в состояние паузы. Хотя подобная отсрочка до чрезвычайности кратка, она позволяет ему обдумать свои намерения. Наш мозг имеет такое строение, что при кризисных ситуациях эмоции берут верх над интеллектом. Гнев затуманивает разум. Отсроченный Функциональный Рефлекс обманывает эту филогенетическую черту.

В ряде случаев это помогает подавить проявления насилия. Предотвращаются избиения собаки, ребенка, женщины. Высокий уровень случаев насилия мужчин в отношении женщин вызывал самую серьезную обеспокоенность. В Великобритании он составлял 25 процентов, в США — 28 процентов. Довольно часто насилие применялось к беременным женщинам. После

того как ОФР прочно вошел в жизнь, эти показатели снизились соответственно до одиннадцати и двенадцати процентов (в США он был более распространен, чем на Британских островах).

Сначала Конраду и Грегори удалось продать свое устройство лишь таким учреждениям, как тюрьмы, где использование ОФР на пять процентов снижало заключенным срок их пребывания за решеткой.

Просвещенное правительство увидело в открытии более широкие и заманчивые перспективы. Автомобилисты соблазнились сокращением затрат на оплату лицензии в случае, если они согласятся подвергнуться операции. Вспышки гнева среди автомобилистов остались в далеком прошлом. Число дорожно-транспортных происшествий значительно уменьшилось.

Заинтересовались открытием и широкие массы остальных людей. Приятно всегда сохранять спокойствие. Благодаря ОФР удавалось воздержаться от необдуманных слов, произносимых в приступе гнева. В отношениях между членами семейств воцарилась удивительная, невиданная ранее гармония. Огромную популярность приобрело состояние эйфории.

Мы перестали спрашивать себя: «Почему я сде-

лал это? О чем я только думал?» Теперь мы имеем возможность знать о своих поступках заранее.

Возможно, самые разительные изменения произошли в политических привычках людей. Политиков в демократических странах в большинстве случаев избирали для того, чтобы решать проблемы, зачастую находящиеся за пределами политической сферы, такие, как расходование ценных природных ресурсов, помощь инвалидам и содействие в получении ими образования, предотвращение столкновений на расовой почве. Избиратели могут сказать, что поддерживают эти устремления. Однако обещание сократить налоги легко убедит их изменить свои взгляды. Если вместо повышения ассигнований на образование обещано небольшое сокращение налогов, как правило, страдает именно образование.

Вот политики и раздают лицемерные обещания. Они клянутся в том, что произведут изменения, которые не могут быть осуществлены в течение пятилетнего срока. Обе стороны, заключившие сделку, убаюканы фальшивыми обещаниями.

И вот в мире появляется эффект Кнопки «Пауза»!

У всех людей появляется время для раздумий. Поэтому мы становимся более честными, более реалистически мыслящими. У нас есть время для осознания цены честности, понимания истинных намерений, скрытых за пышными посулами, — у нас, которые вскормлены на рационе лжи.

В тот год, когда Конрад Барлоу и Грегори Мэджи получили Нобелевскую премию мира, мы проголосовали за Объединенную реалистическую партию, которой доверили управление страной.

Теперь наша главная задача — найти связующее звено между ОФР и генетической цепочкой, с тем чтобы передавать этот эффект от поколения к поколению.

Конечно же, мы сами уже не будем прежними. Наше одряхлевшее общество непременно претерпит грандиозные изменения. Позднее полностью эволюционировавшие человеческие существа будут смотреть на наше настоящее так же, как мы сегодня смотрим на людей Каменного века.

Три вида одиночества

1. Счастье наоборот

Судья Борегард Пич был занят сочинением письма своей бывшей жене Гертруде. Гертруда успешно делала карьеру на ниве юриспруденции, она была адвокатом. Однако после нескольких крупных ссор с мужем, забрав с собой их взрослую дочь Катерину, Гертруда перебралась в Южную Францию.

Здесь ее навещал некий человек из Оксфорда, с которым Гертруда когда-то была знакома, — преуспевающий журналист. Она каталась с ним на яхте, бывала в ресторанах, напивалась в стельку и получала нежеланные письма от Борегарда.

Борегард отнюдь не умолял ее вернуться. Его мысли были заняты более сложными делами. Он писал:

Моя дражайшая Гертруда.

Как жаль, что тебя нет сейчас со мной в Оксфорде, потому что дело, слушанием которого я занимаюсь, наверняка заинтересовало бы тебя.

Оно может оказаться действительно очень

важным.

Мы заседаем в Королевском суде Оксфорда. Дело носит столь необычный характер, что зал суда всегда полон. Приставам с трудом удается утихомирить публику, толпящуюся у входа в здание в ранние утренние часы. Присутствуют на судебных заседаниях и представители прессы, причем не только из «Оксфорд мейл», как можно было бы предположить, но также из нескольких лондонских газет.

Уличное движение от Магдален-Бридж и до железнодорожного вокзала регулярно замирает, хотя «ничего необычного в том нет», как заметил один будущий остряк. К сожалению, жена судьи отправилась отдыхать, в то время как ее супруг тщится ответить на такой вопрос: «Что делать с человеком, не являющимся закоренелым преступником, одним из представителей оксфордской плеяды эксцентриков, не желающих никому вреда, который открыл новую, едва ли не топорную разновидность пропорции воспроизводства, угрожающую человечеству?»

Случай этот не имеет прецедентов. Я считаю для себя великим счастьем, что мне досталось его рассмотрение. Наверное, в этом одно из преимуществ жизни в Оксфорде. У меня такое

чувство, словно мы перенеслись в прошлое столетие и присутствуем при обсуждении проблем эволюции под предводительством епископа Уилберфорса.

Окружающий мир перенаселен, и нашей естественной среде обитания уже нанесен внушительный экологический ущерб. Передо мной сейчас находится тот, кто в значительной, еще большей степени нанес подобный ущерб.

Что касается внешности, то обвиняемый Дональд Модсли выглядит вполне заурядно. Бородка, крючковатый нос, светлые волосы, собранные сзади в короткий конский хвост.

Среднего роста или даже чуть ниже. Меланхолик, не лишенный некоторой интеллигентности. Человек старого ориельского типа.

У него привычка вести повествование, говоря о себе в третьем лице, что сначала меня несколько раздражало. ЗаМодслитем я понял, что это типичный пример расщепленного сознания.

Его застенографированные признания выглядят следующим образом:

«После получения диплома человечек по имени Дональд Модсли занялся естественными науками. Он принял участие в работе Бразильской конференции, после чего исчез на бескрайних

просторах Южной Америки. Суть его истории такова.

Человечек этот поселился на краю неизведанного тропического леса, протянувшегося до самых берегов южной части Тихого океана. Сияло солнце, дули ветра, дожди начинались и прекращались. День сменялся новым днем, складываясь в годы. Никто не знал, где находится Дональд Модсли. Он не имел никакого общения с внешним миром. Ни разу ни один самолет не пролетел в небе над его головой. Эта точка земного шара оказалась идеальным местом, чтобы пережить кризис самоидентификации.

Маленький человечек коллекционировал разрозненные закаты. Каждый вечер он сметал их со всех сторон в одно место и помещал в огромную золотую клетку, стоявшую в чаще леса.

Хотя Модсли часто напевал для собственного удовольствия, главным образом народную песню о белом медведе, он по-прежнему оставался одинок. Модсли редко встречал какое-нибудь живое существо, за исключением крабов, выносимых прибоем на берег. Иногда над его головой пролетала белая птица, альбатрос. То, что Модсли постоянно видел вокруг себя, лишь усиливало его чувство одиночества. Одиночество так часто

пронзало все его существо, что стало его неотъемлемой частью.

Однажды утром Модсли срубил в лесу дерево. Из обрубка его он вырезал говорящую куклу, которой дал имя Бен. Модсли наделил Бена иллюзией жизни, потому что сильно нуждался в обществе живого существа.

Человек и кукла стали вести долгие разговоры, сидя на пеньке поваленного дерева. В основном они обсуждали вопросы морали и то, есть ли в ней необходимость. Модсли отличали строгие моральные принципы, которые служили ориентиром для всей его жизни. Еще в Ориеле он встретил симпатичную и интеллигентную женщину, дочь одного из иностранных монархов, и полюбил ее. Однако когда она попыталась убедить его заняться с ней любовью, Модсли отказался и перестал с ней встречаться. На его отказ женщина отреагировала вспышкой гнева и потоком брани.

Затем Модсли стал учиться в семинарии Черных братьев и собирался принять постриг, однако в какой-то момент понял, что не может довести свое намерение до конца. Впав в отчаяние, он почувствовал, что именно мораль заставляет его сторониться общества других людей.

Деревянная кукла иногда приходила в сильное

возбуждение от обсуждаемой темы, заявляя, что мораль — всего лишь неудача, возникающая в человеческих взаимоотношениях. Для существа, вырезанного из дерева, кукла была удивительно красноречива. Она даже бегала в волнении по берегу, такова была сила убеждения. Однако ее доводы так ни к чему и не приводили, как никуда не приводил и бескрайний берег океана».

Гертруда, сегодня вечером я приглашен на званый ужин, и мне нужно переодеться. Мой скаут находится здесь же. Я тебе скоро снова напишу и расскажу о том, какие разговоры Модсли вел со своей деревянной куклой.

Любящий тебя.

Гертруда растрогалась прочитанным и написала Борегарду ответное письмо:

Дело, которым ты сейчас занимаешься, кажется мне немного похожим на наше собственное прошлое. Этот Модсли, должно быть, мучительно хотел найти любовь в лишенной любви и Бога вселенной. И все же, если судить по тому, о чем ты мне написал, он способен обрести ее лишь в обществе существа, вырезанного из дерева. Ты, наверное, помнишь древний миф о том, как Ипполит отверг любовь своей мачехи Федры, и в конечном итоге и он, и она погибли.

Это должно пробудить в тебе давние воспоминания и заставить снова взглянуть на причины наших нынешних трудностей. Я бы хотела узнать больше об этом судебном процессе.

Гертруда.

Судья ответил своей бывшей жене следующее:

Дело продолжается. Сегодня четвертый день слушаний.

Модсли утверждает, что его отношение к Бену, деревянной кукле, как к независимому существу было вызвано усилившимся сходством куклы с живым созданием. Он построил для Бена небольшую хижину рядом со своим домом, на скале, нависшей над берегом океана. Когда он жарил рыбу и крабов, то всегда передавал порцию соседу, который забирал ее с собой, чтобы «съесть» в уединении.

Модсли утверждает, что вскоре они стали обсуждать темы более личного характера. У куклы не было прошлого, о котором можно было бы говорить, хотя она пылко отстаивала необходимость как воздержания от мясной пищи, так и вертикального роста, сопровождающегося появлением листьев и плодов. Для нее это было чем-то вроде религии.

Когда человек пытался высказать свои воз-

ражения, кукла уверяла его, что вынашивание растительного плода было для нее моральным оправданием существования ввиду ее полной асексуальности. Ананас представляется ей символом морали, истинной морали. В один прекрасный день состоялся следующий разговор. Модсли сказал:

— Ты не можешь утверждать, что бесполое размножение является более высокой формой, чем размножение половое. Мы — живые существа разных видов, тебе приходится использовать те способы, какими тебя наделил Господь для увеличения численности особей твоего рода. Отстаивать иную точку зрения — по-детски наивно.

— Но я в душе ребенок, — ответила кукла, ударив себя в грудь.

— У тебя нет ни сердца, ни души.

Кукла смерила его каким-то странным взглядом.

— Что тебе известно о моей жизни? В отличие от тебя я возник непосредственно из недр Земли. Я подавляю свои чувства, потому что появился из дерева. Деревья, судя по моему скудному жизненному опыту, чрезвычайно бесстрастны. Я остаюсь таким независимым, я веду себя так

скучно и вяло. Я страстно хочу иметь сердце. Но тогда... — это было сказано после некоторого раздумья, — тебе не кажется, что сердце — вечный источник печали?

Модсли задумчиво смотрел на гладь океана, отличавшуюся некой пустотой вечности.

— М-м-м... Действительно, что-то навевает мне грусть. Что-то, не поддающееся точному определению. Но я всегда считал, что виной тому ход времени, а не мое сердце.

Кукла ответила пренебрежительным смешком.

— Время никуда не уходит. Это всего лишь миф, сотворенный людьми. Время со всех сторон окружает нас, обволакивает, как желе. Проходит лишь человеческая жизнь.

— Но я пытаюсь сказать... я действительно не знаю, что на самом деле вызывает у меня грусть.

— Тогда ты, наверное, плохо знаешь самого себя! — заявила кукла. — У меня ничто не вызывает грусть, за исключением, пожалуй, щепки в моей заднице. — Кукла сделала пару шагов по берегу, заложив руки за спину. Не оборачиваясь к человеку, она сказала: — Нет, мне никогда не бывает грустно. И никогда не было, даже в мою

бытность юным деревцем. Я могу представить себе, что такое грусть, это что-то вроде пригоршни опилок. Мне становится тревожно, когда ты говоришь, что тебе грустно. Ты знаешь, что кажешься мне божеством? Я места себе не нахожу, когда вижу, что ты чем-то опечален.

Человек печально усмехнулся.

— Вот потому-то я стараюсь не говорить тебе о горе и тоске, поселившихся в моем сердце.

Кукла вернулась к нему и села рядом, опершись подбородком о сложенные на коленях руки.

— Мне не хотелось расстраивать тебя. Это действительно не мое дело.

— Как знать, может быть, и твое.

Затем оба погрузились в молчание. Над бескрайней гладью океана восходило солнце, отыскавшее в своей палитре изумительной красоты оттенки золота.

Первой молчание нарушила кукла:

— Так что это такое — «грусть»? То есть я хочу знать, как часто ты бываешь грустным?

— Грустным? Понимаешь, печаль — это счастье наоборот. Нам, людям, приходится мириться с этим. Быть человеком — нелегкий труд.

— И так у вас всегда? Значит, поэтому тебе кажется, что ты должен собирать потрепанные

закаты?

У Модсли, видимо, вызвало раздражение то, что какая-то кукла донимает его вопросами.

— Уходи, прошу тебя! Оставь меня в покое. Довольно! Ты задаешь бессмысленные вопросы!

— Но с чего им быть бессмысленными? В конце концов, мои вопросы — это твои вопросы.

— Почему ты так решил?

— Я всего лишь твое эхо, возникающее после того, как все сказано и сделано, — ответила кукла.

Человек никогда еще не размышлял именно таким образом. Он понял, что, возможно, всю свою жизнь слышал лишь собственное эхо и что его мораль, которой он так гордился, была лишь отказом на просьбы других людей впустить их в его жизнь.

Он оставил куклу на берегу, а сам отправился посмотреть, как поживает его закат. Когда Модсли притащил поблекшие цвета к клетке, стоявшей в чаще тропического леса, то увидел, что остальные закаты потемнели от времени подобно старым газетам или давно снятым с домов флагам.

Получив это письмо, Гертруда пришла в ярость. Она была убеждена в том, что дело Модсли — плод воображения ее мужа. Гертруда позвонила

Борегарду в Оксфорд и оставила для него сообщение на автоответчике, приказав больше никогда ничего не сообщать ей об этом деле.

Однако судья отправил ей еще одно письмо, оправдавшись тем, что ему показалось, будто Гертруде хочется узнать о том, как все закончилось.

На следующее утро, когда Модсли гулял вдоль кромки воды, к песчаному берегу причалила моторная лодка. Из нее выпрыгнула женщина. На ней был белый хлопчатобумажный костюм. На поясном ремне — кобура с пистолетом. Хотя ее отличала спортивная осанка, Модсли разглядел, что незнакомка давно уже не юного возраста. Морщинистая шея. Пигментные пятна на руках. Однако улыбка у нее была приятная, светлые волосы хорошо покрашены, скрывая седину.

— Наконец-то я вас нашла, — сообщила она. — Я из чилийского Лесного комитета. Я приехала сюда, чтобы спасти вас.

Модсли очень удивился и застенчиво спросил, не ее ли он когда-то любил, а затем отверг в далекие ориельские дни.

— Жизнь не столь проста, как кажется, — рассмеялась незнакомка. — К тому же я была в Уэдхеме. Прыгайте в лодку!

Модсли подумал о деревянной кукле и своем

хранилище использованных закатов. Затем все-таки прыгнул в лодку.

Там и состоялось его свержение с престола.

— Леди и джентльмены, — сказал я, — из-за невнимательности этого человека кукольный народ теперь исчисляется многими тысячами особей. Первая кукла размножилась бесполым путем, и способ этот продолжили ее потомки. Они теперь уничтожают тропические леса — вырубают их для создания собственных тел, — и эта часть земного шара затемнена угасающими закатами. Наиболее подходящим наказанием за содеянное мне представляется пожизненное заключение.

На этом сегодняшнее письмо к тебе, моя дорогая Герти, я заканчиваю. Я, разумеется, скучаю по тебе. Иначе не стал бы тратить время на сочинение всяких сказок. Надеюсь, вы с Катериной испытываете райское блаженство, наслаждаясь морем, и скоро решите вернуться обратно в Оксфорд. Юбилей празднуется через десять дней. Было бы неплохо, если бы вы находились рядом со мной. В этом году мероприятие состоится во «Всех душах».

Вы — надежда и вдохновение моей жизни. Я боготворю вашу красоту и очарование ваших душ. Возвращайтесь скорее!

Любящий вас Бо.

2. Наивный художник

Артур Сканнерсман купил особняк в горах прямо над Антибом. Он также снимал дом в Санта-Барбаре. Еще он обзавелся яхтой в Ницце, и эта яхта так ни разу не вышла из бухты в море. Сканнерсман устраивал шикарные вечеринки в Лондоне, Париже и Нью-Йорке. Он пожертвовал университету Оксфорда два миллиона долларов на устройство нового института искусств, который должны были возвести на месте Рэдклиффской больницы. Свой гардероб он обновлял каждый день.

Артур Сканнерсман был повсюду. Нет такого места, где не мелькало бы его лицо. Подруг у него было великое множество. С каждой из них Сканнерсман обращался хорошо, но как-то небрежно. Его нисколько не интересовал их внутренний мир. Ходили слухи, что иногда он спал между очередной своей пассией и ее сыном. Душок скандала лишь подогревал к нему всеобщий интерес.

Артур Сканнерсман был художником века. Он

прославился еще в стенах Оксфорда. Его картины и рисунки продавались за огромные деньги. Его работы для кино и балетных постановок оплачивались чрезвычайно щедро. Темы его творений были самыми разнообразными. Казалось, нет ничего такого, что было бы неподвластно его кисти. Имя Сканнерсмана было у всех на устах.

Его друзья замечали, что иногда Сканнерсман исчезал сразу на несколько недель, не давая о себе знать. После долгого отсутствия Артур возвращался с новыми работами — набросками, макетами, портретами… По возвращении в общество он обычно устраивал вечеринку. На ней появлялись все, кто имел удовольствие принадлежать к кругу друзей и знакомых знаменитого художника. Сам Артур обожал на таких вечеринках петь. Иногда он импровизировал — пел песни, которые рождались прямо в момент исполнения. Присутствующие приходили в восторг и умиление. Музыкальные номера таких мероприятий записывались, а затем выпускались на дисках. Раскупались они просто молниеносно. Каким же чародеем от искусства он был!

Разумеется, Сканнерсман был человеком разносторонним. Поразительно разнообразны формы искусства, которыми он очаровывал весь мир.

Блистающий, роскошный, богатый мир, очарованный и плененный Сканнерсманом. Все, что связано с его именем, имело небывалый успех без каких-либо существенных усилий с его стороны.

Так было до момента, пока один влиятельный критик не раскритиковал разносторонность Сканнерсмана, назвав ее беспочвенной, безродной, не имеющей национальных корней. После этого Артур бесследно исчез. Репортеры всего мира клятвенно пообещали отыскать его, однако слова своего так и не сдержали.

Им и в голову не приходило обратить свои взоры на крошечный норвежский городок в двадцати милях к югу от Осло. Местечко это называлось Дикстад. Дом, который Сканнерсман купил там, был самым обычным домом, расположенным на обычной улице напротив здания почты.

В доме Сканнерсмана жила также и домоправительница, ее звали Беа Бьёрклунд. Беа была типичной норвежской крестьянкой. Она никогда в жизни не слышала об Артуре Сканнерсмане, зато прекрасно разбиралась в ловле макрели.

Беа имела самую заурядную внешность, отличалась спокойствием и склонностью к полноте. Свои светлые волосы она заплетала в косы и укла-

дывала в корону, напоминавшую декоративные колосья, которыми украшают каравай хлеба. У нее были хорошие здоровые зубы и голубые глаза. Беа обстирывала Сканнерсмана, готовила ему пищу и убирала в комнатах, а через два месяца уступила его просьбе, распустила косы и легла с ним в постель.

Беа настояла на том, чтобы они занялись любовью в миссионерской позе. Она быстро и спокойно достигла оргазма. Они стали жить строгой, размеренной и ничем не примечательной жизнью. Оксфорд никогда не всплывал в их разговорах. Сканнерсман ничего не делал. Иногда он отправлялся на прогулку, однако от дома сильно не удалялся, доходил лишь до старого каменного моста и тут же возвращался обратно. Он не принимал наркотиков и не пил, как раньше, хотя Беа иногда и уговаривала его вечером, перед тем как отправиться в постель, пропустить вместе с ней рюмку аквавита — норвежской картофельной водки.

Время от времени они отправлялись на ее стареньком «форде» к морю, где ловили макрель в водах глубокого и неспокойного Северного моря. Беа показала Артуру, как правильно забрасывать удочку. Вскоре и он научился ловить макрель,

однако с уловом домоправительницы сравняться так и не смог.

Он ничего не рисовал. В Дикстаде не было красок.

Когда наступило Рождество, Артур отправился в большой городской универмаг, расположенный рядом с домом, и купил Беа кружевное французское белье. Беа отправилась в тот же городской универмаг и купила Сканнерсману деревянную коробку с масляными красками и набором кистей.

Он с удивлением открыл ее.

— Почему ты решила купить мне это?

Беа улыбнулась, отчего на щеках ее появились симпатичные ямочки.

— Я подумала, что тебе, наверное, захочется заняться рисованием в свободное время. Как-то раз я видела по телевизору одного художника, и он был очень похож на тебя. Говорили, будто он очень известный.

— А что теперь о нем говорят?

— Может, и ты станешь таким же известным, как он, если, конечно, постараешься. Ты ведь научился ловить макрель. — Беа рассмеялась, обнажив в улыбке свои красивые зубы и здоровые десны.

Артур поцеловал ее и попросил примерить кружевное белье, он с удовольствием полюбуется обновкой.

На двенадцатый день Рождества он решил взяться за краски и кисть. В качестве натуры Артура особенно заинтересовал один угол довольно тесной гостиной его нынешнего дома. Там находилась полка с несколькими книгами, прислоненными к массивной керамической вазе, старое кресло фиолетовой расцветки с лежащей на нем красной подушечкой и маленькое окно, выходившее на крошечный огородик возле дома, где выращивалась в основном капуста. Артур неторопливо приступил к рисованию. Прикосновение кисти к холсту казалось ему непривычным, он отвык от этого занятия. Беа молча, без каких-либо комментариев наблюдала за его работой.

Не оборачиваясь, он через плечо спросил ее, повторив свой прежний вопрос:

— Что надоумило тебя купить мне краски?

Она улыбнулась и ответила:

— Соседи считают, что это грешно, когда люди живут вместе и не вступают в брак. Поэтому я сделала из тебя художника. С художником все можно. Чего ожидать от людей искусства? Такое у нас не осуждают.

Артур встал и поцеловал ее в сочные алые губы. Когда он закончил работу, — Беа отнеслась к его творению скептически.

— Красиво. Но не совсем похоже на настоящие вещи.

— А зачем рисовать так, чтобы получалось точное сходство с настоящими вещами?

На следующий день он нарисовал тот же угол комнаты. Беа восприняла картину с прежней долей скептицизма.

Сканнерсман удивился. Он раз за разом рисовал все тот же угол гостиной, но так и не смог всецело угодить ей.

Когда он завершил свой сотый по счету холст, Беа нежно поцеловала его, предположив, что Артур отказался от дальнейших попыток нарисовать комнату так, как надо.

— Тебе никогда не удастся…

Но Артур Сканнерсман почувствовал, что начинает входить во вкус.

3. Говорящие кубики

Война следовала за войной. Начато гражданской войны сопровождалось разрушительной жестокостью. Моя вторая родина лежала в руинах. Погибли многие сотни тысяч людей. Было

разрушено огромное количество красивых зданий, с землей сровняли даже жалкие лачуги бедняков. Целые города превратились в обломки камня и груды щебня. Люди лишились крыши над головой. Жить приходилось под навесами из пленки, а воду кипятить на костре, сложенном из дров, вернее, кучек хвороста. Люди умирали во сне, и причиной смерти были стресс, болезни или ранения.

Я вернулся в эти края в составе подразделения миротворческих сил в качестве официального представителя Оксфэма. Молодость моя осталась в прошлом. Страна, которую я когда-то любил и где был влюблен в одну женщину, сильно состарилась. Да и с чего бы ей молодеть? С чего бы местным жителям помолодеть рассудком? С чего бы Северу и Югу снова не начать жить в прежней гармонии? Вражеские мины по-прежнему таились в земле в ожидании жертв — крестьян или случайных прохожих, — которым они при их неосторожном прикосновении оторвут ноги. Вражеские машины все еще катили по пустым улицам разрушенных городов. Эти механические монстры оставались все такими же неумолимыми в своем запрограммированном зле и были готовы поразить лазерными лучами все, что дви-

жется с любого направления, будь то север или юг. Я предложил руководству свои услуги по их поиску и демонтажу.

Одним прекрасным октябрьским днем, в выходные, мне довелось принять участие в мультиэтнической мирной конференции, проходившей в бывшей столице. Превосходный международный отель, совершенно новый, был построен в районе города, практически не пострадавшем в ходе военных действий. В нем удалось создать нечто такое, что мы называем «нормальностью» в нашем, западном понимании нормы. Наше понимание включает в себя ванну, душ, пищу, вкушать которую мы садимся за стол. Пищу, за которую мы расплачиваемся пластиковыми кредитными карточками.

В первый же мой вечер в отеле я увидел в баре женщину, которая когда-то училась вместе со мной в университете. Позднее мы встретились с ней в столице одного иностранного государства. Это случилось еще до того, как раскол в моей стране вылился в гражданскую войну.

Женщину звали Сушла Клейн. В баре она находилась в обществе какого-то коренастого мужчины с бритой головой.

Я почувствовал, что сердце мое готово вырвать-

ся из груди, и замер на месте. Сушла сидела за столом, глядя на своего спутника. Тот стоял спиной ко мне, широко расправив мощные плечи. Стену позади них украшало панорамное изображение стоящих и летящих аистов на черном фоне. Мне в голову пришла мысль о том, как сильно все изменилось — не только обстоятельства, присущие некогда процветающей стране, не только мои личные жизненные обстоятельства, но также, вне всякого сомнения, и обстоятельства Сушлы. Какой бы суровой ни оказалась моя жизнь после того, как мы расстались, ее жизнь была по меньшей мере такой же суровой, жизнь женщины, которой самой судьбой была уготована размеренная спокойная жизнь ученого. Нечто неуловимое в облике спутника Сушлы подсказало мне, что особых вариантов выбора в ее судьбе не было.

Я так и стоял, не зная, что же делать — уйти или остаться. Одновременно и радость, и боль охватили меня при встрече со старой любовью.

Коренастый спутник Сушлы сел, по-прежнему оставаясь спиной ко мне. Когда она поднимала на него глаза, я видел ее лицо анфас и в меньшей степени в профиль.

Я отметил про себя, что Сушла заметно поста-

рела, как, впрочем, и я. Она была родом с Юга, тогда как я с Севера. Тем не менее мы получали огромное удовольствие от нашего любовного романа. То есть мы предавались любви до тех пор, пока необходимость держать нашу связь в тайне не разлучила нас. Это был странный, запутанный клубок страха, триумфа, восхищения и голой, животной похоти. Мы оба были горды тем, что каждый из нас выбрал себе возлюбленного из числа представителей враждебной расы. Но тогда был мир, своего рода мир, и надежда на будущее, своего рода надежда. Когда наши взгляды встретились, на меня волной нахлынули воспоминания о тех днях. Сушла извинилась перед своим спутником и с радостным видом направилась ко мне. Бритоголовый незнакомец пристально наблюдал за нами.

— Сушла, прошло столько лет…

— Разве это не вчера было?

Мы сели за столик в углу и стали медленно пить пиво. Мы вели себя совсем как чужие люди и с трудом подыскивали нужные слова.

— Хотя мы встретились совершенно случайно, — сказала Сушла, — как оказалось, я лучше подготовлена к встрече с тобой.

Я с удивлением смотрел на нее. В ее волосах

серебрились нити седых волос. Сушла достала из сумочки небольшой прозрачный кубик с ребром не более десяти сантиметров. Затем отодвинула пепельницу в сторону и поставила кубик на стол, прямо между нами. Глядя то прямо на меня, то на кубик, она сказала:

— У меня завтра свободный день. Я недавно бродила по старинным улицам древнего городского квартала. Я вспомнила, как мы гуляли там вместе с тобой. Я тогда очень любила этот город. Он мне казался полным энергии. Многое в нем исчезло безвозвратно. Затем он стал столицей вражеского государства, северной державы. Ты куда-то пропал. Как же все было по-другому в дни нашей учебы в университете, верно? Все было, разумеется, гораздо лучше.

— Намного лучше, чем теперь, Сушла. — Она положила на стол руку. Я накрыл ее своей рукой.

— Это кубик — когда-то они назывались голокубиками — я нашла в антикварном магазинчике на той улице, точнее, в первом от нее переулке налево. Я купила его, потому что какое-то время назад обнаружила точно такой в одном магазинчике там, на Юге. Просто для синхронности… Теперь у меня пара таких кубиков. Чудо, что в этом хаосе сохранились две одинаковые вещицы.

Обе в исправном состоянии. На следующей неделе я возьму их собой в Оксфорд.

— Ты возвращаешься в Оксфорд?

— Моя дочь работает в музее Эшмола, в издательском отделе. Ты, похоже, не знал, что у меня есть дочь. — Сушла улыбнулась, слегка прищурившись. — Не от тебя, разумеется. — Я почувствовал легкий укол ревности. — Второй кубик остался в моей комнате, тот самый, который я отыскала первым. Хочу, чтобы ты посмотрел, как они работают. Мы сможем там их включить. Я не имею в виду ничего такого, приглашая тебя в мою комнату. Слишком поздно для чего-то такого. Любовь иссякла в нас. По крайней мере во мне. В то же самое время я не могу забыть о том, что совсем недавно ты был моим врагом или, во всяком случае, одним из них. А также о зверствах, которые ваши творили с нами.

— Не мои. Моих у меня больше нет.

— Нет есть. Это видно по тебе. Англия. Оксфорд.

— Ах вот ты о чем! Нет, я занимаюсь минами. — Я объяснил ей род моих нынешних занятий. — Эти мины закладывались обеими сторонами. Хотя сейчас наступил мир, мины продолжают взрываться и калечить людей.

— Застарелая злоба, — печально улыбнулась Сушла. Она бросила взгляд на мужчину, с которым пришла в бар, наверное, ее мужа, и увидела, что он раздраженно затушил в пепельнице окурок и через стеклянную дверь вышел из отеля.

Я проводил Сушлу до ее номера. Я очень устал и был рад возможности поболтать с кем-нибудь и прежде всего с ней. На дверце стенного шкафа висел светлый мужской костюм. На прикроватном столике я заметил бритвенный прибор. Постельное белье на кровати лежало в полном беспорядке.

Сушла позвонила в комнату обслуживания и заказала кофе. Кофе без кофеина.

Я не подходил к ней близко. Я больше не хотел ее, хотел лишь нашего прошлого, нашего общего прошлого, когда наши постели постоянно пребывали в таком же беспорядке.

Я смутно помнил былое повальное увлечение голокубиками. Ими увлекались многие влюбленные. Стоило привести такой кубик в действие, как внутри возникало изображение головы, совсем как настоящее. Голова говорила, улыбалась, иногда плакала. Иллюзия достигалась просто: голографическое изображение наносилось на сжатый сердечник из германиевого сплава. При

пропускании через него электрического тока изображение оживало, приводя в действие крошечные динамики, расположенные в нижней части кубика. Если у другого человека был такой же голокубик, его можно было настроить таким образом, что в нем появлялись две головы, общающиеся друг с другом.

Сушла включила одну из таких вещиц. В кубике возникла голова женщины с волосами цвета воронова крыла, с короткой стрижкой. Алые губы, дерзкий вздернутый носик. Женщина оставалась неподвижной, как будто вмерзшей в кусок искусственного льда.

Когда включился второй кубик, я увидел голову молодого мужчины — скуластого, веселого и самоуверенного. Из-под клеенчатой кепки торчали пряди белокурых вьющихся волос. Эта голова также оставалась неподвижной.

Я узнал юного себя и юную Сушлу. Мне стало не по себе. Сушла придвинула кубики ближе, повернув обе головы лицом друг к другу.

Изображения заговорили.

Юная женщина поначалу немного запиналась, но затем с ее губ стали слетать нескончаемые признания в любви.

— …не могу выразить словами, как я люблю

тебя. В моем родном краю, возле моего дома журчит родничок со свежей чистой водой. Моя любовь к тебе подобна этому роднику — всегда чистая, всегда возрождающаяся заново. Я никогда не испытывала ни к кому таких чувств, какие испытываю к тебе. Любимый, я знаю, что всегда, всегда буду любить тебя и скучать без тебя.

Изображение мужчины приобрело более резкие очертания. Расслышать его слова оказалось легче, чем слова Сушлы.

— Настали трудные времена. Ситуация ухудшается с каждым днем. Наши политики, видимо, ослепли или сошли с ума. Прошлой ночью этот дом обстреляли. Хочу сказать тебе, что очень люблю тебя, но встретиться с тобой сейчас не имею никакой возможности. Хочу, чтобы ты знала, что я постоянно думаю о тебе.

Голос смолк. Женщина заговорила снова:

— Прошлой ночью я сжимала тебя в объятиях. Всю ночь я обнимала тебя. Как это было прекрасно! Ты же знаешь, что я всецело принадлежу тебе, я твоя, вся, без остатка. Я выпиваю всего тебя, как сухая земля выпивает капли летнего дождя. Всегда оставайся моим, любимый, и прими наилучшие мои пожелания. С днем рождения тебя!

Мужчина ласково улыбнулся. Говорил он по-ан-

глийски с идеальным оксфордским выговором:

— Клятвы, которыми мы обменялись два года назад, остаются в силе. Просто сейчас я никак не могу получить пропуск для поездки на Юг. Мне до смерти надоела сложившаяся в мире обстановка. Вообще-то я должен кое в чем признаться тебе. Я уезжаю из своей страны, которую неожиданно охватили бесконечные споры. Хочу отправиться за границу, пока не стало слишком поздно…

Снова заговорила женщина:

— Спасибо тебе, любимый, за то, что пообещал прийти завтра. Ты можешь остаться в комнате моей двоюродной сестры, пока она отсутствует. Дверь будет открыта. Я вся трепещу при мысли о скорой встрече с тобой. Приди скорее, любимый, на мое ложе, приди скорее в мои объятия. Завтра мы с тобой снова будем вместе.

— Ужасно, что все сложилось таким образом, — заговорил мужчина. — Разве мы когда-нибудь могли думать о таком? И все же между нами всегда существовала разница. Вы у себя на Юге всегда жили, скажем так, менее прогрессивно, чем мы на Севере. Тебе нужно было приехать к нам, когда я приглашал тебя. Я ни в чем не обвиняю тебя. Нужно было предвидеть, что разразится гражданская война. Так что прощай, любимая Сушла!

— Я буду ждать тебя, — произнесло изображение Сушлы. — Никакое облачко не сможет затуманить мою любовь к тебе. Клянусь тебе… не могу выразить словами, как я люблю тебя. В моем родном краю, возле моего дома журчит родничок со свежей чистой водой. Моя любовь к тебе подобна этому роднику — всегда чистая, всегда возрождающаяся заново. Я никогда…

Сушла отключила оба кубика.

— Они повторяют те же самые слова. Повторяют снова и снова уверения в своей любви.

Чувствуя, как слезы начинают щипать мне глаза, я через силу выдавил:

— Конечно, его голокубик был записан через несколько месяцев после того, как она записала свой. Когда начался весь этот кошмар…

Она спрятала лицо в ладонях.

— Мы знали, что эти двое на самом деле не разговаривают, эти наши призрачные подобия. Это так грустно…

Голос прервался рыданием.

— Сушла, я помню, как записывал этот кубик, — сказал я, исполненный вины и раскаяния. — Расставание далось мне так же мучительно больно, как и тебе…

Я обнял ее за плечо, но Сушла осторожно вы-

свободилась.

— Знаю, — призналась она, сердито взглянув на меня. В ее глазах стояли слезы.

— В том, что с нами случилось, нет ничего удивительного. Это в порядке вещей. — Я сжал ее руку и повторил: — В порядке вещей.

— Как же я ненавижу то, что в порядке вещей! — не то всхлипнула, не то усмехнулась она.

Когда я попытался поцеловать ее в губы, Сушла отвела голову в сторону. Я не оставил попытку, и тогда наши губы встретились, как бывало когда-то. Только на сей раз поцелуй стал не прелюдией, а финалом.

Я спустился вниз пешком — лифты в гостинице не работали, — думая о том, что война закончена. Так же, как и моя оставшаяся в прошлом юность. Я не стал ждать, когда принесут кофе. А Сушла осталась в своей комнате со старыми кубиками, старыми мирами, старыми эмоциями.

Steppenpferd[2]

С точки зрения космологии солнце представляло собой одинокое небесное тело, затерявшееся на краю своей галактики. Оно было супергигантом. Супергигант принадлежал к спектральному классу K5. С более близкого расстояния солнце казалось невзрачной, окутанной дымкой сферой, свечой, которая вот-вот погаснет, дымом, состоящим из бесчисленного множества частичек, неистово танцующих в вихрях магнитной бури.

Несмотря на свой размер, солнце было холодным, с температурой около 3600 градусов по Кельвину. Тем не менее, являясь супергигантом, оно лелеяло тщетные супергигантские мечты относительно зависимых от него созданий. По всему периметру солнца, протянувшись вдоль плоскости эклиптики, вращались многочисленные сферы искусственного происхождения. В каждой из этих сфер, словно в клетке, находилась своя солнечная система.

Особи, которые принесли эти сферы из немыслимо далеких краев, называли себя Пентиване-

---

[2] Примечания: 2
Степной конь (нем.).

шении. В глубокой древности слово это означало «те, что когда-то паслись в поле». Когда Пентиванешении уничтожили собственные планеты, они отправились в странствия в глубь бескрайних просторов космоса, возвращаясь к родной звезде лишь для того, чтобы оставить на ее орбите свои находки.

Отец Эрик Предьин вышел из спальни и шагнул навстречу рассвету. Скоро зазвенит монастырский колокол и двенадцать его монахов вместе с многочисленными послушниками, проснувшись, отправятся в церковь на первую молитву. Но до этого момента маленький мирок острова принадлежит только ему. Или, вернее, Богу.

Отец Предьин зябко поежился от влажного и холодного воздуха. Ему нравилась свежесть раннего утра. Он медленно обошел штабель оструганных бревен, предназначенных для строительства новой церковной крыши, миновал кучу пронумерованных камней, необходимых для возведения перестраиваемого алтарного выступа, называемого апсидой. Святой отец в который раз посмотрел на старое церковное здание, духовную жизнь которого он с божьей помощью и собственной волей восстанавливал.

Монастырь по-прежнему находился в пла-

чевном состоянии. Камни, лежавшие в его фундаменте, были заложены еще в одиннадцатом веке, во времена Олафа Мирного. Большую часть сооружения построили позднее, когда на острове стали высаживаться убегавшие с материка славянские племена вендов.

Больше всего отец Предьин восхищался южным фасадом храма. К сводчатому входу примыкала тупиковая аркада со ступенчатыми лепными колоннами. Эта часть церкви больше других подверглась разрушительному воздействию непогоды, но все же умудрилась уцелеть.

— Предстаньте себе, — рассказывал отец Предьин так называемым туристам, — как первые монахи монастыря пытались высечь здесь в камне лик божий. Он велик, готов принять всех, кто приходит к нему, но иногда не видит наших несчастий. А теперь Всемогущий, по всей видимости, обветшал под действием изменчивой земной погоды.

Туристы, услышав его последние слова, начинали беспокойно переминаться с ноги на ногу. Некоторые устремляли взгляд к небесам, где была видна движущаяся металлическая сфера.

Нынешним утром святой отец испытывал большую радость, чем обычно. Он не пытался найти

объяснение этому состоянию. Счастье было своего рода побочным продуктом, чем-то таким, что случается в любой размеренной и упорядоченной жизни. Причиной тому, конечно же, была осень, а отец Предьин всегда любил это время года. Есть что-то такое в осени, когда дни становятся короче и начинают опадать листья, когда еще не дуют холодные северные ветра. Более четким становится осознание великого духа, наполняющего мир природы.

Где-то прокукарекал петух, возвещая наступление утра и радуясь его свежести и очарованию.

Святой отец повернулся спиной к выкрашенному коричневой краской строению и зашагал к берегу по мощенной булыжником дорожке. Затем направился к самой кромке воды. Место встречи двух природных стихий — суши и воды — было отмечено россыпью камней и мелкой прибрежной гальки. Обломки камней принес к береговой линии озера отступавший в море ледник. Мощные пласты льда отполировали гальку так, что она блестела в свете наступавшего утра, даруя взору любого, кто пожелал бы на пес посмотреть, удивительное разнообразие оттенков и форм. В не меньшей степени, чем монастырь, эти гладкие камешки для верующих были сви-

детельством Направляющей Длани Господней. Направляющей Длани Господней, которая тем не менее допустила, чтобы ее перенесли на расстояние сотен тысяч световых лет… Святой отец заметил на каменистом берегу блеснувшую серебром чешуи мертвую рыбину. Наплывавшие на берег озера волны создавали иллюзию ее движения. Даже лишенная жизни, она оставалась красивой.

Святой отец размеренным шагом приблизился к небольшой пристани. Старый деревянный пирс на несколько метров уходил в озеро Маннсё, отражаясь в темной воде. К этому пирсу причалит лодка с рабочими, а чуть позже прибудет группа галактических туристов. На другом берегу, на расстоянии не более километра, располагался материк с небольшим городком Маннсё, из которого и приплывают на остров люди. Облако загрязненного воздуха серым клином повисло над городом, врезаясь в черное перевернутое изображение гор.

Святой отец принялся разглядывать горы и крыши домов. Как искусно они имитировали то, чем были когда-то на самом деле. Предьин перекрестился. Ладно, сохранился хотя бы этот островок, причем по совершенно непонятной

причине. Возможно, когда-нибудь все-таки настанет день, когда все вернется на круги своя, молитвенно пожелал он.

На берегу у самой воды валялись пустые бочки из-под бензина и остатки брошенного военного снаряжения. Всего лишь пять лет назад военные еще использовали остров в своих целях. Отец Предьин убрал большую часть следов пребывания военных: надписи на церкви, дыры от пуль в стенах, сломанные деревья. Он не торопился отдавать приказания убрать эти следы с острова. Что-то подсказывало ему, что старый ржавый бронетранспортер должен оставаться там, где и стоит, — наполовину затопленный, в воде близ берега. Сейчас, после того как машина утратила свои прежние функции и качества, она уже не смотрелась инородным телом на фоне безмятежной природы. Кроме того, нет ничего плохого в том, что напоминает и монастырской братии, и гостям острова о былых безумствах человечества, а также о нынешней изменчивой сути окружающего мира. Мира и, добавил он про себя, всей Солнечной системы. Ныне заключенной в исполинской сфере и перенесенной… куда она была перенесена, святой отец не знал.

Куда-то далеко за пределы галактики. Но за

пределы ли того пространства, которое подвластно Богу?

Отец Предьин глубоко дышал, наслаждаясь неумолчным плеском волн, разбивающихся о берег. Он мог посмотреть на запад от своего маленького островка — своего и Господа — в том направлении, где когда-то были Норвегия и далекая железная дорога. Он мог посмотреть на восток, на горы, когда-то бывшие горами Швеции. Озеро Маннсё располагалось по ту сторону границы, разделявшей две страны. Воображаемая линия границы, прочерченная главами государств, курсировавшими между правительственными кабинетами Осло и Стокгольма, разрезала остров и прошла через древний монастырь. Именно тогда и началась долгая оккупация острова, когда противоборствующим сторонам никак не удавалось разрешить территориальные споры и два скандинавских государства зашли в тупик.

Почему началась их вражда? Почему они не представили себе… нечто… нечто немыслимое?

Отец Предьин хорошо знал серебристые березы, росшие на берегу среди камней, и прекрасно отличал одно дерево от другого. Как же было забавно эту березку считать шведской, а вон ту — норвежской. Он прикоснулся к их нежным

стволам и зашагал дальше. Прикосновение к влажной бересте, на ощупь похожей на бумагу, было приятным. Сейчас, после того как военные ушли с острова, единственными незваными гостями Маннсё были туристы. Отец Предьин был вынужден притворяться, делая вид, что рад им, стараясь способствовать их дальнейшим посещениям. Туристов привозили на небольшом катере, который отплывал из Маннсё каждое летнее утро, семь дней в неделю. На острове им разрешалось пробыть лишь пару часов. В течение этого времени туристы имели полную свободу передвижения и могли бродить по острову или напускать на себя набожный вид и притворяться, будто молятся. Монастырские послушники продавали им еду, напитки и сувенирные распятия, получая за это небольшие деньги, которые шли в фонд восстановления церкви.

Святой отец наблюдал затем, как с противоположного берега плыл катер, и гротескные существа, похожие на лошадей, медленно принимали привычные человеческие очертания.

Календарный август подходил к концу. Скоро туристы перестанут прибывать на остров. Маннсё располагался лишь в пяти градусах южнее широты Северного полярного круга. Долгой тем-

ной зимой никто не осмеливался приезжать на остров. Туристы имитировали все, что когда-то существовало раньше, включая и различные формы поведения.

— Я не стану по ним скучать, — еле слышно произнес отец Предьин. — Мы будем работать и зимой, как будто ничего не случилось.

Однако он признался себе в том, что все-таки будет скучать по женщинам. Хотя отец Предьин много лет назад принял обет безбрачия, Господь все же разрешал ему наслаждаться внешним видом молодых женщин — их длинными волосами, их телами, длинными ногами, звучанием их голосов. Никто из членов ордена — даже симпатичный юный послушник по имени Санкал — внешне не мог сравниться с женщинами, с присущими только им удивительными качествами. Качествами, сравнимыми с повадками грациозных антилоп. Но это, конечно же, была иллюзия, в реальности вместо обманчивой пары красивых женских ног у них имелось по семь черных неуклюжих конечностей.

Эти существа проникли в его сознание. Святой отец знал это. Иногда он ощущал их присутствие там, подобно тому, как осознавал присутствие мышей за деревянной обшивкой стен своей

кельи.

Отец Предьин обратил взгляд на восток и закрыл глаза, наслаждаясь светом набирающего силу дня. Лицо у него было худощавое и загорелое. Лицо серьезного мужчины, склонного к шуткам и смеху. У святого отца были серо-голубые глаза, и внимательный взгляд, которым он смотрел на своих собратьев, был вопрошающим, но дружелюбным; возможно, в большей степени вопрошающим, нежели открытым, подобно книгам на полках в библиотеке, чьи корешки обещают многое. Те, с кем отец Предьин вел переговоры о покупке острова, утверждали, что он никому не доверяет, возможно, даже и своему Богу.

Его черные волосы, пока еще лишь слегка тронутые сединой, были подстрижены под горшок, лицо чисто выбрито. Линия рта доброжелательна, но тверда. Весь внешний облик святого отца выражал решительность. Сам того не осознавая, Эрик Предьин обладал приятной внешностью, которая во многом облегчала ему жизнь, позволяя демонстрировать эту самую решимость гораздо реже, чем того могли бы требовать обстоятельства.

Он подумал о лице женщины, которую когда-то знал, и задал себе вопрос: почему мужчины

несчастнее женщин? Разве мужчин и женщин на Земле создали не для того, чтобы они приносили друг другу счастье? Неужели это вызвано тем, что человечество по некоей неведомой, но трагичной причине не сумело отбить нападение жутких тварей, которые заполонили собой землю, уничтожая то, что некогда считалось неизменным?

Или же мир настолько наполнился грехом, что потребовалось его уничтожить? Теперь же те, кто уединился на острове Маннсё, будут и дальше воздавать Ему свои хвалы и почтение. Пытаться, пребывая в своем хрупком, тленном облике, почитать Его. Пытаться спасти мир, снова сделать его таким, каким он был раньше, и снова обрести счастье, искоренив грех.

Под подошвами сандалий захрустели камни. Зябко обхватив себя руками, святой отец свернул в сторону от воды и зашагал подругой тропинке, огибавшей по спирали гигантский обломок скалы. Здесь, в скрытой от взгляда лощине, кудахтали куры. Тут же был разбит огород, в котором монахи выращивали овощи, главным образом картофель и зелень, и держали пчел. Всего этого едва хватало, чтобы прокормить монастырскую братию, но Всемогущий одобряет умеренность. Когда святой отец проходил мимо грядок, бро-

сив на них опытный, знающий взгляд, зазвонил монастырский колокол. Не ускоряя шага, отец Предьин прошел под ветвями яблонь и направился дальше, к недавно восстановленной церкви.

Он сцепил пальцы и произнес на ходу:

— Благодарю тебя, Господь, за новый прекрасный день, один из череды дней, которые мы сможем прожить. Защити нас от Пентиванашениев. Благослови моих работников, дабы и они могли вкусить радость Твою.

За утренней молитвой последовал завтрак. Хлеб, испеченный в монастыре, пойманная в озере рыба, родниковая вода. Скромно, но достаточно, чтобы утолить голод.

В одиннадцатом часу утра отец Предьин с двумя монахами отправился к причалу встретить катер с работниками, прибывающий из Маннсё.

Работники набирались из числа добровольцев. Это были не только скандинавы, но и мужчины, в основном молодые, из разных уголков Европы. Был в их числе и один японец, который туристом приехал на Маннсё два года назад, да так и остался в этих местах. В ожидании пострига он жил в Маннсё, в доме женщины-инвалида.

О, у каждого из была своя история, им было что рассказать! Но святой отец видел их из окна

— когда туристы думали, что за ними никто не наблюдает, они снова обратились в неуклюжие фигуры с непомерно длинными семипалыми руками и серой кожей.

Это был секрет отца Предьина: поскольку он знал, что эти существа в отличие от людей асимметричны, он понимал, что Бог отвратил от них свой лик. В результате они стали олицетворением зла.

Монахи поприветствовали мнимых работников и благословили их. Затем прибывшим сообщили о том, какие задачи им предстоит выполнить в течение дня. Особой необходимости в подробных указаниях не было. Штукатуры, плотники и каменщики продолжили уже начатое дело.

Смею ли я позволить этим инопланетным, богопротивным созданиям участвовать в возведении храма Божьего? Не проклянет ли он всех нас за то, что мы допустили такую ошибку?

Работа по восстановлению церкви теперь велась в непривычно ускоренном темпе — зима уже была не за горами. Над барабаном главного свода церкви возводилась почти плоская черепичная крыша, которая станет на пути разрушительного действия природных стихий. Денег на покупку

меди, которой предполагалось покрыть купол, пока не было. Предполагалось, что они начнут поступать спустя какое-то время.

Когда святой отец убедился в том, что дело нашлось для каждого, он вернулся к главному зданию и поднялся по винтовой лестнице в свою келью, располагавшуюся на третьем этаже.

Это была узкая комнатка, свет в которую проникал через два круглых окна. Обстановка более чем скромная — источенный жучками письменный стол и пара шатких, колченогих стульев. На беленной известкой стене над столом — распятие.

К отцу Предьину зашел один из послушников, чтобы обсудить вопрос отопления монастыря зимой. Вопрос, как водится, остался нерешенным.

Следом за ним в келью вошел Санкал, который, должно быть, ждал за дверью.

Святой отец жестом предложил ему сесть, однако юноша предпочел оставаться на ногах.

Санкал стоял, ломая по привычке руки, застенчивый; как обычно. У него был такой вид, будто ему нужно сказать что-то важное, но не знает, с чего начать.

— Ты хочешь уйти из монастыря? — спросил отец Предьин и улыбнулся, чтобы показать, что шутит и просто предлагает собеседнику возмож-

ность ответить.

Джулиус Санкал был бледным красивым юношей с пушком на верхней губе и щеках. Подобно многим другим послушникам, жившим на Маннсё, он получил здесь прибежище с согласия святого отца, поскольку остальная часть земного шара продолжала стремительно исчезать.

В те дни Эрик Предьин, стоя возле церкви, смотрел на ночное небо и наблюдал за тем, как звезды одна за другой исчезают внутри огромной сферы. Точно так же исчезал и остальной окружающий мир, исчезал постепенно, часть за частью, заменяясь дешевой имитацией, возможно, не обладавшей массой — видимо, это значительно облегчало транспортировку. О подобном можно было лишь строить догадки, ощущая собственное невежество и страх перед незнаемым.

Санкал пришел в Маннсё по снегу. Затем украл лодку, переправился на ней на остров и отдался на милость обитателям разрушенного монастыря. Его нынешние обязанности состояли в том, что он выпекал хлеб для монастырской братии.

— Наверное, мне нужно уйти, — произнес юноша, опустив глаза. Отец Предьин, положив руки на столешницу стола, ждал, что Санкал скажет дальше. — Понимаете… я не могу этого

объяснить. Я приблизился к неправильной вере, святой отец. Я много молился, но все равно обретаю неправильную веру.

— Ты понимаешь, Джулиус, что здесь тебе разрешено выбрать любую из многочисленных форм религиозной веры. Первое и самое главное — верить в Бога до тех пор, пока ты не узришь истинного Господа. Таким образом мы проливаем крошечный лучик света на мир уже полностью потерянный и погрузившийся во тьму. Если ты уйдешь, то попадешь в проклятый иллюзорный мир.

Откуда-то сверху донесся стук молотков. На крышу апсиды поднимали новые стропила. Ответ Санкала, прозвучавший тихо, но твердо, почти утонул в грохоте.

— Святой отец, вы знаете, что я застенчив. Однако я уже достиг зрелости. Меня постоянно преследует низменные мысли. Сейчас эти мысли стремительным водным потоком уносят меня к неправильной вере. — Юноша печально опустил голову.

Отец Предьин встал, оказавшись гораздо выше юного послушника. Выражение его лица было строгим.

— Послушай, сын мой, тебе нечего стыдиться.

Наша жизнь полна такого же грохота, который сейчас доносится до нас сверху. Это звуки огромного материального мира, врывающегося в наше сознание. Не нужно обращать на него внимания. Неправильная вера непременно сделает тебя несчастным.

— Отец, я питаю уважение к вашему богословию. Но, возможно, неправильная вера вполне хороша для меня. Нет, я хотел сказать… Мне трудно выразить словами. Прийти к чистой вере — это ведь хорошо, верно? Даже если эта вера неправильная. Тогда она, возможно, вовсе и не является неправильной. Она просто хорошая.

Отец Предьин с тщательно скрываемым нетерпением ответил:

— Я не понимаю твоих доводов, Джулиус. Разве мы удаляем неправильную веру из нашего сознания, как гнилой зуб?

Санкал дерзко посмотрел на своего духовного наставника, чьи руки сжались в кулаки так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Моя вера заключается в том, что я не считаю наш остров творением Божьим. Это имитация, иллюзия, созданная ужасным соперником Господа нашего.

— Но ведь это не что иное, как обычное неве-

рие.

На что тут же последовал дерзкий ответ:

— Нет-нет! Я верю в то, что Злые сотворили мир, в котором мы живем. Наше добро само по себе является иллюзией. Я имею прямые доказательства этого.

Прежде чем ответить, отец Предьин глубоко задумался.

— Давай на мгновение предположим, что мы живем на острове, созданном этими ужасными тварями, которые теперь владеют всей Солнечной системой. Следовательно, все это — иллюзия. Однако добро вовсе не иллюзорно. Добро во всех его проявлениях никогда не бывает иллюзией. Вот зло — иллюзия… — Произнося эти слова, святой отец представил себе, что видит нечто потаенное и недоброе в глазах стоящего перед ним юноши. Он смерил Санкала внимательным взглядом и лишь тогда задал ему вопрос: — Ты пришел к этому выводу неожиданно?

— Да… нет. Я понял, что всегда испытывал подобные чувства. Просто не осознавал этого. Я никогда не задумывался над тем, что говорю. Лишь когда я оказался здесь, то бы, святой отец, пожалуй, дали мне время для раздумий. Я понимаю, что мир — зло, и с каждой минутой он все

больше переполняется скверной. Потому что им правит дьявол. В моей семье всегда говорили о дьяволе. Теперь он пришел в наш мир в лошадином обличье, чтобы победить нас.

— О каком доказательстве ты только что упомянул?

Санкал вздрогнул и сердито посмотрел на святого отца.

— Он во мне. В шрамах на моем разуме и моем теле. Давно, еще с раннего детства. Дьяволу даже не нужно стучать в дверь, чтобы войти. Он уже вошел.

Немного помолчав, отец Предьин снова сел и перекрестился.

— Ты, должно быть, очень несчастен, если веришь в такое. Это не вера в том смысле, в каком мы понимаем ее. Это болезнь. Сядь, Джулиус, и расскажи мне что-нибудь. Потому что если ты серьезно веришь в то, что говоришь, тогда тебе действительно следует покинуть нас. Тогда твоим домом станет мир иллюзий.

— Я знаю. — Хотя вид у юноши оставался по-прежнему дерзкий, он все-таки сел на шаткий стул. На крыше продолжали стучать.

— Я недавно обсуждал вопрос о том, как нам обогреваться этой зимой, — доверительно сооб-

щил своему собеседнику святой отец. — Когда я впервые попал на остров вместе с еще двумя людьми, нам чудом удалось пережить долгую холодную зиму. Здание тогда находилось в ужасном состоянии. Крыша была наполовину разрушена. Не было электричества. Да мы бы и не могли позволить себе такую роскошь, имейся оно у нас тогда. Мы отапливали помещение дровами — рубили топором поваленные деревья. В те дни на Маннсё деревьев было гораздо больше, чем сейчас. Мы ютились в двух комнатах на первом этаже. Питались исключительно рыбой. Иногда добрые люди из Маннсё переходили озеро по льду и приносили нам теплую одежду, хлеб и аквавит. В остальных случаях мы молились, работали и постились.

И все-таки это были счастливые дни. С нами был Господь. Он одобряет скромность.

Год шел за годом, и мы начали постепенно обустраиваться. Прежде всего мы научились изготавливать свечи. Затем настал черед масляных ламп и масляных печек. Теперь мы снова подсоединены к электростанции в Маннсё. Свет у нас пока есть. Но сейчас нужно готовиться к долгой темной зиме, зиме Неверия.

— Я не понимаю, на что вы надеетесь, — ото-

звался Санкал. — Маленькая часть прошлого затерялась где-то за пределами галактики, где о Боге, о вашем Боге ничего не слышали.

— Они слышат о нем здесь и сейчас, — ответил священник ровным решительным голосом. — Так называемые туристы слышали о нем. Так называемые рабочие трудятся во благо нашего Бога. До тех пор, пока зло не проникло в нас, мы творим дело Божье, в каком бы краю вселенной мы ни оказались.

Санкал пожал плечами:

— Дьявол может прийти к вам, потому что он владеет всем — всеми вещами, которые имеются в созданном им мире.

— Ты заболеешь, если будешь верить в это. Таких же верований придерживались когда-то катары и богомилы. Теперь их не стало. Я пытаюсь донести до твоего понимания мысль о том, что очень легко ошибиться в отношении опасности, в которой мы находимся, это более чем смертельная опасность. Дьявола не существует. Есть просто отступничество от Бога, которое в духовном отношении чрезвычайно болезненно. Ты просто тоскуешь о Божественном покое.

Сандал исподлобья посмотрел на Предьина. Во взгляде его таилась злобная ненависть.

— Конечно, тоскую! Потому-то и хочу уйти.

Стук молотков неожиданно прекратился. Затем послышались шаги рабочих по крыше, прямо над головой у святого отца и Джулиуса.

Отец Предьин откашлялся, прочищая горло.

— Джулиус, зло существует в людях, во всех нас, это верно…

— И в дьяволах-лошадях, которые сделали все это с нашим миром! — выкрикнул юноша, прерывая наставника.

Священник вздрогнул, но тем не менее продолжил:

— Мы должны расценивать случившееся как часть божественной стратегии свободы воли. Мы по-прежнему можем делать выбор между добром и злом. Нам дарована жизнь, и какой бы тяжелой она ни была, она все равно оставляет нам право выбора. Если ты уйдешь от нас, то уже никогда не вернешься.

Священник и юный послушник смотрели друг на друга, находясь по обе стороны от источенного жучками ветхого стола. Снаружи над восточными горами взошло солнце.

— Я хочу, Джулиус, чтобы ты остался и помог нам в нашей борьбе, — проговорил святой отец. — Ради твоего же блага. Нового пекаря най-

ти нетрудно. Новая человеческая душа — совсем другое дело.

Лицо Санкала снова приняло насмешливое выражение.

— Неужели вы боитесь, что мое потаенное неверие распространится и среди других монахов?

— Боюсь, — признался отец Предьин. — Боюсь, потому что проказа заразна.

Когда юноша вышел из кельи, еще до того, как его шаги затихли на ступеньках деревянной винтовой лестницы, отец Предьин приподнял нижний край сутаны, опустился на колени и сложил руки в молитвенном жесте. Затем склонил голову.

Вокруг стояла тишина, рабочие давно перестали стучать молотками. Залетевшая в келью бабочка налетала на оконное стекло, билась об него, силясь понять, что же удерживает ее от желанной свободы.

Святой отец повторял слова молитвенной мантры до тех пор, пока не успокоился и не почувствовал, что его сознание снова вернулось в глубины великого разума. Его губы перестали дрожать. Постепенно перед ним возникли подергивающиеся строки трехмерного санскритского текста. Письмена эти вызывали ощущение

некоего благословения, как будто их содержание являло собой добрую волю. Они были посланием, сообщавшим о том, что жизнь — одновременно дар и обязанность, и содержали более глубокий, потаенный смысл, который навсегда останется недоступным для понимания.

Письмена были золотистого цвета, они часто сжимались и приобретали более сложную форму и не менее часто становились неразличимыми на песчаном фоне.

Когда деятельность мозга находится в состоянии сна, разум никак не может сосредоточиться на каком-либо толковании. В равной степени невозможно прийти к какому-нибудь окончательному суждению. Сложные запутанные изменения, происходящие постоянно, делали подобные попытки несостоятельными. Это было вызвано тем, что письмена наползали друг на друга и скручивались в клубок подобно змеям, образовывали некое подобие тугры на пергаменте нервной пустоты. Выступающие элементы букв вздымались вверх, создавая полосы, на которых хвосты виляли во все стороны, создавая внутри себя разноцветные ответвления похожих на заросли пурпурных ветвей.

Изображения продолжали усложняться. Цвета

делались все ярче и ярче. Огромные кольца создавали изощренной сложности шоссе из букв и заполнялись двумя контрастными орнаментами, в которые складывались спиральные свитки — лазурно-голубой и ярко-красный. Процесс переплетения методично распространялся во всех направлениях, значительно увеличиваясь в размерах.

Теперь изображение, которое, казалось, будет расти бесконечно, заполняя собой окружающее пространство, либо уменьшалось, либо сжималось, превращаясь в музыкальный шум. Этот шум сделался более беспорядочным, напоминая скорее удары птичьих крыльев о стекло. Когда письмена исчезли совсем, сознание превратилось в медленно приближающийся прилив, а удары крыльев приняли какое-то зловещее звучание.

Скоро, невыносимо скоро, нарушая настроение трансцендентного спокойствия, хлопанье крыльев превратилось в грохот загадочного происхождения. Это был цокот копыт — как будто огромное животное пыталось неуклюже вскарабкаться по крутым ступеням лестницы. Оно время от времени спотыкалось, но упрямо, по-звериному двигалось к цели.

Отец Предьин пришел в себя. Прошло немало времени. В лишенном зрачка глазе круглого окна небо затянулось облаком. На подоконнике лежала обессилевшая от напрасных стараний бабочка. Однако инфернальный шум не смолкал. Казалось, будто невидимый жеребенок пытается подняться по деревянной винтовой лестнице в келью святого отца.

Предьин встал.

— Санкал?! — позвал он шепотом.

Затем бросился к двери и спиной прижался к ней, оскалив зубы. По его лбу стекали ручейки пота.

— Спаси меня, отец небесный! Спаси меня, черт тебя побери! Я — все, что у тебя есть!

Но огромный зверь все же явился перед ним, поддерживаемый всей мощью Пентиванашениев.

Когнитивная способность и электрическая лампочка

Прибытие космического корабля «Завоеватель» в аркопианское космическое пространство — типичный пример иронии судьбы. Однако это происшествие дает нам возможность взглянуть с высоты дней нынешних на наших далеких предков и хотя бы что-то понять в их воинственном, созданном на скорую руку обществе.

После того как помещения «Завоевателя» очистили от мертвых тел, которые были переданы в наши музеи, механики получили распоряжение изучить корабль для занесения в филогенетические архивы.

Корабль был оснащен старомодными квантовыми компьютерами. «Завоеватель» покинул Солнечную систему в конце 2095 года. На его борту размещался груз — десять тысяч человеческих эмбрионов, находившихся в криогенной заморозке, несколько миллионов подобным же образом замороженных зародышей земных животных плюс огромное количество образцов различных растений. Присутствовал также и экипаж в коли-

честве двадцати человек — жизнедеятельность их обеспечивали антитанатические препараты.

Технологи сконструировали корабль таким образом, что он мог развивать скорость, достигавшую двенадцати процентов от скорости света. Согласно их расчетам, «Завоеватель» должен был достигнуть аркопианской системы (где лишь на двух планетах развивалась углеродная жизнь) через сто девяносто шесть лет. Источником энергии был двигатель, работающий на основе ядерного синтеза.

В те далекие, достаточно примитивные времена основное внимание уделялось хардверу. Причиной же катастрофы, случившейся с «Завоевателем», оказались бактерии, лишившие жизни не только экипаж, но и зародышей.

Радиотелескопические исследования позволили сделать заключение о том, что вокруг главного солнца Аркопии вращается не менее пятнадцати планет. По меньшей мере на пяти из них имелись подходящие природные условия. В эпоху Второго Возрождения, происходившего в третьем десятилетии двадцать второго века, духовный орден Божьих Изгнанников изобрел ионный двигатель и оснастил им второй космический корабль, получивший название «Пилигрим». В 2151 году

«Пилигрим» был запущен в космос с орбиты Плутона. Он нес на своем борту зародыши новых видов животных, плодов и человеческих особей. Все путешествие контролировалось кванторами — Божьи Изгнанники не пожелали в отличие от тех, кто готовил полет «Завоевателя», навязывать людям долгие годы насильственного сна.

Путешествие длилось сто тридцать восемь лет. Цели назначения корабль достиг в 2289 году, за два года до того, когда в нашу систему прибыл «Завоеватель», стартовавший пятьюдесятью шестью годами раньше. Всё без исключения претерпевает изменения, а живые существа претерпевают изменения эволюционные, оставляя следы своего движения во времени. Изучение эволюции человеческого сознания практически не рассматривалось как отдельная научная дисциплина до тех пор, пока космический полет не ускорил концептуальные процессы. Необходимость понимания и сосуществования с совершенно новой окружающей средой стала причиной стремительного ускорения человеческой ментальности. Подобное ускорение было отмечено в Европе примерно четыре тысячи лет назад. Тогда изменения в природе вызвали экспансию в метафорах искусства и скульптуры — все они представляли собой

подъем к вершинам когнитивной способности.

Иными словами, своим появлением искусство и наука обязаны соединению ранее обособленных друг от друга способностей, которые сочетаются для того, чтобы создать более крупное целое. Другой хорошо известный пример такого квантального происшествия — Первое Возрождение, время великих прорывов в искусстве, науке, войне и политическом управлении.

Философ двадцать первого века Олмонд Кунцель использовал аналогию между человеческим сознанием и электрической лампочкой. Раннее сознание можно сравнить с лампочкой в сорок ватт — тусклой, достаточной лишь для того, чтобы освещать комнату, но не позволяющей хорошо рассмотреть все, что в ней находится. Эпоха Возрождения отмечена сдвигом в яркости, достигающей уже шестидесяти ватт. Очень многое можно было разглядеть, хотя освещенность увеличилась не слишком сильно.

С наступлением двадцатого века, часто именуемого Варварским веком по причине многочисленных войн и угрозы геноцида, мощность лампочки усилилась до ста ватт. Несмотря на свою жестокость, человечество впервые развивает форму дистанционного сознания (сегодня она известна

под названием «ремвер»), предназначенную для исследования всех видов окружающей среды.

К числу таких разновидностей окружающей среды относились, конечно же, Солнечная система, пределами которой были ограничены наши далекие предки, а также человеческий мозг. В конце Варварского века мозг удалось почти полностью скопировать. С возникновением возможности генетически моделировать функции мозга многие несоответствия, ранее вызванные строением организма, были устранены. В результате возникло более ясное мышление. Войн удалось избежать.

Теперь, по определению Кунцеля, мы достигли стадии, равной лампочке в тысячу ватт. Наше потомство появляется на свет, обладая пониманием фракталов.

Это грандиозное усиление когнитивных способностей привело к новому восприятию вселенной как серии смежных пространств и к созданию землянами в 2162 году фотонного привода. Флотилия кораблей, запущенных в 2200 году, прибыла сюда, в планетарную систему Аркопия, менее чем через год.

Таким образом, наша цивилизация значительно упрочилась после прибытия старых кораблей

2095 и 2151 годов, своего рода раритетов давних времен.

Они стали на якорь на орбитах далеко от планеты, на которой человечество зародилось задолго до того, как в его жизни появилась электрическая лампочка, осветившая нам путь. Отчеты об этих старых космических посудинах свидетельствуют о том, что человечество, к несчастью, когда-то отличалось меньшим порядком, меньшим счастьем и меньшими свершениями, чем сейчас.

Мрачное общество

…и хотя он покинул мир сей не так давно, с каждым часом ныне прибавляется мощь этого мрачного общества; однако, памятуя о постоянной смертности рода человеческого, вам не дано постичь того, что тысяча жизней прекращается на Земле всего за один час.

Сэр Томас Браун, 1690 г.

Миллионы людей, мертвых и равнодушных. Шагающих по мрачным улицам, пытающихся произнести вслух, исторгнуть из себя те невзгоды, которые отравляли предыдущий период их существования. Пытающиеся произнести то, для чего нет слов в языке. Вернуть то, что у них когда-то было…

Низкорослый военный оператор компьютера в Олдершоте сбросил в Интернет малозначительное юридическое решение, адресуясь далекому военному посту вражеского государства. Подобно спорам нитевидного грибка, что незримо разрастается под землей, превращаясь в массу как будто наделенных разумом, разветвляющихся во

все стороны нитей, всемирная информационная паутина так же незримо оплела весь земной шар в бездумном желании обрести дополнительную поддержку, вовлекая в свою жизнь даже ничтожных людей вроде армейского компьютерщика и при этом новой своей технологией пробуждая к жизни древние хтонические силы. Технологией, которая в слепом полуавтоматическом стремлении к господству угрожала питательному субстрату этих сил, таящемуся в глубинах планетарных просторов человеческого сознания. Маленький оператор компьютера, расписавшийся в журнале в конце смены, сверился с часами и отправился в ближайший паб. Скрытые же силы перешли в состоянии готовности, а затем начали заново устраиваться в неастрономической вселенной.

На время военных действий батальон разместили в старом загородном поместье. Нижние чины поселились в землянках, выкопанных внутри укрепленного периметра. Офицеров определили на постой в более приличном и комфортабельном месте — в старом, обветшавшем особняке.

Год за годом военные разрушали этот особняк, сбивая со стен обшивку, которая шла на дрова, используя библиотеку в качестве тира, находя

всему остальному в доме самое неподходящее применение.

Полковник уменьшил звук и повернулся к адъютанту.

— Вы все слышали, Джулиан? Дивизионную сводку из Олдершота? Приговор трибунала уже готов. Капрала Клита признали психически больным, неспособным даже предстать перед судом.

— Его увольняют?

— Именно. Чтобы избежать излишней шумихи. Подготовьте на него документы.

Адъютант направился к дверям и вызвал караульного сержанта.

Полковник приблизился к камину, в котором пылал огонь, и стал греть спину. Он посмотрел в окно. Утренняя дымка сокращала видимость до расстояния двухсот ярдов. На дворе за окном все выглядело достаточно мирно. Группа солдат, занятых хозяйственными работами, укрепляла оборонительные заграждения. Высокие деревья подъездной аллеи сами по себе были свидетельствами надежности и стабильности. Однако не следовало забывать о том, что это все-таки вражеская территория.

Полковник отказывался уразуметь случай с капралом Клитом. Разумеется, у этого человека

не все в порядке с головой. Кстати, полковник неплохо знал семью капрала. Семейство Клитов в начале восьмидесятых заработало огромное состояние, создав сеть магазинов, торговавших электронной аппаратурой. Сеть эту они с большой выгодой продали какой-то немецкой компании. Клиту предстояло стать офицером, однако вместо этого он предпочел пройти воинскую службу в чине рядового.

Потом этот придурок разругался с отцом. Разругался в традиционном английском духе. Таких примеров масса. Женился на девушке-еврейке. Вивиан Клит, его отец, конечно же, был еще тем упрямцем.

Бесполезно пытаться понять других людей. В армии самое главное — приказ. Людям надо приказывать, организовывать их, направлять их деятельность в нужное русло, а не понимать. Приказ — это все, нет приказов, нет и армии.

Как бы то ни было, но капрал Клит точно виновен. Об этом известно всему батальону. В дивизии с делом разобрались быстро. Без всяких колебаний. Чем меньше огласки, тем лучше, обстановка-то сейчас сложная. Уволить Клита побыстрее и навсегда забыть о нем. Смириться с чертовой войной.

— Джулиан!

— Слушаюсь, сэр!

— Что вы думаете о капрале Клите? Заносчивый он ублюдок, как вы считаете? Болван бестолковый, верно я говорю?

— Я бы не сказал, сэр. Насколько я знаю, он сочинял стихи.

— Вы лучше свяжитесь с его женой. Пусть приготовят для нее транспорт какой-нибудь, чтобы она встретила Клита и приняла его с рук на руки. Нужно от такого добра, как он, избавляться как можно скорее.

— Сэр, его жена недавно умерла. Юнис Розмари Клит, двадцати девяти лет. Вы должны помнить ее отца, герпетолога из Кью. Они жили где-то неподалеку от Эшера. Мы получили извещение о ее самоубийстве.

— Черт! Ладно, позвоните в департамент социального обеспечения. Возьмите его фотографию. Нужно побыстрее избавиться от него. Отправьте Клита поскорее обратно в Англию.

Он возвращался домой на пароме. Забился в угол на пассажирской палубе, обхватив себя руками, опасаясь воздуха, движения и всего того, чего он сам толком не знал. На пристани он купил пироге мясом и съел его, прячась от дождя. Сел

в попутную машину, на которой доехал почти до самого Челтнэма. Здесь он заплатил за место в пассажирском вагоне и добрался до Оксфорда. Ему нужны были деньги и крыша над головой. А еще нужна была некоего рода помощь. Психиатрическая помощь. Реабилитация. Он сам точно не знал, чего ему хочется. Знал лишь, что что-то не так, что он перестал быть собой.

В Оксфорде он снял номер в дешевой гостинице на Айфли-роуд. На рынке отыскал индийский магазинчик, торговавший одеждой, и купил футболку, джинсы и плотную куртку-рубашку китайского производства. Затем зашел в свой банк на Корнмаркет. На одном из его счетов все еще оставалась внушительная сумма денег.

В тот вечер он сильно напился в веселой компании молодых мужчин и женщин. Утром ему не удалось вспомнить ни одного имени своих новых знакомых. Он чувствовал себя премерзко и покинул гостиницу в самом скверном расположении духа. Уходя из своего номера, он поспешно оглянулся. Ему показалось, будто он что-то увидел. Человека, с унылым видом сидящего на незастеленной кровати. На самом деле там никого не было. Обычная галлюцинация.

Он отправился в колледж в надежде застать

там казначея. Семестр недавно закончился. За старыми серыми стенами Септуагинта воцарилось спокойствие, университетская жизнь застыла подобно холодной подливе к жареной баранине. Привратник сообщил ему, что мистер Роббинс еще не появлялся, он решает какие-то вопросы с собственностью в Вулверкоуте. Клит остался в кабинете Роббинса, устроившись в углу, чтобы не попадаться никому на глаза. Роббинс появился лишь в полчетвертого дня и сразу же отдал распоряжение принести чаю.

— Знаешь, Оззи, твоя квартирка никогда не отличалась от склада, вот и сейчас используется как раз в роли складского помещения. Сколько это тебя тут не было? Четыре года?

— Пять лет.

— Извини. — Вид у Роббинса действительно был расстроенный. — Пять лет — не шутка. Слушай, Оззи, у меня масса всяких дел. Я думаю, что мы могли подбросить тебя до дома, я только…

— Не надо. Я хочу, чтобы мне вернули мою старую комнату. Мне нужно пристанище, такое место, где никто меня не видел бы. Пойдем туда, Джон, за тобой остался долг.

— Я тебе ничего не должен, друг мой, — невозмутимо ответил Роббинс, наливая чай в чаш-

ку. — Меценатом колледжа был не ты, а твой отец. Мы с Мэри и так для тебя много всего сделали. Кроме того, нам прекрасно известно, что с тобой приключилось и почему закончилась твоя армейская карьера. Если тебя снова пустить в колледж, это будет нарушением всех правил. Ты и сам знаешь.

— Ну и черт с тобой! — разъярился Клит и, повернувшись к Роббинсу спиной, направился к двери. Неожиданно тот попросил его остаться.

Кладовая под сводами крыши строения Джошуа-билдинг имела тот же самый вид, как и в те годы, когда служила квартирой Клита. Свет проникал в нее сверху с северной стороны. Это была длинная комната, одна стена которой представляла собой часть ската крыши, как и подобает мансарде. Внутри стоял затхлый запах, типичный для любого непроветриваемого помещения, в котором давно никто не живет.

Клит какое-то время стоял неподвижно, недовольно разглядывая заваленную старыми креслами комнату. Затем принялся стаскивать их к одной стене и обнаружил, что его кровать осталась на прежнем месте, равно как и старый сундук дубового дерева, памятный ему еще со школьных лет. Опустившись на колени прямо на

пыльные половицы, Клит открыл его.

Внутри оказалось не слишком много вещей. Одежда, книги, кортик японского летчика. Фотография Юнис с косынкой на шее. Клит захлопнул крышку сундука и лег на кровать.

Держа фотографию ближе к свету, он принялся изучать черты любимого лица. Хорошенькая, это верно, чуть глупенькая, тоже верно. Но не такая неумная, как он сам. Любовь была пыткой, многократно усиливавшей его собственную ничтожность. На женщин внимание обращаешь чаще, чем на мужчин. От коллег и сослуживцев или от ненавистного отца ты ничего не ожидаешь. Все сигналы, что посылают в окружающий мир женщины, предназначены исключительно для того, чтобы завладеть вниманием мужчин… Человеческая физиология и психология самым хитроумным способом сотворены для того, чтобы причинять людям беспокойство, подумал Клит. Нет ничего удивительного в том, что он сам сотворил из собственной жизни ад в миниатюре.

Некоторое время спустя Клит отправился в город и там сильно напился, начав с эля и водки и закончив дешевым виски в пабе «Иерихон».

На следующее утро он чувствовал себя самым омерзительным образом. Дрожа всем телом, Клит

встал с постели и устремил взгляд вверх, на небо. Ему показалось, что за одну только ночь мир лишился разом всех красок. Сланцевые крыши Септуагинта казались серыми от пропитавшей их влаги. Такие же крыши дальних колледжей создавали впечатление сплошного моря вздымавшихся ввысь острых пиков черепицы и сланцевых плиток.

Чуть позже Клит все-таки собрался с силами, обулся и прошелся по чердачному коридору, прежде чем спуститься вниз по лестнице номер двенадцать.

Ступеньки были до блеска вытерты ногами бесчисленных поколений студентов, обитавших в этом здании, в крохотных комнатках с дубовыми дверями. Деревянная обшивка стен тоже видала лучшие времена. Как это напоминает тюрьму, подумал Клит.

Оказавшись во внутреннем четырехугольном дворе, он растерянно огляделся по сторонам. С одной стороны от него располагался Феллоуз-Холл. Повинуясь некоему неосознанному импульсу, Клит пересек мощенный брусчаткой двор и вошел в здание. Зал был построен в так называемом перпендикулярном стиле. В простенках между высокими, до потолка, окнами висели

внушительных размеров портреты прежних меценатов. Портрет его отца, висевший раньше в ближнем углу, отсутствовал. Вместо него там находилось живописное изображение японца в кимоно, безмятежно смотрящего на зрителя через стеклышки очков.

В углу комнаты какой-то незнакомый служитель со знанием дела начищал серебряные награды. Он оставил свои дела и поспешил подойти к Клиту.

— Чем могу помочь вам, сэр? Это Феллоуз-Холл, — сообщил он смешанным тоном подобострастия и резкости, столь типичным для служащих Оксфорда.

— Где находится портрет сэра Вивиана Клита, который когда-то висел здесь?

— Это портрет мистера Ясимото, сэр. Один из наших нынешних меценатов.

— Я знаю, что это мистер Ясимото. Я спрашиваю о другом именитом меценате колледжа Вивиане Клите. Его портрет раньше висел здесь. Куда он делся?

— Предполагаю, что портрет сняли, сэр.

— Где же он? Куда он делся?

Служитель был высок, тощ и абсолютно бесстрастен. Он нахмурился и ответил:

— Здесь есть одно место под названием Баттери, сэр. Портреты некоторых из наших менее известных покровителей, насколько я помню, были убраны отсюда в прошлом семестре.

У входа в Баттери Клит наткнулся на Гомера Дженкинса, своего бывшего приятеля, который возглавлял Хьюэнденскую кафедру, входившую в состав Гуманитарного комитета. В свое время Дженкинс активно занимался спортом, греблей и благодаря этому в свои шестьдесят сохранил стройную фигуру. О былой славе напоминал еще и шейный платок леандеровской поры. Дженкинс радостно подтвердил, что портрет Вивиана Клита висит позади стойки бара в Баттери.

— А почему не вместе с остальными меценатами колледжа?

— Послушай, дружище, ты ведь не хочешь, чтобы я тебе ответил почему? — вопросом на вопрос ответил Дженкинс, расплывшись в улыбке и чуть склонив голову набок. Клиту вспомнился старый оксфордский стиль.

— Не слишком хочу.

— Весьма разумно с твоей стороны. Смею заметить, я удивился, увидев тебя спустя столько лет.

— Спасибо, — поблагодарил Клит и, обернувшись, услышал вслед:

— Мне очень жаль Юнис, старина. Прими мои соболезнования.

Клит зашел в «Пицца пьяцца» и заказал чашку супа, чувствуя себя больным и постоянно напоминая себе, что он уже больше не в тюрьме. Однако история его жизни была каким-то образом утрачена, и нечто такое вроде урчания в животе подсказало Клиту, что внутри него существует какая-то часть, которую он никогда так и не узнает.

Незримый рак вдруг прекращает щеки целовать, чтобы затем пожрать их… Строчки из какого-то стихотворения, но чьего? Как будто это имело какое-то значение.

В бар вошла юная девушка и сказала, обращаясь к Клиту:

— Вот вы где. Я так и думала, что застану вас здесь.

Она призналась, что изучает юриспруденцию в колледже леди Маргарет Холл и учеба кажется ей довольно скучной. Но папочка у нее судья, вот поэтому-то и она… Девушка вздохнула и одновременно рассмеялась.

Пока она рассказывала, до Клита дошло, что она была в компании студентов, с которыми он познакомился вчера. Единственное, что ему

удалось вспомнить, — что он тогда не обратил на нее никакого внимания.

— Я бы могла сказать о вас, что вы поклонник Хомского, — снова рассмеялась девушка.

— Я ни во что не верю, — отозвался Клит, а про себя подумал, что все-таки должен верить во что-то, если это, конечно, возможно.

— Простите мне мои слова, но вы сегодня выглядите довольно жутковато. Но вы ведь поэт, верно? Вы вчера весь вечер разглагольствовали о Шеймусе Хили.

— Его фамилия Хини, Шеймус Хини, если мне не изменяет память. Хотите выпить что-нибудь?

— Вы поэт и преступник, вы ведь так говорили? — Девушка рассмеялась и сжала ему руку. — Или в обратном порядке — преступник и поэт? Что было раньше, курица или яйцо?

Клит не хотел ее, не нуждался он и в ее обществе, однако она была рядом — юная, свежая, чистая, раскрепощенная, незнакомая, жизнелюбивая.

— Не хотите зайти на мой жуткий склад выпить чашечку кофе?

— Все зависит от того, насколько он жуткий, — с той же улыбкой, дразнящей, светлой, полной любопытства, доверия и вместе с тем коварства,

спросила она.

— Исторически жуткий.

— Идет. Кофе и исторические исследования. Но больше ничего.

Позднее, сказал он себе, ей захотелось чего-то еще. По крайней мере наполовину захотелось, иначе она не пошла бы впереди Клита в своей коротенькой юбочке вверх по спиралевидному лабиринту двенадцатой лестницы в его захламленную комнату и не упала бы, когда они поднялись наверх, задыхаясь и смеясь, на его пыльную кровать. Он вовсе не хотел набрасываться на нее. Он вообще ничего не хотел.

Она оказалась смелой юной особой. Возможно, потом она поняла, что бессознательно соблазнила его, уже далеко не юного, много повидавшего мужчину, от которого все еще исходил запах тюрьмы, и ушла без непристойной торопливости, ушла с улыбкой, правда, более похожей на ухмылку — к праведной ли, к грешной ли жизни, кто ее знает. Униженный, потерпевший поражение, но полный мужества, Клит заставил себя надеяться, что это так — он не признает такого поражения. Совсем не так, как Юнис.

— Что бы ни толкало нас на такие поступки… — произнес он наполовину вслух, однако

предложения не закончил даже для себя самого, осознавая свое предательство.

Где-то совсем рядом щелкнуло реле.

Небо над Оксфордом потемнело. Дождь пошел снова, как будто гидрологический цикл разрабатывал новое средство для пополнения воды в Темзе за счет неиспользованных запасов влаги в тропосфере. Тугие струи проливного дождя барабанили по оконным стеклам каморки Клита.

Ближе к вечеру он решился осмотреть содержимое комнаты и нашел ящик, набитый книгами и компакт-дисками. Вытащив их, Клит обнаружил коробку со старым компьютером.

Повинуясь какому-то бессознательному импульсу, он извлек «Пауэр-Пэк» из упаковки и подсоединил к электросети. Старым носком вытер пыль с монитора. Жидкокристаллический индикатор приветливо подмигнул зеленоватым глазком. Клит подтолкнул внутрь торчавший наружу диск и неуверенно пробежался пальцами по клавиатуре. Он забыл, как нужно пользоваться этой штуковиной.

На экране возникло чье-то увеличивающееся в размерах лицо. Клиту удалось убрать его. Затем до его слуха донеслось приглушенное жужжание и из щели факсового аппарата выполз листок бу-

маги формата А4. Клит с удивлением увидел, что тот плавно опустился на пол, и выключил компьютер. Через минуту он поднял листок с пола и сел на кровать, чтобы прочитать его. Отправитель факса обращался к нему по имени. Понять сам текст оказалось практически невозможно.

Оз бывший Озом.

Если я говорю, что знаю, где ты. Физическое действие. Его низменная комедия отмечает нас, но так. Это так. Где не находилось никакого места ни места ни положения совсем относительно булочной.

Или сказать только сказать или сказать все больше и больше имеется сказать подобно тычинкам на пиракантусе. С твоим все также? Это также ингредиент. Надеюсь, все пройдет. Пытаюсь.

Расчистить улицу. Чище на улице. Кривая дорожка. Я имею в виду расчистку тропы. Ты и я. Навеки.

Существование. Можешь говорить о существовании того, что не существует. Я расчищаю небытие. Яне существую. Говори.

Говори со мной. Новая улица нечистая улица. Медленно. Трудность.

Прошедшее время.

Юнис.

— Какая чушь! — сказал Клит, комкая бумажный лист, решив не показывать самому себе, насколько его расстроил сам факт этого странного послания. Компьютер-призрак? Ерунда, бессмыслица, чушь. Его кто-то просто пытается одурачить, разыграть. Наверное, кто-то из бывших коллег по университету. Больше некому.

В следующую секунду кто-то решительно постучал в дверь.

— Войдите!

В комнату вошел Гомер Дженкинс, застав Клита стоящим посреди комнаты. Клит бросил в него скатанным в шарик листом бумаги. Дженкинс ловко поймал его.

— Дни становятся все короче.

— Дождь все смоет.

— По крайней мере он хотя бы не сильный. Тебе нужен здесь свет?

Вежливый североевропейский разговор закончился. Дженкинс перешел к главной теме.

— Некая юная леди взбудоражила комнаты на-

ших служащих жалобами на тебя. Сексуальные домогательства и все такое прочее. Я легко заставлю ее замолчать, но должен предупредить тебя, что казначей заявил: если подобное повторится, нам придется пересмотреть условия твоего пребывания здесь, и, несомненно, не в твою пользу.

Клит не собирался сдавать своих позиций.

— Твоя работа о гражданской войне в Испании, Гомер. Ты закончил ее? Она издана или ты все еще застрял на той странице, где Франко назначили губернатором Канарских островов?

В упрямстве Дженкинс нисколько не уступал Клиту. Семейство Дженкинсов на протяжении нескольких поколений владело огромным состоянием, заработанным благодаря некогда знаменитому «непревзойденному антиблошиному порошку Дженкинса», о котором представители последних поколений предпочитали не вспоминать. Они также владели обширными землями на границе с Сомерсетом. Это было отличное место для охоты на лис и для любителей стрельбы из лука. Происхождение придавало Гомеру Дженкинсу дополнительной самоуверенности, когда дело доходило до отстаивания своей точки зрения. При этом он сопровождал свои слова неизменной улыбкой, а также откидывал назад

голову, высокомерно выпячивая подбородок.

— Послушай, Оззи, — произнес он ровным, спокойным тоном. — Ты получил определенное признание на поэтическом поприще, прежде чем отсидел срок за решеткой, и, конечно же, колледж благосклонно воспринял твой успех, каким бы скромным он ни был. Мы пытались не обращать внимания на прочие твои склонности, принимая во внимания вклад твоего отца в процветание Септуагинта. Однако если ты желаешь снова встать на ноги и восстановить, если это возможно, былую репутацию, тебе следует помнить о том, что благосклонность колледжа не безгранична. Воздаяние — дело не слишком приятное. — С этими словами Дженкинс величавой поступью направился к двери.

— Ты говоришь совсем как тень отца Гамлета! — бросил ему в спину Клит.

Дженкинс даже не обернулся.

На следующее утро Клита разбудил какой-то щелчок, слышимый настолько ясно, что даже шум дождя по крыше не смог заглушить его. Из факса выполз листок с новым сообщением.

Оз бывший.

Я тянусь к тебе по висящим нитям

времени. Скоро, скоро подкованные сапоги по улицам я говорю ты обычный. Трудность. Искажать, искажать другие физические законы. Верования.

Следуй за мной скверное повторение последует. Следуй не стой. Все еще люблю тебя все еще. Стой или. Двигайся.

Юнис.

Он сидел на кровати, держа в руках тонкий листок, и думал о своей покойной жене. В голову неожиданно пришел отрывок какого-то полузабытого стихотворения.

Я нахожусь среди людей в плену,

В плену людей, которые врага нещадно унижают,

Людей, которые себя самих проклятиями обливают,

Людей, чьи женщины перед мужьями в ад нисходят.

Строчка за строчкой ему стало вспоминаться длинное стихотворение, в котором человек, оказавшийся также, как и он, в неволе, страдал от невозможности воссоединиться со своей умершей женой и ради встречи с ней готов был

претерпеть адовы муки. Возникшие при этом мысленные образы привели Клита в сильное возбуждение. Возможно, он сможет снова писать стихи. Слова и отдельные фразы яростно метались в его мозгу подобно обезумевшим от долгой неволи узникам, стремящимся вырваться из своей тюремной клетки.

На сей раз он не стал мять листок, вылетевший из щели факсового аппарата. Не слишком доверяя его реальности, Клит тем не менее почувствовал, как некая вера начинает пробуждаться в нем, что само по себе было необычно.

Да, да, он снова начнет писать и всех их удивит. В нем по-прежнему остался его прежний дар. Дар остался, но Юнис уже больше нет. Клит неожиданно почувствовал, как сильно тоскует по ней, однако поспешил загнать это чувство в глубины души, сосредоточив свои мысли на желании снова заняться сочинительством. Он покопался в сундуке, но не нашел там никаких письменных принадлежностей. Нужно было выйти из дома и отыскать ближайший писчебумажный магазин. Перед глазами его возник желанный образ, правда, не покойной жены, а пачки белоснежной бумаги формата А4.

Клит закрыл дверь комнаты и немного постоял

на лестничной площадке. На него нахлынули волны тошнотворной неуверенности. Был ли он хорошим поэтом? Солдатом он оказался никудышным. Как, впрочем, и сыном, и мужем.

Нет, черт побери, он еще покажет Гомеру Дженкинсу и ему подобным, что на многое способен, даже если для этого ему придется пройти через ад! Впрочем, мрак и затхлая неприглядность этой лестничной площадки никакие способствуют хорошему настроению…

Клит спустился вниз по первому лестничному маршу. Дождь на улице пошел еще сильнее, чем прежде, гулко и монотонно барабаня по крыше. Чем ниже он спускался по лестнице, тем гуще становилась темнота. Остановившись на площадке, Клит выглянул в узенькое окно на внутренний двор. Дождь усилился настолько, что за его пеленой трудно было что-то разглядеть. Сверкнула молния, высветив внизу бегущую человеческую фигуру, несущую что-то вроде тарелки — хотя, возможно, это было гало — над головой. За первой вспышкой молнии последовала вторая. Клиту на мгновение показалось, будто весь колледж опускается на дно, неторопливо погружаясь в глубины глинистых почв Оксфорда, где таятся еще ненайденные останки гигантских доистори-

ческих рептилий.

Клит вздохнул и продолжил свой спуск. На следующем лестничном марше на него с разбегу налетел толстенький низенький человечек с землистым цветом лица. На вид ему было уже далеко за сорок. С волос и грубого лица стекала дождевая вода.

— Ну и ливень, верно? Мне рассказали, что ты вернулся, Оззи, — произнес он без особой радости в голосе. — Одну из твоих метафизических поэм я особенно люблю. Ну, ту самую, ты знаешь, как ее?..

Клит не узнал этого мокрого толстяка.

— Извините, я что-то не припоминаю…

— Что-то такое о первопричинах. Пепел и клубника, кажется, так. Понимаешь, ученые расценивают это как нечто такое, что было до Большого Взрыва, когда илемы существовали в пустоте. Вернее, им просто негде было существовать. Элементарные частицы устремлялись в первооснову… ты же понимаешь, взрыв в данном случае едва ли подходящее слово… вы, поэты, возможно, подберете какое-нибудь более удачное название, илем — слово вполне подходящее — первый взрыв несет в себе одновременно и пространство, и время, так что в одну сотую долю секунды… — В

его глазах блеснуло интеллектуальное наслаждение. На нижней губе образовался пузырек слюны, появившийся подобно только что зародившейся вселенной.

Когда же Клит заявил, что не желает в данный момент ввязываться в научную дискуссию, толстяк принялся размахивать руками.

— Конечно, — со смехом отозвался он и вцепился Клиту в рубашку, чтобы тот не смог уйти. — Кстати, мы чувствуем точно таким же образом.

— Нет, не таким. Это просто невозможно.

— Очень даже возможно. Мы просто не в состоянии понять первоначальную концепцию небытия — места, в котором нет измерений пространства и времени. Поэтому небытие — это то, чего не существует. — Толстяк сипло рассмеялся, почему-то напомнив Клиту интеллигентного бультерьера. — Данная концепция чертовски меня пугает — это самое небытие должно представлять собой либо неземное блаженство, либо нескончаемые адские муки. Поэтому главная задача науки состоит в том, чтобы разъяснить, чем первоначально была…

Клит раздраженно сообщил толстяку, что спешит по делам, однако тот не отпускал его, цепко держа за рубашку.

— Именно там, по всей видимости, наука сталкивается с религией. Это пространство, в котором нет ни времени, ни пространства — так сказать доилемная вселенная имеет более чем мнимое сходство с раем, старым мифом христианской религии. Рай все еще повсюду вокруг нас, он лишь пропитан реликтовым излучением…

Он оборвал фразу, разразившись смехом и приблизив свое лицо почти вплотную к лицу Клита.

— Или — ты, конечно же, оценишь это, Оззи, ведь ты у нас поэт — ад! «Это ад и мы по-прежнему в нем пребываем!..» — как сказал бессмертный Шекспир.

— Марло! Марло это сказал! — крикнул Клит. Вырвавшись наконец, он бросился вниз по лестнице.

— Да, конечно же, Марло! — согласился коротышка-ученый, оставшись один. — Марло. Разумеется. Нужно запомнить. Старина Кристофер Марло.

И промокнул мокрый лоб бумажным носовым платком.

Стало совсем темно. Шум сделался еще громче. Лестница теперь повернулась в обратном направлении, против часовой стрелки, и вместе с ней на сто восемьдесят градусов перевернулось и

восприятие Клитом реальности. Вскоре, к его великому облегчению, спуск по лестнице кончился, и Клит оказался в каком-то просторном месте со сводчатыми проходами с обеих сторон, в глубине которых в темноте тускло мерцал свет фонарей.

Клит был слегка озадачен. Возникло ощущение, будто он каким-то странным образом проскочил первый этаж. Затхлый спертый воздух свидетельствовал о том, что Клит оказался где-то в подземельях Септуагинта. Вспомнились старые подвалы, однако здесь нигде не было видно покрытых вековой пылью полок с винными бутылками. Вырвавшееся изо рта облачко пара повисло в воздухе и с некоторым опозданием рассеялось.

Неуверенно пройдя вперед, Клит прошагал под сводчатым проходом и оказался на каком-то мощенном брусчаткой месте, где обнаружились новые ступеньки. Он посмотрел вверх, не понимая, что же у него над головой — то ли камень, то ли небо. Дождь прекратился. Клиту показалось неестественным, что столь сильный ливень так быстро прекратился. Не оставалось ничего другого, как идти вперед.

Настроение у Клита было мрачным. Впрочем, ему не впервой быть в разладе с самим собой. И

почему ему ни с кем не удается установить дружеские отношения? Почему он так неприветливо повел себя с этим ученым — Нейлом-как-там-его? — который ничуть не более эксцентричен, чем многие другие преподаватели Оксфордского университета? Оксфорд? Нет, это не Оксфорд! Это даже не Каули! Клит тяжело двигался вперед и какое-то время спустя, так и не поняв, где находится, остановился. В следующее мгновение мимо него промелькнула какая-то фигура, закутанная в длинное бесформенное одеяние, — Клит так и не различил, мужская или женская.

— Вы не знаете, где тут поблизости писчебумажный магазин? — крикнул Клит.

Фигура на мгновение остановилась, растянула губы в подобии улыбки и поспешила дальше. Когда Клит двинулся следом за ней, фигура исчезла, как будто ее и не было вовсе.

— Дерьмо и идем, очень интересно, — произнес он, пытаясь отогнать от себя ощущение необъяснимого беспокойства. Исчезло это существо, полностью исчезло, как элементарные частицы, о которых говорил этот самый Нейл…

Ступеньки сделались шире и немного ниже, пропадая в брусчатке мостовой. По обеим сторонам от Клита располагалось то, что могло

выступать в роли домов, однако никаких признаков жизни в них он не заметил. Они показались ему чем-то очень древним, но в то же время неестественным, вроде построек девятнадцатого века, имитирующих Нюрнберг шестнадцатого столетия.

Клит продолжал неуверенно спускаться вниз и вскоре оказался на открытом пространстве, которое тут же мысленно назвал Площадью. Здесь он остановился.

И как только он остановился, все вокруг него пришло в движение. Клит испуганно отступил назад — все мгновенно становилось. Он замер на месте, и дома и дороги тут же устремились в разные стороны. Клит сделал еще шаг. Окружающий мир, доступный его взгляду, слегка затуманенный и напоминающий написанную акварельными красками картину, снова пришел в движение. Это было движение вперед, но в то же время и во все стороны — круговое движение.

Клиту пришло в голову сравнение с крабом, уверенным в том, что всё, кроме него самого, движется неправильно.

Движение это было по меньшей мере относительным. Потому что когда Клит шел, то вселенная не только останавливалась, но и была

полностью лишена людей (людей?). Когда останавливался он, вселенная не только начинала пятиться подобно неуклюжему крабу, но и становилась ареной для суетливой толпы людей (людей?).

Клиту ностальгически вспомнилась безопасная спокойная камера в гарнизонной тюрьме.

Стоя на месте, он попытался разглядеть отдельные лица в толпе. Какими же безжизненными и грубыми показались они его взгляду, взгляду простого смертного! Они, разумеется, толкались, врезаясь и в него, и друг в друга, но не торопливо, а просто потому, что места вокруг было мало. Однако, с учетом постоянного движения улиц, многие проходы как будто расширялись в каком-то постоянном ритме, будто стремясь вместить всех пешеходов. Одежда их совершенно не отличалась разнообразием расцветок и фасонов.

Было практически невозможно отличить мужчин от женщин. Очертания их тел, а также пластика и мимика казались какими-то тусклыми и размытыми. Опытным путем Клит установил, что, держа голову прямо в одном положении и позволяя взгляду выскальзывать из фокуса, можно разглядеть отдельные типажи в толпе: мужчин, женщин, молодых, старых,

европейского и восточного типа, длинноволосых, коротко стриженных, бородатых, бритых, высоких, малорослых, тощих, упитанных, толстых, стройных или сутулых. И все же — интересно, что это такое происходит с сетчаткой его глаза? — похожие друг на друга не только отсутствием какого-либо выражения лиц, но и явно простой неспособностью выражать какие-либо эмоции. Тусклые, абстрактные лица.

Со всех сторон Клита окружало какое-то темное общество, казавшееся ему и ни живым, и ни мертвым. И все это общество двигалось во всех направлениях, абсолютно бесцельно и бессмысленно.

Люди (люди?) были очень похожи на молчаливых призраков. В их молчании было что-то жутковатое.

Они толкали Кита до тех пор, пока он не понял, что больше не в силах сдерживаться. И когда он побежал, огромная однородная толпа исчезла, испарилась в мгновение ока, оставив Клита одного на безмолвной пустынной улице.

— Должно же быть какое-то научное объяснение, — произнес он. Все указывало на то, что он находился в состоянии периодически повторяющейся галлюцинации. Клит яростно встряхнул

головой, пытаясь мысленно вернуться в привычную вселенную с ее шумными скоростями, которые кажутся вполне естественными. Но нынешний призрачный мир никуда не исчез, повинуясь своей разновидности обычных физических законов.

Как было сказано во втором послании Юнис? Кажется, в нем упоминались другие физические законы?

Клиту стало страшно. По коже пробежал мороз, во рту пересохло.

Обхватив себя руками, он подумал: что бы с ним ни случилось, он это заслужил.

Клит направился вперед и вскоре оказался перед необычным сооружением. Ему подумалось, что это, должно быть, что-то вроде магистрата. Было ясно, что здание не похоже ни на какую известную ему архитектурную форму и построено из какого-то губчатого материала с замысловатыми лестничными маршами, ведущими неведомо куда; с балконами без дверей; с высокими колоннами, поддерживающими неизвестно что; с портиками, под которыми было невозможно пройти. Абсурдно, впечатляюще и совершенно невероятно.

Клит остановился, испытав удивление, кото-

рое, впрочем, мгновенно покинуло его.

Вселенная мгновенно пришла в движение, и огромное здание нависло над ним, как исполинский океанский лайнер над беспомощным пловцом.

Клит будто прирос к тому месту, на котором стоял, и каким-то удивительным образом тут же оказался внутри загадочного гигантского сооружения.

Яркий свет, более яркий, чем свет ранее увиденного им облачного мира, осветил внутреннее пространство зала. Было абсолютно непонятно, где находится его источник и что это может быть за источник. По всему полу были навалены огромные кучи вещей самого разного рода. В них копались уже знакомые ему призрачные фигуры. Все они производили те же самые неуклюжие движения, напоминая ползущих крабов. Казалось, будто они угодили в вихрь спиралевидной туманности.

Когда Клит останавливался, ему удавалось разглядеть, что же происходит. Он впервые понял, что может расслаблять слуховой нерв так же, как и зрительный, так что до его Слуха только сейчас стали доноситься звуки. К нему со всех сторон устремились голоса, звучавшие искаженно-визг-

ливо, как будто окружавшие Клита люди были накачаны гелием. Казалось, будто они вскрикивают от радости, находя какие-то предметы в бесформенных грудах вещей.

Клит подошел ближе, чтобы получше рассмотреть. Все сразу исчезло. Он остановился. Все тут же вернулось обратно. Нет, только не это… Когда он машинально покачал головой, сооружение превратилось в обычное гулкое пустое пространство, движущееся с кошачьей грацией.

На полу грудами были свалены вещи самого разного свойства. Горы старых чемоданов, многие из них потертые настолько, что казалось, будто они по-человечески до смерти устали от какого-то долгого печального путешествия. Бесчисленные кучи всевозможной обуви: шнурованные ботинки, дамские туфельки, грубые солдатские башмаки, детские кожаные ботиночки, домашние тапочки, массивные башмаки, туфли для этого, туфли для того, поношенные и новенькие, обувь, вполне годящаяся для прогулки на Марс и обратно.

Стеклянная гора очков — пенсне, монокли, очки в роговой оправе, очки, которые только существуют в природе. Одежда: бесчисленные предметы всех мыслимых и не поддающихся

описанию фасонов и расцветок, громоздящиеся до самой крыши. И — нет, впрочем, да — волосы! Наверное, целая тонна волос — блестящих черных, лилейно-белых, всевозможных оттенков человеческие волосы, кудрявые, волнистые и прямые, косички с ошметками кожи, с вплетенными в них ленточками. Не менее жуткой была груда зубов — моляров, зубов мудрости, клыков, глазных зубов, даже детских молочных с волокнами мяса на корнях.

Вдруг все исчезло. Это Клит инстинктивно сдвинулся с места, потрясенный мучительным осознанием происходящего.

Он упал на колени. Жуткий интерьер в ту же секунду вернулся.

Теперь Клит, расфокусировав зрение, мог более четко видеть людей, копошащихся в этой чудовищной свалке. Он понял, что они просто ищут то, что им когда-то принадлежало; то, что принадлежало им по праву.

Он видел женщин, да, именно, безволосых женщин самого разного возраста, ищущих свои волосы, примеряющих найденное в попытке обрести прежний облик.

Многие другие представители темного общества стояли поодаль и награждали аплодисмен-

тами тех, кому удавалось найти искомое.

Клиту показалось, что он заметил Юнис.

Конечно же, в ее жилах текла еврейская кровь. В этом кошмарном месте вполне можно отыскать ее среди потерпевших, лишенных имущества, изуродованных, убитых.

Он сжался в комочек, не осмеливаясь пошевелиться, чтобы она случайно не исчезла. Неужели это действительно она? Бледная акварельная копия той Юнис, которую он когда-то любил?

Что-то похожее на слезы нахлынуло на все его существо, невыразимая жалость ко всему человечеству. Клит вслух выкрикнул ее имя.

Все вокруг исчезло, за исключением огромного зала, неподвижного, как сама судьба.

Клит замер на месте, а она приближалась к нему!

Она вытянула руку, узнав его.

Когда же он протянул руку в ответ, она исчезла.

Когда снова замер, то Юнис и окружающий мир возникли снова.

— Нам уже никогда не быть вместе, — сказала она, и ее голос прозвучал подобно далекому крику совы над сонным лесом. — Потому, мой любимый Оззи, что один из нас мертв, а другой — нет.

Когда Клит попытался ответить ей, она несколько раз пропала и возникла снова. Они замерли в молчании, прижавшись друг к другу головами, он и она, мужчина и женщина. Он научился говорить, практически не шевеля губами.

— Я не понимаю.

— Я никогда не понимала… Но мои послания достигли тебя. Ты пришел! Ты даже сюда пришел! Какой же ты храбрый!

Он почувствовал, как от ее слов, произнесенных шепотом, становится тепло. Значит, он все-таки храбр, и на этом качестве можно строить будущее, каким бы этому будущему ни суждено стать… Он заглянул ей в глаза, но не увидел в них ответного чувства, и понял, что довольно трудно оценить их истинное выражение.

— Юнис, — упавшим голосом произнес Клит. — Если это все-таки ты, то прости меня. Мне очень жаль, жаль настолько, что я не могу выразить это словами. Прости меня за все. Я живу в настоящем аду. Я для того и пришел сюда, чтобы сказать тебе, что готов следовать за тобой в геенну огненную.

Ему показалось, будто она рассматривает его изучающим взглядом. Он понял, что Юнис смотрит на него совсем не так, как раньше, а как на некую аномалию, которая выступает здесь в роли

странной разновидности пространственно-временного континуума.

— Все эти… — Он вовремя успел удержаться от движения, и огромные кучи вещей вздрогнули, едва не исчезнув в очередной раз. — Что они делают? То есть… я хочу сказать, что холокост произошел давно, много лет назад. Давно…

Юнис не хотела отвечать и заговорила лишь после того, как он настоял на этом:

— Здесь нет такого понятия, как теперь ил и давно. Ты можешь это понять? Здесь все по-другому. Свойства времени — это случайные правила твоего… измерения. Здесь они не имеют никакого значения.

Клит застонал, закрыв руками глаза от невыносимого ощущения безвозвратной потери.

Когда он посмотрел через растопыренные пальцы, здание снова пришло в движение. Он по-прежнему не шевелился, думая о том, что если здесь нет понятия сейчас, то не существует и понятия здесь — он прошел через стены в некое подобие пространства, которое не было пространством. Он подумал о том, что потерял Юнис, но общее движение снова приблизило ее к нему.

Она говорила, объясняла, как будто для нее вовсе не существовало ощущения отсутствия или

присутствия.

— Нет здесь и никаких имен, когда-то нежно и страстно произносимых, но давно забытых в вашей угнетаемой временем сфере, которая здесь никем не занята. Все, даже если оно в высшей степени испорчено злом, должно стать частью этого огромного общества, день за днем увеличиваясь численно. — Неужели она говорит? Неужели, несмотря на свое состояние, он слышит ее? Неужели возможно их общение друг с другом?

— Мириады тех, кто даже памяти после себя не оставил, и тех, чья репутация не забывается в течение ваших веков, все они находят свое место…

Голос Юнис прервался, и Клит умоляюще двинулся вслед за ней, надеясь найти более человечный мир. Если бы он только мог вернуть ее… Мысли вновь сбились, когда огромный зал в очередной раз опустел, наполненный гулкой тишиной, строгой, как сама смерть.

И снова Клиту пришлось сжаться в комочек, замереть на месте и оставаться в таком состоянии до тех пор, пока в этот облачный мир снова не вернулось подобие человеческого присутствия и в том числе присутствия Юнис.

Тень Юнис продолжала говорить, по всей видимости, не сознавая происходящего, или, может

быть, просто он исчез из ее, так сказать, поля зрения.

— …король Гарольд был здесь, извлекая стрелу из глазницы; Сократ исцелился от яда; целые армии излечивались от ран; здесь были живые богомилы и не лишившийся головы Робеспьер; архиепископ Кранмер и его смелая речь, произнесенная на фоне ревущего пламени; Юлий Цезарь, которому не вонзали в спину кинжалов; сама Клеопатра, не искусанная аспидами. Ты должен знать это, Оззи.

Пока Юнис монотонно перечисляла казавшийся бесконечным список, как будто что-то заставляло ее вечно, раз за разом повторять бесчисленное множество имен, он смог задать себе вопрос, причем не единожды, а раз за разом. Как мне вернуться обратно в Оксфорд? Как мне вернуться в Септуагинт — вместе с призраком моей былой любви или без него?

— …Магдебург, Лепанто, Сталинград, Косово, Сайпан, Кохима, Азенкур, Аустерлиц, Окинава, Сомма, Геок-Депе, Войн, Креси…

Неужели эта тень поможет мне? Почти не разжимая губ, он спросил:

— Юнис, Юнис, мой несчастный призрак, я боюсь тебя. Я боюсь здесь всего. Я понимал, что

ад ужасен, но не знал, до какой степени. Как же мне вернуться с тобой в реальный мир? Прошу тебя, ответь мне.

Зал все еще удивительным образом пребывал в движении, как будто сутью его была скорее музыка, а не камень. Теперь Юнис находилась далеко, и жуткий ответ ее донесся до его слуха подобно еле слышному птичьему пению, неразборчивому настолько, что сначала Клиту показалось, будто он ослышался и неправильно понял его смысл.

— Нет, нет, мой бесценный. Ты ошибаешься, ты, как всегда, ошибаешься.

— Да, да, но…

— Мы сейчас находимся в раю. Ад — это то место, откуда ты пришел сюда, мой любимый. Ты пришел из ада, где царят мучительные физические условия. А здесь — рай.

Клит рухнул ниц, замер в неподвижности, и в очередной раз пред ним появился огромный зал с его величественным гармоничным движением.

Галактика Зет

Осень

Осень пришла в галактику Зет. На миллионе миллионов необитаемых планет всевозможные деревья повернули свои спины навстречу свежему ветру и сбросили листья, роняя их словно коричневые слезы. На миллионе обитаемых планет, где деревья были разрешены, такие деревья проживали жизни в каменном одиночестве улиц, роняли свои побуревшие слезы, переполняя шоссе, ведущие к Центрам Распределения. В этих центрах особые машины превращали их в питательную массу для сбивавшихся в кучи бедняков. Сбивавшиеся в кучи бедняки обычно боролись за право укрыться от нового леденящего холода миллиона миллионов атмосфер.

Трансформирование

Куда же им бежать, этим беднякам? Конечно же, не на другую планету. Планета А напоминала планету Б, а планета В напоминала планету Г и так далее до миллиона миллионов всевозмож-

ных алфавитов. Все планеты были обустроены по подобию Земли. Один образ жизни ничем не отличался от другого. Все долины были заполнены выровненными горами, все горы превращены в плоскогорья и из высоких сделались низкими. А те, кто обитал на миллиарде миллиардов сферической формы миров, были похожи, имея один и тот же практически бесцветный оттенок гладкой кожи без запаха и морщинок, и эта кожа в общей сложности в миллионы миллионов квадратных миль покрывала всех обитателей галактики Зет.

Бедняки

Бедняки нисколько не тяготились своей бедностью. Их было много — миллион, помноженный на миллионы, и они ничем не отличались друг от друга. Они были запрограммированы на то, чтобы оставаться бедняками всю свою жизнь. Они никогда не устремляли свой взгляд на тепло или богатство. Великая Программа не предусматривала никакого милосердия. На миллионах миллионов планет галактики Зет зимы запрограммированно должны были сменять лето. Зимы были запрограммированы для того, чтобы отсеивать бедняков. Мороз и ветер выметали их безжалостной метлой холода, делая плоть

этих бедолаг ледяной на ощупь. Наступало время умирать, уходить в великую ночную тьму. В конце зимы сотни миллионов бедняков бесследно исчезали с жалких улиц городских окраин. Никаким случайностям места не оставалось: все было тщательно запрограммировано. За исключением того, что многое отдавалось на волю случая: человеку, укрывшемуся в дверном проеме Икс, удавалось выжить, тогда как его сосед, находивший себе пристанище в дверном проеме Игрек, был обречен на смерть. Подобная незначительная статистическая случайность не имела особой важности. Смерть значила не больше, чем жизнь.

Богатые

Это беднякам было нечего делать. Богатые же пребывали в состоянии вечной занятости. В затемненных комнатах психотерапевтов богатые выслушивали ответы на вопрос о том, почему им приходится так много времени уделять всевозможным делам. Более здоровые богачи вступали в клубы, где готовы были убивать друг друга. Большая часть их времени была заполнена важными встречами и консультациями. Они перелетали из одного идентичного города в дру-

гой идентичный город, чтобы поговорить, или послушать, или отчитаться перед теми, кто говорил или слушал. Во время таких встреч их города иногда распадались на части подобно разбитым сердцам. Они финансировали, организовывали или посещали банкеты. На этих банкетах серьезные мужчины и женщины выступали с речами на такие злободневные темы, как: «Почему бедных так много?», или «Почему бедные намерены оставаться бедными?», или «Можно ли сделать охоту на хенгисса менее опасной?».

Хенгисс

Ни один из реальных видов животных не выжил ни на одной из миллиона миллионов планет галактики Зет. Хенгисс был искусственным созданием. Поскольку хенгиссов изготавливали из стеллена, металлопластического материала, содержащего свой собственный человеческий штамм генома ДНК, то он считался животным и на самом деле напоминал переднюю часть двуногой лошади с когтями вместо копыт. Питался хенгисс мутантином. В течение десяти дней хенгиссов кормили, тренировали и подвергали методичным пыткам, чтобы улучшить их нрав.

Охота

Каждые десять дней в каждом городе устраивалась охота на хенгиссов. В начале охоты преобладало единообразие. Хенгисса помещали посреди главной городской площади, ничем не отличавшейся от такой же площади любого такого же города, и в одно и то же время отпускали на волю. Хенгисс со всех ног пускался бежать, стремясь поскорее вырваться из города. Это как раз таки было незапрограммировано. Это было великое преступление. Движения хенгисса были непредсказуемы. Однако огромную важность имел тот факт, что полностью предсказуем был конец хенгисса. Богатые бросались за ним в погоню. Их охотничьи костюмы, производя невообразимый шум, покрывал слой кибершершней. Охотники безумно спешили, наталкиваясь друг на друга так, что искры летели, пытались уклониться, но все равно сталкивались.

Победители

Вперед бросался огромный хенгисс. Он оставлял улицы, чтобы вскарабкаться на стену какого-нибудь здания, огромного здания, стены которого

разбухали и загорались, когда по ним карабкался хенгисс, через охваченные огнем окна, прорываясь через комнаты, двери, стены и окна. Кибершершни взлетали в воздух подобно разъяренному пчелиному рою. Многие разбивались вдребезги. Другие яростно облепляли убегающее животное. Однако как бы ни метался в разные стороны хенгисс, преследователи все равно брали над ним верх. Затем на беглеца набрасывался ближайший богач и уничтожал его при помощи ядерных копий. За этим следовал банкет для победителей.

Уникрат

В высших измерениях располагался Уникрат, то есть Творец Миров. Эти измерения были множественными, они зеркально отражали друг друга, то увеличиваясь в размерах, то сжимаясь. Они сжимались до тех пор, пока Творец Миров не достигал размеров булавочной головки, будь размер применим к нему как фактор. Или же, напротив, разбухали бы подобно ядерному грибу, пока Творец Миров не становился в размерах больше вселенной, которую Он контролировал — будь размер применим к таким измерениям, как фактор.

Эти измерения были очищены от размера, то есть пространства и времени. Вечности не существовало, как не существовало и времени, существовало лишь бесцветное Сейчас.

Уникрат сам отмерял и устанавливал измерения.

Под одной из его челюстей слева находилась уменьшенная копия галактики Зет. Челюсть проводила своим датчиком по этой уменьшенной копии, которая в некоторых отношениях напоминала гигантскую камеру-обскуру, где солнце и планеты движутся согласно жесткому закону физики — а вместе с ними и живые существа. Фактическая часть Уникрата разговаривала со своей поверхностной частью на языке световых импульсов, использовавшихся для самосозерцания.

— Мой план не срабатывает как надо.

— Восторжествовало единообразие, — отвечала поверхностная часть. — Физические законы прописаны слишком жестко.

— Им свойственна некоторая случайность.

— Явно недостаточная.

— Я вижу, как тот человек остается в живых в дверном проеме Икс, в то время как другой человек в дверном проеме Игрек расстается с жизнью.

Это происходит случайно.

— Этот эффект возникает во всех городах на всем миллионе миллионов планет галактики Зет.

— Может, стоит предпринять какие-то действия?

Поверхностная часть ответила:

— Целую вечность тому назад мы отправили туда Сына, чтобы тот разнообразил тамошнюю жизнь и принес новое мышление. Этот же эксперимент можно повторить еще раз.

— Верно. Но можем ли мы надеяться на успех? Мне кажется, этот план нужно отправить в корзину.

— Верно. Но последний шанс дать стоит…

Сын

Точно в это же самое время, несмотря на световые годы, Сыны Уникрата появились на каждой из миллиона миллионов планет галактики Зет. Сын был сотворен главным образом из импервиума. Лицо его являло собой благостную и неподвижную маску, сердце, находившееся в состоянии покоя, посылало электрические импульсы. Сын отправился к беднякам, которые испугались его и бросились от него во все сторо-

ны. Однако далеко убегать они не стали, надеясь на какие-нибудь бесплатные блага.

— Не впадайте в отчаяние. Настанет день, и галактика будет вашей. Вы и только вы будете ее хозяевами, — говорил Сын беднякам. Они же кричали ему в ответ: «Чушь!»

— Ваши дети очень худы, но все равно они прекрасны. Не мешайте им, пусть они обратятся ко мне.

В ответ на эти слова он услышал: «Педофил!»

— Чем я могу помочь вам? — задал он новый вопрос и тут же получил на него ответ: «Убей богатых!»

— Вы ничтожные твари! — с отвращением отозвался Сын.

Ловушка

Когда Сын отправился в кварталы, в которых жили богатые, он нашел там жирного мужчину с искаженным злобой лицом, задумавшего ловушку для соперника, чтобы убить его. Пятнадцатый этаж своего дворца он набил толстым двадцатифутовым слоем нечистот, крови и раздробленными костями недавних жертв. На четырнадцатом этаже богач устроил банкет, на который пригласил ненавистного противника.

Когда тот сядет на свое место, останется лишь нажать кнопку, и вся мерзость, сваленная на полу пятнадцатого этажа, обрушится на ничего не подозревающего врага, и тот захлебнется в смрадной массе.

Сын сказан толстяку следующее:

— Я ищу здесь милосердие. Ты не мог бы простить соперника и спасти свой мир?

— Он обречен на смерть, — ответил ему толстяк. — Я советовался с психотерапевтом, и он сказал, что мой соперник сегодня должен умереть. Поэтому я никак не могу предотвратить то, чему суждено произойти, даже ценой спасения целого мира.

Пришел соперник — подозрительный, лысый, хитрый. Он приблизился к столу, уставленному яствами, и понял, что выложенные на тарелки фрукты сделаны из пластмассы. Тайный осмотр комнаты, сделанный при помощи инфракрасного излучения, быстро обнаружил потайную кнопку. Схватив за руки своего толстого врага, он большим пальцем надавил на нее. В следующую секунду разверзся потолок, и сверху хлынула густая масса зловонных нечистот. Оба соперника были погребены под ее неудержимым валом. Умирая, они злобно сжимали друг друга в смер-

тельных объятиях.

Сын решил, что этот мир неисправим.

Все Сыновья решили, что этот мир удручающе неисправим.

Разрушение

Силы разрушения вступили в действие незамедлительно. Появились огромные расщелины, похожие на разинутые красные пасти, разрывавшие мантию планет с такой легкостью, словно та была ветхой тканью. В эти пропасти падали хенгиссы, получившие долгожданную свободу лишь для того, чтобы бесследно в них сгинуть. Маленького размера вещи вроде обуви выскакивали из искалеченной земли, тысячами взлетали на стены дворцов богатеев, пожирая при этом каменную кладку. Богатые с криком летели на землю, когда их жилища стали рушиться, точно хрупкие игрушки. Разразилась сильная буря, и мощные порывы ветра сбрасывали бедняков в пропасти. На месте равнин поднимались горы, долины еще сильнее прогибались вниз. Планета изливалась песнью несчастий. Даже атмосферу охватило жарким пламенем.

Статуя

Надзиравший за всем этим Сын шел вдоль берега озера, заполненного огненной лавой. Там, на миллионе миллионов планет, он узрел величественную статую, как будто окутанную плащом дыма. Статуя изображала женщину, чьи бронзовые волосы развевались на ветру. Приблизившись к ней, Сын увидел, что она двигается. Это была вовсе не женщина. Но это была и не статуя, а нечто среднее между живой женщиной и статуей. Бронзовые волосы оказались металлом неизвестного происхождения.

— Почему ты уничтожаешь эту планету? — низким голосом требовательно спросила полуженщина.

— Все планеты, все миллионы миллионов сейчас подвергаются разрушению. Уникрат уничтожает галактику Зет. План не сработал.

— Тогда в этом виноват Уникрат. Уничтожить нужно его.

— Уникрата нельзя уничтожить. А вот тебя — можно.

— Нет, меня нельзя уничтожить, — отозвалась полуженщина низким и меланхолическим голосом. — Я — контролер галактики Игрек. Мы

справляемся с делами намного лучше вас.

— Неужели? — саркастически спросил Сын. — И насколько же лучше?

— Ты, Сын, обладаешь одним лишь интеллектом. Тебе несвойственны чувства. Поэтому вам никогда не удастся то, что вы задумали.

— Но… — триумфально воскликнул Сын, — я могу и хочу уничтожить эту планету. А также миллионы миллионов подобных планет!

Союз

С этими словами Сын хлопнул в ладоши. Мир начал закипать. Затем он стал сжиматься, уменьшаясь в размерах, и то же самое начало происходить и с галактикой, сопровождаясь адским повышением температуры. Тьма принялась жадно пожирать свет. Начал стремительно формироваться суповой раствор материи, выплескивающий во все стороны мощное излучение. От внешних частиц атомов отрывались электроны, закипело варево из ядер и электронов. В миллионную долю секунды происходила полная аннигиляция. Полуженщина схватила Сына в свои крепкие объятия и мгновенно перенесла его в галактику Игрек, чтобы заключить там новый союз.

Взрыв

Пространство, время и энергия превратились в ничто. Вся галактика вместилась в микроскопическом пространстве размером с глазное яблоко блохи. Сжатие было каким угодно, но только не мгновенным. После этого, очистившись, все еще раз взорвалось во вспышке яростной обновленной энергии.

От умиления при виде Большого Взрыва Уникрат даже прослезился.

Чудеса Утопии

Несколько столетий назад они страстно любили друг друга. Обстоятельства вынудили их перебраться в разные уголки галактики. И он, и она служили там, где в них больше всего нуждались.

Благодаря невидимым нанослугам, циркулировавшим сейчас у них в крови, они спокойно приготовились к эвтаназии. Но в их любви было нечто такое, что оказалось неподвластно времени. Находясь на пике страсти, они запечатлели себя в голограмме. Они и по сей день продолжали жить в пластиковом кубе, жили и двигались, как раньше, навеки влюбленные друг в друга, навеки совершенные, навеки беззаботные и свободные от дум и тягот этого мира.

Настал день тысячелетней годовщины знаменитой речи секретаря Объединенных Наций о реформировании планеты, речи, содержащей знаменитый призыв: «Не тяните руки к тому, что вам не нужно!» По этому случаю человечество, как совместно, так и по отдельности, как интеллектуально, так и эмоционально, решило

стать лучше, усовершенствоваться и отказаться от призраков прошлого. Это была поистине фантастическая операция по манипулированию человеческим поведением. И она удалась.

Поэтому и пригласили двух состарившихся возлюбленных, отозвали из разных уголков галактики для того, чтобы они пообщались на глазах многомиллионной аудитории. Они встретились и сразу заключили друг друга в объятия, хотя ни одной слезинки не скатилось из их глаз. За этим наблюдало огромное число зрителей.

— Признаюсь честно, я забыла тебя на целое столетие, — заявила она. — И искренне сожалею об этом. Прости меня.

— Пусть сотня лет восславит свет очей твоих, навек твой светлый лик запечатлит мой стих! — с улыбкой процитировал он.

Она рассмеялись хорошо знакомым ему хрипловатым смешком.

— По веку пусть живут лица черты, я верю, никогда их не забудешь ты.

— Какая же у нас с тобой хорошая память!

— И в самом деле, просто удивительная!

Они принялись вспоминать давние времена, когда человеческая жизнь сделала поворот к лучшему и когда человечеству наконец удалось

покинуть Землю, свою колыбель, вырвавшись из оков ее притяжения.

На ней было белое платье-бандаж, подчеркивавшее ее возраст и сравнительную хрупкость. Именно она начала эту часть разговора.

— Славная и величественная история, удивительная для тех, кто жил тогда и принимал в ней участие много веков назад. Я разговариваю с моим другом в Марсопорту, в котором он когда-то родился. Дорогой, почему ты в твоем возрасте не живешь на светогравитационном спутнике?

— Я сейчас улаживаю кое-какие дела. Так что я недолго пробуду здесь. — Его лицо было чисто выбрито, кожа упруга, глаза живые, но глубоко ввалившиеся.

— Поэтому давай посмотрим, что мы помним о тех далеких днях самых первых космических полетов.

— Одно можно сказать точно: в ту пору наш разум был не таким ясным, как теперь… он был захламлен, как старая кладовка… Наше воображение населяли всевозможные воображаемые создания, которые на самом деле не существовали. Ты помнишь то странное время?

— Человечество тогда, очевидно, было наполовину безумно, — отозвалась она. — Можно

сказать и по-другому — лишь наполовину разумно. Несчастные поколения людей, жившие в первые тысячелетия после того, как человечество только-только появилось как биологический вид… они все еще погрязли в снах человеческого прошлого… Нечто вроде ночных кошмаров.

— Процессу прояснения сознания способствовали первые межпланетные перелеты, — продолжил он. — Землю предположительно населяли призраки, вампиры, длинноногие животные, эльфы, гномы, феи и ангелы. Все эти фантастические создания были истинным наваждением в жизни древних людей. По моему мнению, они — порождение темных лесов и старых домов, а также явного недостатка научного понимания окружающего мира.

— К сказанному можно добавить длинный список фальшивых богов и богинь: древнегреческих божеств, давших названия многим созвездиям, Ваала и Исиду, воинственных богов древних римлян, многорукую Кали, Ганешу с головой слона, Аллаха, Иегову, Астарту — бесконечный легион воображаемых сверхсуществ, которые гипотетически контролировали и определяли человеческую жизнь, — сказала она.

— Ты права, дорогая, я совсем забыл о них.

— Простая идея рая саму Землю превращала в ад…

— Как все-таки давно это было! Скрипучие половицы подвала человеческого мозга, наследие седых веков.

— А что же, — спросила она, и ее голос слегка дрогнул, — что будут думать о нас наши потомки миллионы лет спустя?

Ее былой возлюбленный опустил глаза. Вид у него был немного усталый.

— Вот за спиной я слышу приближенье крылатой колесницы Времени…

— Лежит пред нами бесконечной Вечности пустынный край…

Она придвинулась к нему и погладила его по щеке старым как мир жестом, выражающим любовь мужчины и женщины.

Стать полной бабочкой

Вопреки всем ожиданиям Великий Сон имел бешеный успех. Впоследствии никто точно не мог припомнить, кто именно избрал для его инсценировки Долину памятников. Организаторы данного действа приписывали эту честь себе. Однако никто даже не вспомнил о Каспере Трестле. Трестль снова исчез.

Как исчезло и многое другое.

Трестль всегда куда-то исчезал. Тремя годами ранее он совершал путешествие по землям Раджастана. В этом унылом и прекрасном краю, где некогда олени ложились к ногам раджей, он прошел через безводные земли, которые зной лишил и растительности, и животных. Там рассыпались в прах хижины, а люди умирали от засухи. Тридцатилетние мужчины застывали в неподвижности, напоминая пугала из костей, с мучительным равнодушием глядя на то, как Каспер проходил мимо. Но Каспер давно привык к равнодушию. В землях, куда он пришел, благоденствовали лишь термиты, термиты и кружившие над головой птицы, которые пита-

ются мертвечиной. Подавленный представшим перед ним зрелищем выжженной зноем земли, Каспер незаметно для себя оказался в гористой местности, где неким чудодейственным образом все еще росли деревья и текли реки. Он зашагал дальше, и вскоре гористая местность сделалась еще более крутой и похожей на далекое величие Гималаев. Здесь вовсю цвели растения, похожие на абажуры викторианской эпохи, покачивались розовые и лиловые цветки. Здесь Каспер встретил загадочного Ли, Ли Тирено. Ли присматривал за козами и сидел, развалясь, на камне в пятнистой тени баобаба, и пчелы при этом жужжали, исполняя басовитую свою песнь, которая, казалось, заливала всю маленькую горную долину сном.

— Привет! — сказал Каспер.

— И тебе тоже! — ответил Ли. Он снова откинулся на камень, держа одну руку у лба, защищая глаза от солнца. Глаза у него были цвета свежего меда. Находившаяся неподалеку коза была похожа на белое, молочного оттенка облачко. На шее у нее болтался старый мятый колокольчик. Когда она чесалась спиной о камень, на котором восседал Ли, колокольчик позвякивал в тональности си-бемоль.

Кроме слов приветствия, больше не было ска-

зано ничего. День стоял жаркий.

Ночью Касперу приснился восхитительный сон. Он нашел спелый плод волшебной гуавы и взял его в руку. Плод раскрылся, и Каспер погрузил лицо в его ароматную мякоть, сладостно впился в нее языком, жадно всасывая и глотая мелкие семечки.

Ночлег Каспер нашел себе в Камереди. Он был неприкаянный странник — вздернутый нос, нездорового цвета лицо, растрепанные клочковатые волосы. Хотя Каспера никогда не учили хорошим манерам, ему неплохо давалось послушание побежденного. И еще ему инстинктивно поправилось местечко под названием Камереди. Это была скромная и незамысловатая копия настоящего рая. Через несколько дней он стал воспринимать его как место удивительно разумное и спокойное.

Камереди местные жители называли Местом Закона. Так считали не все, кое-кто полагал, что было и какое-то другое название, или отвергали вообще какую-либо необходимость в названии — они просто жили здесь, и этого было достаточно. Их дома выстроились вдоль обеих сторон мощеной улицы, которая заканчивалась так же, как и начиналась, — землей. Другие хижины

прилепились к склону холма совсем рядом и чуть выше этих жилищ, и то, что они были меньшего размера, объяснялось не одним лишь вопросом перспективы. Рядом протекала река, небольшой говорливый водный поток, змеившийся меж огромных камней, преграждавших ей путь в долину. Берега соседних с рекой заводей поросли водяным крессом.

Детей в Камереди было на удивление мало. Они запускали воздушных змеев, боролись друг с другом, ловили в реке серебристых рыбок, визжали от удовольствия, радуясь беззаботному детству. Повсюду бродили собаки, останавливавшиеся лишь для того, чтобы почесаться или посмотреть на парящих над соломенными крышами воздушных змеев.

Работы в Камереди делалось не слишком много, по крайней мере если говорить о мужчинах. Одетые в дхоти, они сидели на корточках, курили и разговаривали, буйно жестикулируя тощими смуглыми руками. В том месте, где они обычно собирались — возле дома мистера В. К. Банерджи, — земля была усеяна красными плевками — жевание бетеля вызывало обильное слюноотделение.

Мистер Банерджи был кем-то вроде деревен-

ского старосты. Раз в месяц он брал с собой двух дочерей и отправлялся вместе с ними в долину, чтобы заняться торговлей. Они уходили, нагруженные сотами с медом и сыром, и возвращались с запасом керосина и липкого пластыря. Каспер остановился на постой в доме мистера Банерджи, где спал на старом лежаке под раскрашенной глиняной фигуркой Шивы, божеством разрушения и личного спасения.

Каспер испытывал смертельную усталость. Он лишь недавно перестал принимать наркотики. Единственное, чего ему сейчас хотелось, — мирно сидеть на солнце и чтобы никто его не беспокоил. Каждый день он сидел на обломке скалы и смотрел вниз на деревенскую улицу. Его взгляд также скользил по высеченному из камня лингаму и устремлялся вдаль, где воздух струился от испепеляющей индийской жары. Каспера вполне устраивало то, что он нашел такое место, где от мужчин не требовалось никакой существенной работы. За козами присматривали мальчишки, за водой ходили женщины.

Сначала к нему как-то раз вернулась былая нервозность. Куда бы он ни пошел, люди улыбались ему вслед. Он никак не мог понять, почему они так ведут себя.

Как не мог понять и того, почему в Камереди нет ни засухи, ни голода.

Дочери мистера Банерджи, обе очень красивые, вызывали у Каспера страстное желание. Благодаря их заботе он удовлетворял свою потребность в пище. Они наблюдали за Каспером, прикрыв лицо растопыренными пальцами, поблескивая белоснежными зубами. Поскольку он так и не мог решить, какую из двух юных леди охотнее всего заключил бы в объятия, чтобы возлечь с ней, то не пытался ухаживать ни за одной из них. Так было проще.

Его мысли неизменно возвращались к Ли Тирено. Когда Каспер начинал думать о нем, он говорил себе, что над Камереди витает какая-то магия. И над босоногим Ли тоже. Со своего камня он наблюдал за тем, что делает босоногий Ли в течение дня. Дело было не в том, что тот проявлял большую активность, чем кто-либо другой в деревне, но время от времени Ли забирался в поросшие деревьями горы, возвышавшиеся над деревней, и исчезал из виду на несколько дней. Или же сидел в позе лотоса на своем любимом камне по нескольку часов кряду, и взгляд его был незряче устремлен вверх. По вечерам он обычно снимал свой дхоти и голый купался в заводях,

питаемых водой реки.

Однажды Касперу взбрело в голову прогуляться возле одной такой заводи, когда в ней купался Ли.

— Привет! — бросил он на ходу.

— И тебе также! — ответил Ли.

Каспер не мог не заметить, что зад у Ли белый, тогда как все остальное тело такое же темное, как и у любого индийца. Дочери мистера Банерджи лепили своими изящными руками круги козьего сыра точно такого же белого цвета. В этом было нечто загадочное и немного неприличное.

Мистер Банерджи побывал во внешнем мире. Дважды в своей жизни он совершил путешествия, добираясь даже до самого Дели. Он был единственным человеком в Камереди, помимо Каспера и Ли, который немного говорил по-английски. Каспер знал несколько слов на урду, относящихся к еде и питью. От мистера Банерджи он узнал, что Ли Тирено прожил в деревне три года. По словам мистера Банерджи, Ли прибыл откуда-то из Европы, однако ни к какой нации не принадлежал. Он магическая личность, и к нему нельзя прикасаться.

— Вы не должны прикасаться, — повторил мистер Банерджи, пристально глядя на Каспера

своими близорукими глазами. — Нигде.

Юные дочери мистера Банерджи захихикали и принялись отдирать кожицу с листьев подорожника, прежде чем засунуть их кончики в свои красные рты.

Магическая личность. Каким же образом Ли мог быть волшебной личностью? Каспер спросил об этом. Мистер Банерджи, как истинный мудрец, покачал головой, но объяснять ничего не стал, да и наверняка не смог бы объяснить.

Те, кто толпами устремлялся в Монюмент-Вэлли, люди, которые заказывали места на вершине плоской столовой горы или стояли, держа в руках видеокамеру, на крышах автобусов, испытывали кое-какие сомнения относительно магических способностей Ли Тирено. Их привлекала в первую очередь публичность. Они были заражены вирусом очковтирательства, происходящим из Нью-Йорка или Калифорнии. Они верили в то, что Ли был мессией.

Иначе с какой стати им реагировать на него?

Они собрались в Монюмент-Вэлли, потому что всех сильно задело известие о предстоящей перемене пола.

Или потому, что туда собрались их соседи, и они последовали их примеру.

— Ну и адское местечко, — говорили они.

* * *

Когда солнце начало клониться к закату, темнота обняла Камереди нежными объятиями старого друга — особая, присущая горам темнота, которая является редкой разновидностью света. Ожили крупные ящерицы, повылезали из своих потайных мест юркие гекконы. Тьму огласили трели козодоя, неизменный атрибут старинной романтики. Из домов потянуло запахом зажженных керосиновых ламп. В воздухе заструились ароматы вареного риса и жареной козлятины с карри. Ночные запахи поочередно отличаются то теплом, то холодом, они в чем-то похожи на прикосновение мокрых рук к коже. Крошечный мирок Камереди становится на какой-нибудь час чувственным местом, тайной солнца. Но вскоре все засыпает, чтобы просуществовать в другом мире до того мгновения, как тишину нарушит петушиный крик.

В этот потаенный час Ли пришел к Касперу Трестлю.

Каспер почти лишился дара речи. Он полусидел, полулежал на чарпое, подперев рукой голову. Ли стоял рядом и смотрел на него, его улыбка

была такой же загадочной, как и улыбка Будды.

— Привет! — произнес Каспер.

— Также и тебе, — отозвался Ли.

Каспер попытался принять сидячее положение. Он смотрел на своего гостя, не в силах произнести хотя бы еще одно слово.

Ли, не тратя времени на вступление, сказал:

— Ты пробыл во вселенной достаточно долго, чтобы понять малую часть его деяний.

Каспер утвердительно кивнул.

— Ты пробыл в деревне достаточно долго, чтобы понять малую часть его деяний. — Пауза. — Поэтому я тебе кое-что расскажу.

Слова Ли показались Касперу весьма странными, несмотря на то что большую часть жизни его окружали странные люди.

— К тебе нельзя прикасаться. Почему?

Губы Ли задвигались, и с них слетела особая, им одним присущая музыка, отдельная от произносимых им звуков.

— Потому что я — сон. Я могу быть твоим сном. Если ты прикоснешься ко мне, то сразу же проснешься. Тогда… где тогда ты окажешься? — Он издал еле различимый холодный звук, почти похожий на человеческий смех.

— М-м-м… — промямлил Каспер. — Наверное,

в Нью-Джерси…

После чего Ли продолжил рассказ о том, о чем хотел сообщить. Он рассказал, что жители Камереди и нескольких других соседних деревень — это отдельная разновидность раджпутов. В их среде бытовала одна легенда. Их отделили от остального своего народа неким особым сном. Сон этот приснился четыре столетия назад. Его до сих пор трепетно почитают, и он носит название Сон Великого Закона.

— Подобно тому, как житель Камереди почитает своего отца, — сказал Ли, — он еще в большей степени почитает Сон Великого Закона.

Четыре столетия назад здесь, в Камереди, умирал некий святой человек, садху. За несколько часов до кончины он увидел во сне несколько законов. Садху был занят тем, что пересказывал их своей дочери, когда к нему пришла смерть, наряженная в глубокую тень, чтобы отнести его в царство Вишну. Благодаря своему благочестию дочь святого старца обрела особую волшебную силу и сумела договориться со смертью.

Дух старца покинул его бренное тело. Смерть стояла над ним и его дочерью, когда та уговорила мертвого отца до конца досказать ей законы, привидевшиеся ему во сне. И лишь тогда изо

рта покойного вырвалась струйка легкого пара. Он вскрикнул. Уста его запечатались бледной печатью смерти. В следующий час старец был похоронен. Но прежде чем прозвучали заупокойные молитвы, а тело было предано земле, оно мгновенно начало разлагаться. Так люди узнали, что в их среде произошло чудо.

Однако дочь продолжала повторять законы, услышанные от отца.

Ее голова превратилась в голову слона. В обличье мудрого животного она собрала перед собой всех жителей деревни. Все они занимались самобичеванием и семь дней держали пост, пока она пересказывала им заповеди Великого Сна.

С тех пор эти люди следуют законам Великого Сна.

Законы определяют их жизнь и поступки. Законы имели отношение к мирским делам, а не духовным, потому что если правильно соблюдаются мирские дела, то столь же неукоснительно соблюдаются и духовные.

Эти законы учили людей жить в гармонии и согласии с членами своих семей и с остальными окружающими их людьми. Законы учили их проявлять доброту к чужестранцам. Законы учили их презирать мирские вещи, в которых они не

испытывали необходимости. Законы учили их выживать.

Этим законам прежде всех прочих законов они строже всего следовали в течение четырех веков, последовавших за смертью садху. В законах, например, говорилось о дыхании и о воде. Дыхание является духом человеческой жизни, вода — духом всей жизни. Они учили тому, как нужно хранить воду, и тому, какое малое ее количество требуется человеку для повседневных нужд, и сколько ее нужно тратить на животных и растений. Законы учили, как готовить пищу, используя минимальное количество риса и топлива, и как следует питаться, чтобы не вредить здоровью, и как пить, чтобы потреблять умеренное количество воды и получать при этом удовольствие.

В том, что касалось умеренности, законы утверждали, что счастье часто состоит в молчании человеческих языков. Счастье имело огромную важность для человеческого здоровья. Счастье имело чрезвычайную важность для женщин, ведавших семейным очагом.

В законах говорилось об опасности для женщин чрезмерного деторождения, что увеличивало число голодных ртов. Законы требовали от женщин

находить на дне реки камешки определенного размера и формы, которые те должны были вставлять в свои йони, чтобы воспрепятствовать зачатию. Гладкая поверхность камешков, принесенных в реку вместе с тающими снегами Гималаев, и их размеры описывались с идеальной точностью.

Нагота преступлением не считалась, ведь перед богами все люди ходили абсолютно голыми.

Подробно оговаривалось и поведение. Две доблести, утверждали эти законы, созданные для человеческого счастья, надлежало внушать людям с самого раннего возраста: самопожертвование и прощение.

Люби тех, кто рядом с тобой, и тех, кто находится далеко от тебя, внушали законы. Тогда сможешь возлюбить и самого себя. Люби богов. Никогда не криви душой перед ними, иначе обманешь самого себя.

Вот все, что касалось духовной стороны. Указания по поводу того, как печь лепешки чапати, занимали гораздо больше времени. И наконец, Закон Великого Сна содержал разъяснения относительно деревьев. Деревья надлежало охранять самым бережным образом. Козы не должны обгладывать кору деревьев или поедать молодые

побеги. Ни одно дерево нельзя спиливать, пока оно не достигло столетнего возраста, чтобы пустить его на топливо или использовать в качестве строительных материалов. Для этого могут использоваться лишь макушки деревьев, достигших высоты шести футов. Только таким образом в Камереди и соседних деревушках всегда будет тень и хороший климат. Птицы и звери смогут выжить лишь при таких условиях. Если землю лишить лесов, она неизбежно станет пустыней.

Если люди соблюдают законы природы и заботятся о ней, то и она заботится о них.

Так говорил святой старец в час расставания с этим миром. Так говорила голова слона, эхом вторя его словам.

Пока Ли Тирено рассказывал об всем этом, он, по-видимому, превратился — как он сам утверждал — в сон. Глаза его сделались огромными, ресницы стали похожи на кончики терновых веток, простое его лицо стало мрачным, губы превратились в музыкальный инструмент, исполнявший музыку мудрости.

Он сказал, что после того как дочь садху изрекла головой слона Сон Великого Закона, обитатели Камереди неукоснительно следовали всем этим предписаниям. А вот в соседних деревнях люди,

узнав об этих законах, следовать им не стали. Они вырубили леса, жадно пожирали пищу, наплодили кучу вечно голодных детишек. Жители Камереди зажили счастливо, тогда как их менее дисциплинированные соседи вскоре вымерли и были забыты в быстротекучем потоке времени.

— А как же секс? — спросил Каспер.

— Секс и воспроизводство потомства — дар Шивы, — спокойно и ласково ответил Ли. — Это наша защита от разрушения. — Он улыбнулся Касперу красивой печальной улыбкой и покинул дом Банерджи, легко и изящно исчезнув в темноте. Вслед ему пропел свою песню печальный козодой. Сама ночь свила гнездо на его изящном стройном плече.

— Вы хотите устроить действо, в котором два безумных человеческих существа спят вместе? — Этот вопрос был задан в рекламном агентстве на Пятой авеню в Нью-Йорке в разгар тридцатых годов. Новое время продаж в универмаге «Мейсиз».

— Мы говорим о геях, лесбиянках или о ком-то еще?

— Неужели они придумали какую-то новую разновидность этого занятия? Какой-то экономный вариант?

— Забудьте об этом, вы увидите, как люди

каждую ночь совокупляются у себя дома, в безопасных, надежных стенах своей собственной квартиры.

— Они не только совокупляются, эти двое. Они намереваются увидеть самый главный сон.

— Вы сказали — сон? Вы хотите арендовать Монюмент-Вэлли только для того, чтобы какая-то парочка чудаков увидела сон? Убирайтесь отсюда вон!

Из пруда вылез голый Ли. По его спине и длинным ногам струились ручейки воды. Волосы на лобке были похожи на паутину, набрякшую от утренней росы. Каспер с трудом заставил себя не смотреть на него. Он задрожал, неспособный внятно объяснить, что с ним происходит. Испытывал ли он когда-нибудь раньше такое сильное желание?

Глядя в траву, чтобы проверить, нет ли там плодов личи, Ли усаживается на камень. Он выжимает одной рукой воду из волос. Удовлетворенно вздохнув, зажмуривает глаза. Затем поворачивает свое безупречное лицо к солнцу, как будто хочет вернуть ему его свет.

— Ты настоящий путаник, Каспер. Это место должно помочь тебе сделаться лучше, измениться — обрести внутреннюю гармонию.

Он впервые заговорил в такой манере.

— Два закона сна, — переменил тему разговора Каспер. — Это ведь типичная индийская туфта, верно? В глубине сознания у нас у всех есть ощущение того, что когда-то было главное золотое время, когда всем нам было хорошо, возможно, в самом раннем детстве.

— Но не мне. Великий Сон представляет собой именно такое время для всего сообщества. Мы с тобой, мой печальный Каспер, происходим из той культуры, в которой все — почти все — было утрачено. Потребление вместо общения. Дух наживы вместо удовлетворения. Разве не так?

Стоя неподвижно и тайно созерцая обнаженное тело Ли, Каспер ответил:

— Мне было нечего потреблять.

— Но ты хотел этого. Вы все хватаетесь за сердце, Каспер! — Ли неожиданно приподнялся, все еще не открывая глаз. — Разве ты не помнишь, как у тебя дома все постоянно ели, ели так, что едва могли дышать? Дыхание жизни! Как, несмотря на сентиментальный культ детей, к малышам относились с полным равнодушием, как их били, как учили только плохому?

Каспер кивнул.

— Конечно, помню. — С этими словами он ука-

зал на шрам на своем плече.

— Там люди плохо знают самих себя, Каспер. Они не могут сделать глубокий вдох и познать себя. Знанием-то они, конечно, обладают — фактами. Мудрость же им недоступна. Многие просто помешаны на сексе. Женщины попадают в ловушку мужского тела, тысячи мужчин-геев мечтают о том же самом. Человечность обратилась в скверную мечту, отвергается духовность, человек идет на поводу у своего «я», становясь рабом животных инстинктов.

Ли открыл глаза и внимательно посмотрел на Каспера. В ветвях соседнего баньяна насмешливо ворковали голуби.

— Я теперь уже не такой чудак, каким был раньше, — не нашел ничего другого сказать в ответ Каспер.

— Я оказался здесь, дабы развивать то, что было во мне заложено. Если ты отправляешься в слишком далекое путешествие, то открываешь для себя свою прежнюю суть.

— Верно. Это вроде того, что я немного прибавил в весе.

Ли, похоже, оставил его замечание без внимания.

— Подобно дыханию, которое происходит

автоматически, такими же автоматическими являются и архетипы. Я понял, что именно они, стоит нам только это позволить, управляют нашим поведением. Что-то вроде автоматической реакции.

— Это выше моего понимания, Ли. Говори понятнее, хорошо?

— Ты все понимаешь, — ласково улыбнулся Ли. — Ты понимаешь, но отвергаешь то, чего не знаешь. Попытайся подумать об архетипах, как о личностях хозяина — и хозяйки, — таких, с какими ты встречался в сказках. Например, в «Красавце и чудовище». Они руководят нашим поведением подобно тому, как главная программа управляет работой компьютера.

— Да ты совсем как ребенок, Ли! Скажешь тоже, сказки!

— В западной культуре архетипы возникли случайно. Потому-то они и враждуют с нашим поверхностным мышлением. Мы нуждаемся в них. Архетипы устремляются к высотам утонченной и великой музыки. В противоположном направлении они устремляются к почве нашего естества, в загадочные царства за границами языка, где постичь их может лишь наше спящее «я».

Каспер почесал в паху. Его смутило то, что с ним

разговаривают как с образованным человеком. Подобное случалось с ним чрезвычайно редко.

— Я никогда ничего не слышал об архетипах.

— Но ты встречался с ними во сне — те личности, которыми ты являешься и в то же время не являешься. Незнакомцы, которые тебе известны.

Теперь Каспер почесал не пах, а подбородок.

— Ты думаешь, сны настолько важны? Ли ласково рассмеялся.

— Эта деревня является доказательством того, что они на самом деле важны. Если бы только… если бы только нам с тобой каким-то образом мог присниться Сон Великого Закона. Ради блага всего человечества.

— Ты хочешь сказать… нам с тобой, когда бы мы спали вместе? Ты же этого не допустишь! К тебе же нельзя прикасаться!

— Возможно, недопустимы лишь плотские прикосновения… — Ли соскользнул с камня на землю и встал перед Каспером.

— Попробуй, Каспер! Спаси себя. Выпусти себя на свободу. Пусть все изменится. Это легче, чем ты думаешь. Перестань цепляться за кокон куколки, стань полной бабочкой!

Каспер Трестль взял с собой вяленого мяса и фруктов и поднялся в горы, возвышавшиеся над

Камереди. В горах он и остался, и думал там, и испытал там то, что называется видениями.

Какое-то время он постился. Затем ему показалось, будто кто-то прошел мимо него и скрылся в чаще леса. Кто-то, кто был мудрее его. Кто-то, кто знал то, что было еще неподвластно его пониманию. Его мысли, которые вовсе не были мыслями, вытекали из него, как вода.

Каспер увидел себя в спокойной глади пруда. Волосы у него отросли до лопаток, он был бос.

Именно это он сказал себе, собирая вместе осколки раздумья в ткань своего разума:

— Он так красив. Он, должно быть, воплощенная Истина. Я же всего лишь обманщик. Я испортил всю свою жизнь. Я испортил ее ради себя. Нет, наконец-то я должен взять на себя хотя бы часть вины. Только так я смогу управлять собой. Мне не нравится быть жертвой. Хватит с меня этого. Я хочу стать другим. Я тоже могу стать красивым, стать чьим-то сном…

Я пребывал в неправильном сне. В глупом, снисходительном сне времени. В презренном сне о баснословном богатстве. Это духовная нищета.

Со мной что-то случилось. С сегодняшнего дня, с этой минуты и впредь, я буду другим.

Ну хорошо, я лгу, но я стану другим. Я изменюсь.

Я уже меняюсь. Я становлюсь полной бабочкой.

Спустя несколько ночей он узрел — пусть даже и облаченную в лохмотья — красоту. Он обхватил себя руками. Сидевшие в пруду лягушки проквакали о том, что ночи нет.

Каспер принялся танцевать на берегу пруда.

— Изменитесь, лягушки! — взывал он. — Если я это могу, то могут и все остальные.

Так и случилось.

Где-то вдали, в тот миг, когда луна опустилась в благожелательную утробу гор, до его слуха донесся отчаянный рев, как будто в пустынных болотах насмерть сошлись какие-то живые существа.

Из охрипших глоток машин вырывались пары сжигаемого дизельного топлива. Наступал новый рабочий день компании «Генман Тимбер». Из столовой вышла группа мужчин в джинсах и плотных головных уборах. Затоптав окурки сигарет в грязь, они направились к своим тракторам и бензопилам. Вчера они расчистили четыре квадратных километра леса в горах неподалеку и чуть выше Камереди.

Лагерь рабочих «Генман Тимбер» представлял собой полукруг, состоявший из передвижных домиков. Ревели генераторы, вырабатывая электричество и приводя в действие кондиционеры.

Мощные самоходные краны, перевезенные в этот далекий край за внушительную сумму денег, переносили сваленные деревья на грузовики.

Предстояло вырубить еще очень много деревьев. Деревья стояли молча, ожидая той минуты, когда в них вонзятся металлические зубы пил. В надлежащее время, вдали от Гималаев, они превратятся в различные предметы мебели, которые будут продаваться в расположенных посреди чиста поля магазинах-салонах за пределами Руана и Атланты, Мюнхена и Мадрида. Некоторые из них станут ящичной тарой для апельсинов из Тель-Авива, винограда из провинции Кейп, чая из Гуанчжоу. Другие обретут форму строительных лесов для небоскребов, возводимых в Осаке, Пекине, Будапеште и Маниле. Или же станут материалом для предназначенных туристам статуэток, которые будут продаваться в магазинчиках Бали, Берлина, Лондона, Абердина, Буэнос-Айреса.

В лагере компании «Генман Тимбер» день еще только начинался. Из пелены тумана медленно поднималось солнце. Из динамиков на всю округу разносились звуки рок-музыки. Бригадиры изрыгали брань. Мужчины или сурово молчали, приводя в движения свои машины, или пере-

брасывались шутками, чтобы как-то оттянуть наступление той минуты, когда им придется отправляться в лес.

Завелись толстобрюхие бензовозы. Генмановские бульдозеры с болезненной грацией животных покатили, распахивая грязь, вперед на своих гусеничных траках, направляясь к своим рабочим местам.

Весь лагерь представлял собой настоящее море жидкой грязи.

Скоро с хрустом повалятся на землю деревья, обнажая слои древней латеритовой почвы. Кто-то получит благодаря этому огромные прибыли — где-нибудь в Калькутте, Калифорнии, Японии, Гонолулу, Аделаиде, Англии, на Бермудских островах, в Бомбее, Зимбабве и так далее.

Все пришло в движение. А потом начался дождь, принесенный тучами откуда-то с юго-востока.

— Проклятие! — чертыхаются рабочие, но работу не прекращают. Каждый помнит о той личной выгоде, которая она ему приносит.

Обновленный Каспер спал. Ему снился кошмарный сон, не похожий ни на какой другой сон. Поскольку жизнь похожа на сон, то этот сон был похож на жизнь.

Он огнем жег ему мозг. Каспер проснулся до рассвета и направился в самую чащу леса. Дорога, по которой он шагал, вела вниз. Два дня и две ночи он ничего не ел. Он видел старинные дворцы, медленно погружающиеся в жидкую грязь подобно ярко освещенному океанскому лайнеру, который уходит на дно моря в арктических широтах. Он видел, как мир заполняют разные вещи, как на свет появляются гигантские ящерицы. Глаза янтарного оттенка, глаза лазурно-голубые, бронзовые груди украшали его путь. Каспер вернулся в Камереди и с удивлением обнаружил, что там все нещадно разграблено.

То, что раньше являло собой гармоничную во всех отношениях деревушку, где мирно жили и люди, и животные — теперь он знал, какая это редкость и ценность, — перестало существовать. Все куда-то исчезло. Мужчины, женщины, животные, куры, жилища, река — все это исчезло.

Казалось, будто Камереди вообще никогда не существовало.

Дожди перестали выпадать над Камереди. Дожди выпадали в более высоких широтах. Когда не стало деревьев, расположенные высоко в горах над деревней реки вышли из берегов. Потоки грязи устремились вниз, и ничто не могло устоять

перед этой холодной лавой.

Жители Камереди оказались не готовы к такому повороту событий. В Сне Великого Закона не было ни слова о том, как вести себя в подобных обстоятельствах. Люди тонули в жидкой грязи, не в силах сопротивляться мощному напору неукротимой стихии.

И Каспер увидел самого себя, увидел, как шагает по осквернённой земле, глядя на тела, выраставшие из липкой жижи подобно бесформенным клубням. Он увидел, как падает в обморок.

В Монюмент-Вэлли полным ходом шло строительство гигантского стадиона. Заказы на еще не законченные места поступали постоянно. Вовсю строились аварийные дороги. В спешном порядке сооружались дорожные указатели, вывески, переносные туалеты. Вашингтон выразил обеспокоенность происходящим. Был замечен бурный рост всевозможных крупномасштабных афер. Лига Коренных Американских народов устраивает митинги протеста.

Широко известный итальянский художник обтягивает одну из столовых гор бледно-голубым пластиком.

Когда Каспер пробудился ото сна, все знание

как будто оставило его. Он огляделся по сторонам. В комнате было темно. Отчетливо можно было разглядеть лишь Ли Тирено. Ли стоял возле чарпоя и как будто светился.

— Привет! — прошептал Каспер.

— Также и тебе! — ответил Ли. Они посмотрели друг на друга, как на летние пейзажи с бескрайними полями кукурузы.

— Послушай, а как же секс? — спросил Каспер.

— Это наша защита от разрушения.

Каспер откинулся на спину и задумался над происходящим. Как будто читая его мысли, Ли произнес:

— Нам известно, что ты был в горах. Я знаю, что тебе приснился кошмарный сон. Я пришел с четырьмя женщинами. Это они принесли тебя сюда. Ты в безопасности.

— В безопасности?! — вскрикнул Каспер. Неожиданно разум его прояснился. Он поднялся с лежака и направился к двери. Он был в доме мистера Банерджи, и дом этот остался цел, а дочери мистера Банерджи остались живы.

Над мирной деревней восходило солнце. Между домами сновали куры. Дети играли со щенком, мужчины сплевывали сок от пережеванного бетеля. Возле места дхоби подобно статуям застыли

в неподвижности женщины.

Никакой грязи. Никаких тел, погребенных под слоем жидкой лавины.

— Ли, я видел сон, реальный, как сама жизнь. Как жизнь во сне, так и мой сон был настоящей жизнью. Я должен рассказать о нем мистеру Банерджи. Это предупреждение. Люди должны забрать с собой всю живность и перебраться в безопасное место. Но поверят ли они мне?

Лишь через месяц они нашли новое место. Оно находилось в трех днях пути и было обращено на юг, если посмотреть вниз с возвышенной части плодородной долины. Женщины жаловались на то, что подъем очень крут. Но в новом месте было безопасно. Здесь была вода и тень. Здесь росли деревья. Мистер Банерджи и другие его соплеменники отправлялись в город и привозили оттуда цемент, который выменивали на скот. В новом месте они отстроили Камереди заново. Женщины жаловались на то, что новая река очень глубока. Козы поедали цемент и заболевали.

Как-то вечером, когда звезды светились подобно алмазной россыпи, а луна над Камереди округлилась настолько, что разродилась светом, древняя старуха с бриллиантом в носу начала вещать во всеуслышание строки Закона Велико-

го Сна. Мало-помалу новое место превратилось в привычный Камереди. Мальчишки, которых вместе с собакой отправили на разведку туда, где раньше находилась деревня, вернулись с рассказом о том, что старое место уничтожено мощным грязевым потоком, как будто земля извергла его из глубин своих.

Все бросились обнимать Каспера. Ему приснился вещий сон. Жители деревни устроили праздник по поводу спасения от неминуемой гибели. Целые сутки в деревне пили спиртное и веселились. Каспер в это время лежал в объятиях обеих дочерей мистера Банерджи. Их руки и ноги переплелись с его руками и ногами, их тепло сливалось с его теплом, их соки — с его соками.

В свои йони юные леди поместили гладкие камешки, как это предписывалось законами. Каспер потом оставил эти камешки себе на память, в качестве сувениров, в качестве трофеев, в качестве священных свидетельств благословенных событий.

Ли Тирено исчез. Никто не знал, где он и что он. Он отсутствовал так долго, что Каспер понял, что может жить и без него. После того как новая луна вызрела, а затем пошла на убыль, Ли вернулся. У него сильно отросли волосы, а одно плечо было

перевязано ленточкой. Глаза были подкрашены, губы обрели неестественно яркий оттенок. Он был одет в сари, под которым заметно округлилась грудь.

— Привет! — поздоровался Ли.

— И тебе также! — ответил Каспер, вытянув навстречу руки. — Жизнь в новой деревне Камереди идет теперь по-новому. Все изменилось. Я сам изменился. Стал полной бабочкой. А ты выглядишь еще краше, чем прежде.

— Со мной тоже произошли изменения. Теперь я — женщина. Вот такое открытие мне довелось сделать. Мне просто снилось, что я мужчина. Для меня это был неправильный сон, но мне наконец удалось пробудиться от него.

К своему великому удивлению, Каспер удивился вовсе не так, как мог бы. Он постепенно привыкает к сказочной жизни.

— И у тебя есть йони?

Ли приподнимает сари. У нее действительно имеется йони, спелая, как гуава.

— Она замечательная. И как же теперь дело обстоит с сексом?

— Это наша защита от разрушения. Это дар Шивы. Но он также может и разрушать. — Она улыбнулась. Голос у нее теперь был нежнее обыч-

ного. — Я уже говорила тебе. Будь терпеливым.

— А что стало с твоим лингамом? Отвалился?

— Уполз куда-то в лес. Там, в лесу, у меня впервые случились месячные. Было полнолуние. Там, где на землю упали капли моей крови, выросло дерево гуавы.

— Если я нашел это дерево и съел его плод…

Он попытался прикоснуться к ней, но она отступила назад.

— Каспер, забудь хотя бы ненадолго о своих личных делах. Если ты действительно изменился, то ты способен заглядывать дальше своих личных горизонтов в новые, более широкие и величественные.

Касперу стало стыдно. Он опустил глаза, устремив взгляд на землю, по которой ползали муравьи, как ползали еще до того, как боги проснулись и раскрасили голубой краской себе лица.

— Прости меня. Говори, что нужно делать. Будь моим садху.

Ли уселась прямо посреди муравьиного царства в позу лотоса.

— Вырубка леса в горах. Этим занимаются из корысти, а не из необходимости. Это нужно остановить. И не только вырубку, но и все то, что

она означает в материальном мире. Презрение к величию и благородству природы.

Для Каспера эти слова прозвучали приказом. Но когда он пожаловался, Ли холодно сказала, что вырубка незначительна, а природа огромна.

— Мы должны вместе увидеть сон.

— Как же это сделать?

— Могучий сон, необходимый для того, чтобы изменить много больше, чем маленькая деревушка Камереди, больше, чем мы сами. Целительный, совместный сон. Ведь мы видели сон порознь, и все равно нам многое удалось. Все эти мужчины и женщины видят сны по отдельности, всегда по отдельности. Мы же увидим сон вместе.

— Прикасаясь друг к другу?

— Ты все-таки должен измениться. Изменение — непрерывный процесс. На пути к совершенству нет комнат отдыха.

От этих чудесных слов сердце Каспера было готов выскочить из груди от страха и надежды.

— То, что ты понимаешь… я боготворю тебя.

— Когда-нибудь я тоже буду боготворить тебя.

Для контроля над собравшимися толпами пришлось привлечь особые подразделения Национальной гвардии. Половина Юты и Аризоны была ограждена кордонами из колючей прово-

локи. Были созданы посты для противодействия экстремистской деятельности. Вашингтон до смерти устал от снотворцев. Танки, грузовики и бронетранспортеры патрулировали местность во всех направлениях. Были сооружены специальные подвесные дороги. По ним с ревом проносились на мотоциклах вооруженные полицейские, получившие приказ при первых признаках общественных беспорядков открывать огонь и поливать пулями беснующиеся внизу толпы. В воздухе над Монюмент-Вэлли, надсадно грохоча, барражировали тяжеловооружённые вертолеты.

Они контролировали растянувшееся во все стороны место, испещренное отметками внутреннего пейзажа маниакальной депрессии.

— Как будто снимают кино о войне, которое сделает ненужными новые фильмы о войне, — сказал кто-то.

Пользоваться личным автотранспортом запретили. Машинами были забиты исполинские автостоянки, отодвинутые далеко на север, до самого Блендинга, штат Юта, на востоке — до Шипрока, штат Нью-Мексико, и на юг — до Тьюба-Сити, штат Аризона. Индейцам хопи и навахо крупно повезло, народ валил валом. Как грибы

после дождя выросли бесчисленные кафе, бары и рестораны. Вдоль разрешенных к пользованию автострад появилось множество всевозможных увеселительных заведений. На многих из них красовались разного рода гигантские изображения Ли Тирено в самом привлекательном ее обличье, особенно над будками с призывными надписями вроде «Измените гипнозом ваш пол — АБСОЛЮТНО БЕЗБОЛЕЗНЕННО!». Нигде не говорилось ни слова о Каспере Трестле.

Как же славный народ пихал друг друга локтями, торопясь на представление! В плотной человеческой массе было жарко, испаряющийся пот над толпами поднимался подобно облаку тумана, и дух болезней парил над поднятыми плечами. Для бактерий настали лучшие времена. Для бесчисленных горожан, не привыкших проходить пешком более квартала, четверть мили становились нешуточным испытанием, и они пачками валились без сознания на землю и быстро доставлялись в полевые медицинские пункты. Плата за отдых подскочила до 25 долларов за час. Кто-то на ходу пел, кто-то заходился в рыданиях — в зависимости от вкуса. В толпе шныряли карманники, толкая локтями всевозможных новоявленных евангелистов. Проповедники

оглашали воздух то осанной, то проклятиями. Лишенным привилегий гражданам, понабивавшим волдырей на ступнях, было нетрудно поверить в то, что близок конец света или по крайней мере таковой возникает в поле зрения, восставая из моря необозримых людских бедствий, разновидности «Челюстей» из преисподней или что вселенная может превратиться в крошечную белую точку, подобную той, что возникает на экране телевизора хмурым утром где-нибудь в Бронксе, часа в два, когда вы его выключаете. Как знать, может быть, конец — не самое худшее. Видимо, думая именно об этом, довольно большое число взрослых людей тянулось бесконечной вереницей, как стадо коров, жуя на ходу закуски из фастфудов и запивая еду подслащенными напитками. Какая-то толстуха, стиснутая со всех сторон потными жаркими телами, страдала одновременно от давки и полного желудка. Ее крики, когда она катилась кувырком среди шагающих ног, утонули в аккордах музыки негритянских гетто, вырывающихся из огромного количества транзисторов. Все отверстия оказались закупоренными. Таков был закон. По крайней мере никто не курил. Покачивающиеся из стороны в сторону кепки в гуще толпы указывали на то,

что есть в море человеческих голов и дети, и маленькие, и большие подростки — они пытаются протиснуться впереди остальных, кричат, истошно вопят, грызут на ходу попкорн. Сотни тысяч ног втаптывали в землю разного рода пестрые картонки и обертки из неразлагающихся полимерных материалов вместе с падающими телами, комками розовой жевательной резинки, бесформенными предметами одежды, выброшенными использованными тампонами, потерянными подметками. Это было событие, достойное освещения в СМИ, такое же кассовое мероприятие, что и «Всемирные серии».

Каспер привел весь этот гигантский план в движение. Теперь он отвечал не только за себя и Ли. Человеческая природа была неподвластна ему. Он стоял посредине арены шириной в целую милю, где Джон Уэйн когда-то сломя голову несся верхом на коне. Рядом с ним был мистер Банерджи, напуганный оглушительным взрывом всеобщего внимания.

— И скажите, получица это у нас? — спросил он Каспера. — Или будет насилие.

Но в шесть вечера, когда тени гигантских столовых гор удлинились и стали похожи на нависший над миром тупой зуб, раздался удар колокола, и

воцарилось всеобщее молчание. Легкий ветерок, пришедший на смену жаре, остудил многочисленные разгоряченные человеческие подмышки. Бледно-голубой пластик, в который была укутана одна из гор, негромко зашуршал. Все остальное наконец затихло, и тишина настала такая, какой она была за тысячелетия до того, как появилось человечество.

В самом центре арены стояла огромного размера кровать. Ли замерла в ожидании у ее края. Она без всякого кокетства сняла одежду и повернулась кругом, чтобы все могли видеть, что она женщина. Затем забралась на кровать.

Каспер тоже разделся и тоже повернулся кругом, чтобы все видели, что он мужчина, и, забравшись на кровать, лег рядом с Ли и прикоснулся к ней.

Они обнялись и уснули.

Нежно заиграла музыка, исполняемая Бостонским оркестром популярной музыки. Это был вальс из «Спящей красавицы» Чайковского. По мнению организаторов мероприятия, именно эта композиция идеальным образом соответствовала моменту. Женщины из числа миллионной аудитории заплакали, дети впали в нетипичную для них серьезность и притихли. Собравшиеся

во всем мире перед экранами телевизоров люди плакали и изрыгали содержимое желудков в пластмассовые тарелки.

Нашим героям снился древний сон, проистекавший из древней коры головного мозга. Те существа, которые шагали по древним гобеленам полей, были одеты в жесткие и неудобные архаичные одежды. Этим персонажам была дарована спокойная власть над человеческим поведением. Спокойная архетипическая власть.

До секса была жизнь, устремленная, подобно струе родниковой воды, ввысь. С возникновением сексуального воспроизводства потомства возникло и сознание. До появления сознания главенствовали сны. Такие сны образовывали язык архетипов.

При возникновении технологической цивилизации эти древние персонажи были пренебрежительно отринуты. Герой, воин, матрона, дева, волшебник, мать, мудрец — их тропы наконец разошлись, чтобы посеять разногласия в человеческих жизнях. В беспорядке были прожиты миллиарды человеческих жизней: в войнах, разграблениях, мысленных муках, страхе… Но Ли Кас на языке сна поклялся этим силам повернуть время вспять и взамен попросил — кажется, —

чтобы мужчины и женщины не переступали законов… чтобы жить в лучших снах…

Каспер выкарабкался из многослойного кокона сна. Он лежал, пребывая в полной неуверенности в самом себе, не зная, где находится. Произошло многое, это он знал: сдвиг в сознании. Темноволосая голова женщины по имени Ли лежала у него на груди. Открыв глаза, Каспер увидел над собой импрессионистских оттенков небо, в котором красно-коричневого оттенка полотнища заката с сумасшедшей скоростью плескались на ветру от ближней до самой дальней линии горизонта.

Движимый инстинктом, Каспер ощупал себя между ног. Его рука коснулась пушистого гнезда, в котором обнаружились губы. То, что они беззвучно сообщили ему, было для него необычным и новым. Он на мгновение задумался о том, что, быть может, пребывая еще во власти сна, мог просто ошибиться. Его рука осторожно и нежно заскользила вверх к груди… своей женской груди…

Когда Ли открыла глаза, цвет который заставлял вспомнить о свежем меде, и посмотрела на Каспера, взгляд их был где-то далеко. Ее губы медленно растянулись в улыбке.

— Также и тебе, — произнесла она, и ее палец

скользнул в йони Каспера. — Что ты скажешь о защите от разрушения?

Публика в огромном количестве начала расходиться. Самолеты подобно орлам устремились к своим гнездам. В разные стороны покатили танки. Итальянский художник взялся сворачивать пленку с горы. Мистер Банерджи, вообразив, что слышит, как машины, занимающиеся распиливанием деревьев, умолкли в далеких лесах, сел на край своей кровати, чтобы закрыть рукой близорукие глаза и заплакать от радости — радости, которая остается жить даже в самом сердце печали.

Погруженные в свои мысли близорукие массы людей расходились во все стороны. Сон возымел действие. Никто не толкался. Что-то в их одинаковых позах, опущенных головах напоминало фигуры, изображенные на древних фризах. То здесь то там щека, глаз, лысина отражали имперские краски неба, случайные оттенки желтого, означающие счастье или боль, оттенки красного — означающие огонь или страсть, синего — ничтожность или раздумье. Не осталось ничего, кроме земли и неба, навсегда в несогласии, навсегда в единстве. Ввысь вздымались горы, являя собой бархатистые древние цитадели, возведен-

ные без участия человеческих рук в память о далеком времени.

Хотя расходившиеся по своим делам бесчисленные массы людей хранили молчание, сомкнув губы, из их рядов все равно доносился какой-то невнятный монотонный шум.

Это была тихая, печальная музыка человечества. Умирание дня принесло с собой удивительно темные цвета и оттенки. Это был закат: рассвет новой эры.

Самый белый Марс

Сократовский Аналог о грядущих временах

Она: Мы хотим познакомить вас с историей развития Марса, рассказать о том, как мы развивались духовно. Это великая и удивительная история, история того, как человеческое общество понимает и воспроизводит себя. В тот момент, когда я говорю с вами с Марса, моя земная аватара рассказывает вам все это с нашей старой отеческой планеты. Давайте обратим умы к тем временам, когда еще не настали все эти грандиозные и всеобъемлющие изменения, к веку Отчуждения, когда человечество еще не успело ступить на поверхность соседних с Землей планет.

Он: Итак, вернемся в далекий двадцать первый век на бесплодную планету Марс. Первые люди, высадившиеся на ней, обнаружили пустой, скудный мир, на котором не оказалось никаких воображаемых существ вроде тех, коими люди в своих фантазиях населяли Землю: призраков, длинноногих зверей, вампиров, эльфов и фей — всех этих фантастических созданий, прочно

внедрившихся в человеческую жизнь, этих порождений темных лесов, старых заброшенных домов, первобытного разума.

Она: Вы забыли богов и богинь, богов Древней Греции, давших названия многим созвездиям, Ваала, Исиду и богов древних римлян, мстительного всемогущего Бога Ветхого Завета, Аллаха — всех этих воображаемых сверхсуществ, которые гипотетически контролировали поведение человечества, прежде чем человечество научилось само контролировать свою жизнь.

Он: Вы правы, я забыл о них. Все они были скрипучими половицами в подвалах сознания, наследием давнего прошлого человечества. Земля была перенаселена как реальными, так и воображаемыми существами. Марс, к счастью, оказался полностью свободен и от тех, и от других. На Марсе можно было все начать заново, с чистого листа. Действительно, мужчины и женщины, прибывшие на Марс, сохраняли в своем воображении множество противоречивых мифов о Красной планете…

Она: Вы, по всей видимости, имеете в виду представления глубокого прошлого. Гипотезу Персиваля Лоуэлла о марсианских каналах и вымершей цивилизации. Я до сих пор испыты-

ваю ностальгию по этой великой теории о закате древней марсианской цивилизации — неверной реально, но правильной в воображаемом смысле. А еще «Барсум» Эдгара Раиса Берроуза…

Он: И все ужасы, которые человечество давным-давно придумало об обитателях Марса — вторгшиеся на Землю кровожадные марсиане Герберта Уэллса и совсем не похожие на них марсиане из «Малакандры» Клайва Льюиса.

Она: Жизнь, как вы понимаете, неизменно полна самых невероятных, я бы сказала, фантастических предрассудков. Все они — признаки несостоятельности нашем собственной жизни.

Он: Но первые люди, прибывшие на Марс, были людьми технологической эры и придерживались уже совсем других воззрений. Они, разумеется, надеялись обнаружить на Марсе хотя бы какую-нибудь разновидность жизни, скорее всего нечто вроде архебактерий. Они вынашивали в своем сознании идею преобразования Красной планеты и превращения ее в некое подобие второй Земли.

Она: После того как людям наконец удалось достичь другой планеты, они решили сделать ее похожей на свою родную Землю! Согласитесь, сегодня это намерение представляется несколько странным.

Он: Они еще не привыкли жить вдали от родной планеты. Преобразование звездных миров по образу и подобию Земли было мечтой любого инженера, делом совершенно новым и увлекательным. Восприятию людей было суждено измениться. Люди стояли на поверхности Марса, впервые осознав величие поставленной перед ними задачи и агрессивность ее сути. Каждая планета имеет свою собственную священную неприкосновенность.

Она: Даже в самые впечатляющие минуты нашей жизни внутри нас начинает вещать голос — это с нами общается наш разум. Перси Биши Шелли первым признал эту двойственность. В стихотворении о Монблане он любуется водопадом и говорит:

Ущелье дивное!
При взгляде на тебя
Впадаю я в подобье сна надолго,
Чтобы мечтам предаться.
Твоей красой заворожен я.
Покорный разум мой послушен миру,
И трепетно готов внимать его влиянью

И взаимопроникновению всей вселенной,

Что окружает нас.

Он: Да, эти слова отражают самую суть человеческого восприятия. Как утверждает феноменология, наш внутренний дискурс формирует внешнее восприятие. Я хочу напомнить вам, что великая марсианская экспедиция была не первой человеческой экспедицией, призванной обнаружить новые миры. У нее тоже возникли трудности с восприятием.

Она: Вы имеете в виду то, как Запад добился успехов в Северной Америке? Безжалостное истребление индейских племен, массовый отстрел буйволов… Разве это не было примитивной формой преобразования природы?

Он: Я имею в виду экспедицию капитана Джеймса Кука на корабле флота Ее величества «Индевор» в так называемые Южные моря. На паруснике водоизмещением всего триста шестьдесят шесть тонн Кук совершил кругосветное путешествие. Помимо прочих научных задач, экипажу «Индевора» надлежало провести наблюдение за прохождением Венеры по диску Солнца. В качестве наблюдателя по праву выбра-

ли двадцатитрехлетнего Джозефа Бэнкса. Бэнкс отличался зоркостью истинного знатока своего дела. Просвещенное Королевское общество считало жизненно важным сделать точные рисунки, иллюстрировавшие письменные отчеты исследователей о сделанных ими открытиях. У художников Бэнкса возникли проблемы. Были сделаны диаграммы ландшафтов и зарисовки образцов флоры и фауны, однако в них невольно закралась художественная манера отдельных рисовальщиков. На создание правильных рисованных изображений коренных народов Океании оказали влияние предрассудки того времени. Александр Бюкен придерживался этнографической точки зрения и рисовал туземцев в манере, свободной от условностей неоклассицизма, тогда как Сидни Паркинсон строго придерживался диктата композиции. На знаменитом полотне работы Иоаганиа Зоффани «Смерть Кука» многие фигуры изображены в классических позах, несомненно, воссоздающих дух древнегреческой трагедии.

Таким образом, незнакомое было приспособлено под вкусы соотечественников и изменено, чтобы соответствовать их предвзятому мнению.

Она: Теперь я понимаю, что вы имеете в виду.

За трудностью овладения неведомым кроется философская проблема, типичная для того далекого столетия. Были ли беды, сопутствовавшие человечеству, вызваны его пренебрежительным отказом от естественного права, или же дело в том, что человечество могло возвыситься над животными лишь дальнейшим своим совершенствованием и отдалением от природы? Что ценнее — изнеженный горожанин или благородный дикарь?

Он: Абсолютно верно. Открытие островов Общества говорило в пользу первого, а Новой Зеландии и Австралии — в пользу второго.

Австралия и Новая Зеландия, когда их пустынные берега впервые предстали взглядам европейцев, в значительной степени подпитали концепцию усовершенствования и прогресса. Когда капитан Артур Филипп в 1788 году основал первую штрафную колонию в Австралии, в местечке Порт-Джексон, он взялся осуществлять типичное для восемнадцатого века преобразование природы. Вырубались деревья, в более безопасные места уходили животные, а также местные жители, и Филипп заявил: «Постепенно расчищаются огромные пространства земли, проводятся границы и просматриваются по крайней

мере перспективы будущей упорядоченности, которые делаются еще более поразительными при осмыслении былого хаоса». Да, прямая линия — отличительная черта цивилизации, капитализма.

Ошеломляющая вера в покорение природы — при некоем удалении от природы, чьей неотъемлемой частью мы являемся — носила главенствующий характер в течение по меньшей мере двух столетий.

Она: Возможно, эта дихотомия восприятия значительно упрочилась благодаря картезианскому дуализму, усматривавшему различие между разумом и телом, против которого предостерегал уже упоминавшийся Шелли. Этакое метафорическое обезглавливание…

Он: В этом я не уверен. Но как знать, может, вы и правы…

Она: Не следует забывать, что вера способна крепко овладеть умами людей, стоит ей проникнуть в самые широкие народные массы. При этом не важно, что она может быть абсолютно ошибочной. Даже в наши дни межпланетных путешествий половина людей по-прежнему свято верит в то, что Солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот. Какие выводы вы извлечете из этого,

кроме того, что невежество обладает большей гравитационной массой, чем мудрость?

Он: Или что мы обладаем более стадным разумом, нежели готовы признать?

Она: И все-таки вернемся к Марсу и тем, кто первым прилетел на него.

Он: Попытайтесь вспомнить, какой была ситуация в те дни. В двадцать первом веке с ростом экономического могущества стран, входящих в сообщество Пакрим, Международная демаркационная линия суточного времени была перемещена в центр Атлантического океана, и американская торговля оказалась отрезана от европейских соседей. Стоимость всех марсианских экспедиций согласовывалась консорциумом, созданным космическими агентствами США, странами Пакрим и Европейского Сообщества. Он именовался давно забытой аббревиатурой ЕВПАКАМ. Однако под свою полную юрисдикцию Марс взяла Организация Объединенных Наций, генеральным секретарем которой в ту пору был Джордж Блай. Стоило человеку ступить на марсианскую почву, как он был обязан подчиняться законам Марса, а не своей страны.

Она: Что ж, разумное условие. Данный урок извлекли из истории с Антарктидой, когда ледовый

континент был признан континентом науки. Нам лишь изредка удавалось извлекать уроки из истории! Нам хотелось, чтобы Красная планета стала Белым Марсом — планетой науки.

Он: Это древний боевой клич!

Она: Древний боевой клич по-прежнему остается в силе. В середине двадцать первого столетия на Земле возникло движение под названием АЗЦНМ — Ассоциация Защиты Целостности Неиспорченного Марса. Сначала ее считали группой эксцентриков и «зеленых». АЗЦНМ хотела сохранить Марс таким, каким он был многие миллионы лет, чем-то вроде мемориала первой мечты первых людей. Их главное требование состояло во всеобщем признании того факта, что любая окружающая среда — священна и неприкосновенна. На Земле и без того было погублено немало природных зон, так зачем же подвергать подобной участи другую планету — целую планету.

Однако люди, высадившиеся на Марсе в составе первой экспедиции, должны были оправдать затраченные на ее подготовку расходы. Им предстояло заняться преобразованием Красной планеты. Для них требование неприкосновенности планеты было неприемлемо, ведь наши

предки испытывали на себе давление тех довольно примитивных обществ, к которым они принадлежали.

Он: Ах да, преобразование планеты! Термин и понятие преобразования инопланетной природы ввел в обиход писатель-фантаст Джек Уильямсон. Каким прогрессивным оно поначалу представлялось! Это была очередная идея, легко укоренившаяся в плодородной почве человеческого разума.

Она: Верно. Ничего зловещего тут не усматривалось. Астронавты просто приняли идею как должное. Это было частью их мифологии и означало старомодный образ мышления. И они представляли себе, как улучшают планету и превращают ее в подобие Земли. Их завораживали компьютерные модели — картинки Марса в будущем, когда он станет похож на Котсуолдс в солнечный день.

Он: Однако в сознании сохранялись и предрассудки. Марс как свалка отходов, безжизненный мир, «подходящий для развития», словно сошедший с иллюстрации «ядерной зимы» — старого мифа о вине человечества за судьбу планеты, — или же Марс как небесное тело — ужасное, надменно-равнодушное. Это было подобно двум

противоположным идеям, которых придерживался капитан Кук три столетия назад. И…

Она: Они вышли из кораблей и стояли с тем же видом, что и дородный Кортес из стихотворения Китса, молчаливо стоявший на вершине горы в Дариене. Передними простиралась бескрайняя планета и…

Он: И?..

Она: И они поняли — поняли дискурс, упомянутый в стихотворении Шелли, дискурс между внешним и внутренним миром. Они поняли, что преобразование планеты — не более чем мечта, компьютерная фобия земного обитателя большого города. И делать этого нельзя. Пользуясь старым определением, это было богохульственно и противоречило природе. А вы ведь знаете, как горожане боятся природы. Неким мысленным зрением они видели, что эту окружающую среду уничтожать нельзя. Что она несет некий посыл, аскетичное послание: Одумайся! Ты достиг многого — достигни большего! Одумайся!

Он: Одумайся и заново ощути — потому что именно опыт совершил революцию в их сознании. Стоя на поверхности Красной планеты, астронавты поняли, что присутствуют в момент важного исторического свершения. И все же,

понимаете ли, некоторые люди утверждали, что жизненно важное решение — не изменять природу Марса — возникло из впечатляющей речи генерального секретаря ООН Джорджа Блая, который решительно высказался против вмешательства людей. Его слова потом часто цитировали: «Преобразование природы — умная затея, которая может найти, а может и не найти реального воплощения. Однако разумность — менее важная категория, чем почтительное уважение. Мы должны с почтительным уважением относиться к Марсу, потому что независимо от нас он существовал всегда. Мы не имеем права уничтожить миллионы лет его величественного одиночества просто в силу какой-то умной идеи. Давайте не будем тянуть к Марсу руки!»

Она: Вы верите в то, что именно эти слова Блая астронавты вспомнили, когда высадились на Марсе?

Он: Частично верю. Хотелось бы верить, потому что иногда лучше удержаться и не тянуть руки туда, куда не следует. Эта идея не столь популярна, но она предпочтительнее вторжения. В любом случае они не стали тянуть к Марсу руки. Тем самым было положено начало нового мышления. К счастью, на Марсе невозможна добыча и раз-

работка полезных ресурсов. Там нет нефти или каких-либо разновидностей ископаемого топлива, потому что на Марсе никогда не было лесов. Под поверхностью Красной планеты имеются ограниченные запасы воды. На удивление пустой, скудный мир, так долго бывший объектом мечтаний и размышлений человечества, — бесконечная мрачная пустыня.

Она: Кстати сказать, старомодное слово «пространство» к тому времени было сдано на хранение в этимологический музей. Это шоссе бесчисленных частиц теперь известно как «матрица».

Он: Отлично. Миллионы молодых людей желали побывать на Марсе. Точно так же, как и двумя столетиями ранее их ровесники шли пешком, ехали или скакали на лошадях по просторам Северной Америки в западном направлении. ООН пришлось сформулировать правила поведения для потенциальных гостей Марса. Летать на эту планету, причем далеко не на комфортабельных космических кораблях, ЕВПАКАМ разрешил двум категориям землян: МОСам и ВПЛам. (Смеется.)

Она: Что ж, разумная классификация. Или по крайней мере оправданная. МОСы — это Молодые Образованные Совершеннолетние. Они долж-

ны были сдавать особые квалификационные экзамены. Слово «ВПЛ» означало «Выдающиеся Пожилые Люди». Их выбирали члены тех коммун, в которых они проживали. Стоимость путешествия с Земли на Марс была очень высока. Поездки землян из категории ВПЛ оплачивали коммуны. МОСы удостаивалась такой возможности после года работы в общественных службах тех же коммун.

Он: Поэтому гигантские рыбоводческие хозяйства на Галапагосских островах и в Капа-Флоу, птицеводческие фермы на севере Канады и виноградники Гоби развивались и процветали… исключительно благодаря труду многочисленных добровольцев.

Она: А также лесопосадки во внутренних пустынях Австралии.

Он: Практически вся огромная масса людей, отправлявшихся на Марс, этот космический эквивалент Айерс-Рока, для того чтобы медитировать, исследовать незнакомый мир, наслаждаться радостями медового месяца, реализовывать себя и находить свое место в окружающем мире, сталкивалась с реальностью космоса. И все до единого застывали на месте в благоговейном ужасе, впитывая законы вселенной.

Она: И один из них восхищенно произнес: «То, что я прибыл сюда, чтобы все это испытать, означает — я самое необычное существо во всей вселенной».

Он: А потом все со страшным грохотом развалилось!

Она: О да, так бывает везде, где происходит крушение мышления! А разрушение ознаменовало собой конец некоей эксплуататорской цепочки мысли. В 2085 году ученые мужи назвали это концом Кошмара XXI века. Консорциум ЕВПАКАМ прекратил свое существование. Причиной этого стала коррупция, свившая гнездо в его недрах. Были растрачены миллиарды долларов, и когда стали известны точные цифры, корпорация рассыпалась как карточный домик.

ЕВПАКАМ обладал монополией на межпланетные путешествия и все связанные с ними мероприятия. Межпланетное сообщение прекратилось. В тот момент на Марсе оказались пять тысяч туристов, а также две тысячи обслуживающего персонала и ученых — Марс, как известно, является превосходным местом для астрономических наблюдений за Юпитером и его спутниками.

Семь тысяч людей оказались отрезанными от

Земли.

Он: Но Марс — это огромный пустынный остров. В ту пору он представлял собой сложное сообщество, которому не хватало атмосферы Дикого Запада с его серьезными делами. На Марсе не было огнестрельного оружия, не было разрушающих мозг наркотиков, не было местной валюты, лишь ограниченный кредит.

Она: И еще одна важная подробность. Там не было животных. Поскольку на Марсе не имелось подножного корма или запасов фуража, то и животных тоже не было, за исключением нескольких кошек. Вегетерианство приняло характер скорее позитивный, нежели негативный. Отказ от мясной пищи имитировал привычки некоторых землян. Эта новая обеспокоенность судьбой животных посредством демонстраций и лоббистской деятельности заставила многие правительства принять законы о правах братьев наших меньших. Широко распространилось общественное осуждение практики разведения животных с целью их убийства ради употребления мяса в пищу. Человеческое сознание наконец-таки пробудилось от спячки.

Он: Боюсь, в отношении животных вы ошибаетесь. Я хорошо помню один документальный

фильм, в котором видно, что наши марсианские жилые купола полны птиц с ярким оперением. Да и рыб там тоже, помнится, показывали.

Она: Да, были птицы; да, были и рыбки, но никаких других животных. Птицы, которых разводили на Марсе, представляли собой генетически модифицированную разновидность попугаев. Вместо неприятных скрежещущих звуков, которые они издавали раньше, эти пернатые создания стали услаждать слух людей благозвучными трелями. Им разрешалось свободно летать на ограниченных пространствах главных жилых помещений, «туристических куполов». К птичкам относились очень бережно, поскольку их было очень мало. Никто не посмел убить и съесть их во время изоляции Марса от окружающего мира.

Он: Так марсиане оказались отрезанными от всего остального человечества, к счастью, имея своих собственных мудрых правителей. Во время вынужденной изоляции Марса потребление воды, находившейся глубоко под его поверхностью, было строго нормировано. Вода была необходима для нужд сельского хозяйства, а также подвергалась электролизу для получения кислорода. Оторванное от Земли марсианское сообщество имело реальный повод для более тесной коорди-

нации всех своих действий. Это объяснялось тем, что без такой координации выжить в сложившихся обстоятельствах было невозможно.

Она: Крах ЕВПАКАМа стал причиной финансового кризиса в деловых центрах Земли — в Лос-Анджелесе, Сеуле, Пекине, Лондоне, Париже, Франкфурте-на-Майне. Разочарование в политике невмешательства правительства в дела бизнеса было полным и сокрушительным. Поэтому и фраза «Давайте не будем тянуть руки за лишним» сделалась чрезвычайно популярной. Давайте не будем тянуть руки за еще одним рожком мороженого, еще одной банкой пива, еще одним автомобилем, еще одним домом! Вы перестаете тянуть руки за чем-то, вам ненужным, просто из чувства гордости за самого себя.

Прошло пять лет, прежде чем был восстановлен ограниченный график межпланетного сообщения между Землей и Марсом. К тому времени идея общественных работ окончательно укоренилась, существенно упрочив концепцию, рассматривавшую население Земли как единое целое и составную часть живой природы, необходимую для нормального функционирования всей планеты. Узнав о том, что поселение людей на Марсе превратилось в утопическую коммуну, скромно

довольствующуюся минимальными ресурсами для нормальной, здоровой жизнедеятельности, земляне испытали огромное воодушевление и великую радость, большинство народов Земли отправили на Белый Марс своих представителей — по одному человеку или даже по нескольку.

Он: Марсианский образец значительно ускорил переход от эксплуататорского капитализма к уже начавшему зарождаться «менеджеризму». Политика невмешательства в капиталистическое производство канула в Лету, подобно давней бесславной попытке создания коммунизма. Началась эпоха мирной Земли, когда правительства разных стран сосредоточили свои усилия на интеграции важнейших компонентов экономики, и в мире окончательно возобладала модель поведения, более присущая безобидным садовникам, чем баронам-разбойникам.

Она: Да, но с увеличением числа путешественников из категорий МОС и ВПЛ, отправлявшихся на Белый Марс, запасы воды на планете иссякли. Глубинные запасы были вычерпаны до последней капли. Возникло ощущение, что цивилизации Марса пришел конец.

Он: Я не согласен с тем, что дела были настолько плохи, потому что пилотируемые космические

исследовательские ракеты все дальше и дальше внедрялись в глубины космического пространства Солнечной системы и царства величественных гигантов — Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна. Неизвестного характера деятельность была зафиксирована между Нептуном и его крупнейшим спутником Тритоном. Поэтому на одном из спутников Юпитера, Ганимеде, создали базу…

Она: Я бывала в Ганимед-Сити. Веселое место. Люди там живут лишь одним днем. Боюсь, сейчас Марс облетают стороной, потому что вид Юпитера, открывающийся с Ганимеда и других спутников, неизменно вызывает у космических туристов поистине сказочное ощущение.

Он: Один прыжок, и вы уже на соседнем с Ганимедом спутнике Юпитера, Океании — таково новое название Европы, — откуда открывается еще более ошеломительный вид на Юпитер.

На Океании есть передвижная база, возведенная на поверхности плавучей льдины километровой толщины. Под коркой льда находится целый океан пресной воды, чистой пресной воды, полностью лишенной каких-либо форм жизни. Или по крайней мере лишенной до тех пор, пока жизнь в ней не будет посеяна.

Эта самая вода в особых пузырях доставлялась

на Марс. Теперь на Марсе существует огромное озеро, которое постепенно превращается в настоящее море пресной воды. Так что главная проблема Красной планеты решена.

Она: Конечно же, можно сказать, что природа Марса наконец преобразована. Человечество не останавливается в своем развитии и больше не нуждается в памятнике старым мечтам и иллюзиям.

Он: Период так называемой экономной утопии на Марсе длился недолго. Однако трагичный двадцатый век с его войнами, геноцидом, убийствами, алчностью и несправедливостью ушел в прошлое. Мы наконец обрели силу не тянуть руки, как говорил Джордж Блай, за тем, что нам не нужно. Когда люди стремятся к звездам, они испытывают настоящее счастье.

Она: Они устремляются к звездам, чтобы встретиться с братьями по разуму, о которых нам ничего не известно… Но может быть, они встретятся с Богом?

Он: Вряд ли. Бог был одной из тех скрипучих половиц человеческого сознания, которые мы оставили в прошлом, после того как смогли сделать Марс своим домом.

Она: Не могу согласиться с этим утверждением.

Что стало бы с человечеством, не будь в мире добра?

Он: А что произошло с человечеством в двадцатом веке, когда добро предположительно существовало? Вы, верующие, можете сказать: «Он спас нас от самоуничтожения, избавив от ядерной войны. Такова была Его воля». Однако если бы люди уничтожили друг друга, то это в равной степени тоже была бы воля Божья. Бога не существует, но, несмотря на это, я его ненавижу. Ведь религиозные убеждения заставляли нас прилагать мощнейшие усилия для того, чтобы отвратить свой взгляд от наших собственных трудноразрешимых проблем. Бог стоял на нашем пути к просвещению, подобно юнговской Тени, мешая нам согласиться с тем, что мы возникли из праха, упавшего с поверхности угасших солнц. Что мы — часть вселенной. Вселенная — наш родной дом.

Она: Позвольте вам возразить. Бог — неиссякаемый источник нашего вдохновения, возвышающий нас над материальным миром. Разве вы не слышали той удивительной музыки, созданной к вящей славе Его? Или не видели картин, вдохновленных верой в Него?

Он: Картины созданы людьми. Бог не обладал

и половиной музыкального таланта, какой был у Иоганна Себастьяна Баха. Вам следует отказаться от этого заблуждения, но можно по-прежнему убаюкивать себя им. Пересмотр прежних убеждений — свидетельство взросления.

Она: Не понимаю вас.

Он: Вы хотите сказать, что не понимаете сути эволюции?

Она: Не говорите глупостей. Наука и религия нисколько не противоречат друг другу.

Он: Верно. Это опыт и религия противоречат друг другу.

Она: Но что мы будем делать без Бога?

Он: Мы должны учиться — поскольку учимся мы крайне медленно — правильно оценивать самих себя и наши поступки.

Она: Вам не удастся пошатнуть мою веру. Мне жаль, что у вас нет веры.

Он: Веры? Способности упрямо отрицать очевидные факты? Послушайте, к чему гордиться собственной слепотой? Подумайте о том, что представление о Боге отделило нас от остальной природы, возвысило над животными, показало нам пример могущества и самоуничижения. Сделало из нас углубленных в самих себя идиотов.

Она: Ваши слова — это богопротивная чушь.

Когда вы их произносите, вы демонстрируете свою бездушность и бесчеловечность.

Он: Мы уже почти превратились в новый биологический вид, мы, звездоплаватели. В нас сейчас стремительно происходят физические и ментальные изменения. Мы стали такими благодаря дарам трагического двадцатого столетия, в котором был открыт код ДНК и достигнуты значительные успехи в генной инженерии. Резервуары, переправляемые в обоих направлениях по матрице между Океанией и Марсом, — это живые объекты, сотворенные благодаря биоинженерным способностям, объекты, скопированные с простой пузырчатки.

Она: Вы, наверное, помните, какой восторг испытали мы все, когда Ганимед сделался пригодным для проживания, и все благодаря запасу новых растений и насекомых. Их образцы были доставлены на борту беспилотных космических ракет. Они совершили мягкую посадку на Ганимеде, распространились по всей его поверхности, быстро дали потомство и подготовили спутник для нашего прибытия туда. К этому моменту первые обитатели планеты достигли пика своей жизнедеятельности. Пожирая себе подобных и умирая, они удобряли собой новообразованную

почву. Подобный прогресс был просто немыслим в дни первых полетов на Марс с их механистическим подходом.

Он: Разве Бог хотя бы раз прогулялся по Ганимеду? Нет, он, наоборот, всегда вставал у нас на пути! Разве монструозная Тень, созданная воображением Карла Юнга, не отрезала нас от самореализации, от нас самих, существ, являющихся неотъемлемой частью целого космоса, — частичек праха давно угасших солнц?

Она: Попытайтесь возлюбить Господа, даже если вы и не верите в Его существование. Ненависть лишь пойдет вам во вред. Бог был необходим — возможно, жизненно необходим, в прошлом, много веков назад, и Спаситель показал нам то, к чему нужно было устремлять дух в долгие мрачные века.

Он: (Смеется.) Вы хотите сказать, что мы спасли самих себя?

Она: Я хочу сказать, что когда-то нам помогала лишь вера в любящего человечество Спасителя. Но, конечно же, мы избавились от ненависти на внешних спутниках, так же как избавились от большинства болезней. Генетическая коррекция и усовершенствованная иммунная система значительно очистили наше сознание.

Он: Именно понимание того, что мы являемся неотъемлемой частью природы, изменило наше восприятие после освоения Марса. За этим последовало многое. Суровый Марс существенно прояснил наш разум. Наша симбиотическая связь с растительной жизнью ускорила развитие теплокровных растений. Она радикально изменила все наше существо и внешний облик. Эпифит, отрастающий на нашей голове, во многом напоминающий орхидею, сейчас является предметом законной гордости женщин. Это позволяет вам носить с собой микроатмосферу, определитель температуры и прочие разновидности восприятия окружающего мира, куда бы вы ни пошли.

Она: То же самое можно сказать и о папоротниках, выросших со всех сторон вашего многоуважаемого черепа. Здесь вы правы. Теперь мы являемся настоящими землянами, наполовину людьми, наполовину растениями, прекрасно оснащенными для путешествий по вселенной.

Он: Что же, было приятно пообщаться с вами. Вам пора в путь. Я же вынужден удалиться на покой, я стал слишком стар для путешествий. Больше мы с вами не встретимся. Прощай, мой дорогой призрак!